

ФГБНУ «КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА: СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, УРОКИ

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

(г. Нальчик 15–19 октября 2014 г.)

Нальчик ■ 2014

УДК – 94(470.6).08
ББК – 63.3(235.7)52–68
К – 12

Издание подготовлено в рамках научного проекта
«Международная научно-практическая конференция,
посвященная 150-летию окончания Кавказской войны»,
поддержанного РФФИ (грант № 14-06-06048)

Редакционная коллегия:

*К.Ф. Дзамихов, Б.Х. Бгажноков,
З.М. Кешева, З.А. Кожев, Д.Н. Прасолов, А.Х. Абазов*

Кавказская война: события, факты, уроки

К – 12 Материалы международной научной конференции
(г. Нальчик 15–19 октября 2014 г.). – Нальчик: Изда-
тель-
ский отдел КБИГИ, 2014. – 186 с.

В сборнике публикуются материалы конференции «Кавказская война: события, факты, уроки», прошедшей в КБИГИ 15–19 октября 2014 г. в г. Нальчике.

Представлены новые интерпретации истории Кавказской войны (1763–1864), которая выступает как событие, оказавшее значительное воздействие на этнодемографическое, социально-политическое, экономическое и культурное развитие региона. Исследования, включенные в сборник, уточняют и дополняют устоявшиеся представления о рассматриваемых событиях, а также предлагают новые сюжеты для последующего изучения наиболее сложного и противоречивого этапа интеграции народов Северного Кавказа в социально-политическое пространство Российской империи.

В оформлении обложки и титульного листа использованы иллюстрации из книги Т.В. Половинкиной «Черкесия – боль моя и надежда» (Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2014).

ISBN 978-5-91766-092-9

Б.Х. Бгажноков
(г. Нальчик)

МОЗДОК В ИСТОРИИ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Кризис русско-кабардинских отношений и строительство русской крепости Моздок на севере Кабарды рассматривается как переломный момент в истории этих отношений, как начало Кавказской войны 1763–1864 гг.

Ключевые слова: *Белградский мирный трактат, Кабарда, Большая Черкесия, Моздок, Екатерина II, пограничная линия.*

I

В кабардино-балкарской историографической традиции временные рамки Кавказской, или Русско-Кавказской войны определяются 1763–1864 гг.¹ Началом войны, согласно такой датировке, послужило сооружение в 1863 г. российской стороной форпоста и сразу вслед за этим – крепости и поселения в урочище Моздок на севере Кабарды. Такого мнения придерживался также российский военный историк В.А. Потто. По его словам, основанием Моздокского укрепления и поселения русские, возможно, сами того не сознавая, заложили «краеугольный камень завоевания Кавказа»².

Но строительство города Моздока имеет свою предысторию. И она заслуживает особого внимания, так как проливает свет на логику дальнейших событий, на динамику русско-кабардинских отношений.

После Русско-турецкой войны 1735–1739 гг., в которой при ощутимой поддержке кабардинцев³ русские одержали победу, Российской империи отошли земли к югу от Царицынской сторожевой линии до условной, еще не вполне определенной линии между Азовом, рекой Калаус, урочищем Маджары и Кизляром⁴. Это была громадная, в основном степная территория, населенная калмыками и казаками, которые становились теперь подданными Российской империи. В Белградском мирном трактате, заключенном 18 сентября 1739 г. между Россией и Турцией,

завоевания России были закреплены в третьем, четвертом и пятом артикулах⁵. В то же время не были демаркированы границы империи с рубежными территориями Большой Черкесии к югу от Кумо-Манычской впадины, где кочевали ногайские орды. Пункт 4 трактата обязывал сделать это через полгода после его ратификации⁶. Но достичь по этому вопросу окончательного решения не удалось. Поэтому сохранялась и в какой-то степени искусственно поддерживалась возможность различной трактовки данных границ, образования на этой почве спорных территорий.

Тем не менее земли между Азовом и Кизляром, хотя и без четкого указания границ, были разделены. И не только между Турцией и Россией, но также – по реке Калаус и развалинами г. Маджары – между Россией и Кабардой, которая по пункту 6 Белградского трактата объявлялась буферным и нейтральным государством, «барьером между двумя империями»⁷.

Свою выгоду из этой не вполне определенной ситуации пыталась извлечь каждая из сторон. Турция и Крым, теряя надежду на овладение Восточным Кавказом, стремились настроить против России население данного региона. Кроме того, действуя согласованно, они склоняли к переселению в Прикубанские степи под свою протекцию остатков ногайцев, а в Закубанье – отдельных групп кабардинцев, усиливая тем самым свои позиции на Западном Кавказе. Кабарда в лице наиболее влиятельных князей Баксанской партии спешила воспользоваться юридически закрепленной независимостью для централизации власти, усиления контроля над подвластными ей народами и территориями. Что же касается России, то она сосредоточилась на продвижении своих южных границ по возможности ближе к Кавказу и прежде всего – в зоне контактов с Кабардой, начиная от Кизляра и станицы Червленной на левом берегу Терека, заканчивая верховьями реки Калаус.

Этот район был избран царскими чиновниками не случайно. Во-первых, он был важен для установления более тесных экономических и культурных связей не только с кабардинцами, но и с другими народами Центрального Кавказа. Во-вторых, казалось, что именно здесь такое сближение легче всего осуществить, что в Кабарде, связанной с Россией военно-политическим союзом, не станут возражать против прихода русских на ее сравнительно безлюдные (после выселения в 1742–1743 гг. ногайцев) северные территории.

Руководствуясь этими соображениями, царские чиновники еще в начале 1740-х гг., то есть сразу после окончания Русско-турецкой войны, построили в урочище Моздок форпост и селение⁸.

С одной стороны, это было нарушением Белградского мирного трактата, по которому России запрещалось восстанавливать крепость Азов и строить на Северном Кавказе любые другие укрепления, за исключением Черкаска-на-Дону⁹. С другой стороны, неожиданно для российской стороны строительство Моздока вызвало недовольство кабардинских князей. Укрепление стало приютом для беглых крепостных крестьян Кабарды, в особенности армян и грузин. Оживились контакты с малокабардинцами, а также с осетинами и ингушами, заметно увеличились случаи перехода горцев в христианскую веру и выхода из-под контроля и влияния Кабарды.

Больше всего встревожило строительство Моздока князей Баксанской партии в Большой Кабарде. По всей вероятности, они опасались повторения сценария с городами Терки и Кизляр. Известно, что после строительства этих городов на землях Восточной Кабарды сюда стали стекаться, принимая христианство, не только крепостные кабардинских владельцев, но и отдельные князья со своими узденями и крепостными. В конце концов в начале XVIII в. полный контроль над низовьями Терека перешел к русским. Кабардинцам пришлось оставить восточные районы Большой Черкесии и отступить на запад до устья Сунжи.

Помня об этом и выражая недовольство ситуацией, складывающейся на границе с Россией, в 1744 г. представители Баксанской партии обратились к Елизавете Петровне с просьбой, фактически – требованием, состоящим из трех пунктов:

1. Чтоб повелено было в урочище Моздоке строению и караулу не быть, потому что оное строение в таком месте заведено, где мы рубим лес и скот наш пасется, будучи оное поблизости к нам.
2. Беглых собственных наших черкесских узденей и рабов, оставшихся после отцов наших, не принимая, обратно нам отдавать, а за грузинцов, есть ли их самих невозможно, то деньгами выдавать.
3. Если ж кто из наших родственников, по желанию своему отъехав из Кабарды, поселится для житья в Кизляре и потом будет требовать себе оставшихся в Кабарде узденей и слуг своих, объявля данной им о томи указ, то всеподданнейше просим нас, рабов своих, от здешней стороны не отогнать, ибо наперед сего никогда того не бывало»¹⁰.

Следует сказать, что в оправдание своих действий российская сторона убеждала князей в том, что в Моздоке укрепление было построено только для охраны и сближения русских и кабардинских рубежей, для облегчения торговли, для наилучшего исполнения условий военно-политического союза между Кабардой и Россией. Поэтому в своем прошении кабардинцы дипломатично отвечают на эти разъяснения своими собственными соображениями и предложениями о безопасности русско-кабардинских границ. Дополнительно к вышеперечисленным требованиям они заверяют императрицу, что готовы, как и прежде, верно служить России и ручаются, что сами обеспечат безопасность в районе Моздока. И не только свою собственную, но в том числе и для российской стороны. Подчеркивается, что у Кабарды достаточно для этого сил и средств:

«...всеподданнейше просим всемилостивейше нас, рабов своих, не оставить и удостоить попрежнему в.и.в. службу нашу продолжить, а мы вашему величеству всеподданнейше представляем: хотя в Моздоке караулу и строения не будет, но вашему величеству опасности ни от кого не настоят и нам обиды быть не может, потому что противу нас, рабов ваших, никакой народ супротивляться не может»¹¹.

Документ подписали семнадцать наиболее влиятельных князей Баксанской партии в Большой Кабарде: Картул Исламов, Науруз Исламов, Касай Атажукин и др. Елизавета Петровна, не желая омрачать традиционно союзнические отношения с кабардинцами и опасаясь также обострить отношения с Турцией, велела уничтожить Моздокское поселение. Тем самым уже тогда Кабарда была признана Россией в границах, которые были обозначены самими кабардинскими князьями. В частности, в районах, где эти границы соприкасались с территорией Российской империи, кабардинцы считали своими на северо-западе – земли до верховьев Калауса и урочища Маджар, на северо-востоке – до урочища Мекен и вплоть до станицы Червленной на правом берегу Терека.

В этих районах располагались леса, затем пашни и пастбища кабардинцев с ограниченным числом поселений – преимущественно для размещения крестьян и скотоводов во время сезонных работ. Значительная часть солтанаульских ногайцев, находившихся под покровительством Кабарды и живших здесь

до 1742 г. XVIII в., к этому времени ушла в Прикубанье под протекцию Крыма во главе с Мусса-Мурзой¹², сын которого был женат на дочери Бамата Кургокина, ставшего затем, в 1753 г. валием – старшим князем Кабарды. В свою очередь русские увели оставшуюся часть солтанаульцев к Кизляру, ближе к русским границам, а затем рассредоточили еще больше, переселяя к калмыкам и в Астраханские степи. П.Г. Бутков пишет в данной связи: «Солтанаульцы отобраны от Кабарды, приведены к Кизляру и поселены за Терекком. Они и здесь не уживаются и переведены к Астрахани; часть их разделена по калмыцким улусам. От них взято 126 аманатов»¹³.

Иными словами, в середине XVIII в. северные территории Кабарды были оголены и плохо защищены. Это были сравнительно безлюдные земли, что больше всего обнадеживало российских чиновников, склоняло к варианту по возможности безболезненного проведения здесь своих границ. Казалось, что используя свое влияние в Кабарде и улучшив момент, все же удастся здесь – где-то на северо-восточных окраинах Пятигорья – построить свой город и соединить его со станицей Червленной.

II

В 1753 г. в окружении императрицы вновь поднимается вопрос о соединении линии укреплений и поселений в низовьях Терека с каким-либо укреплением в районе низовьев Кумы, Куры или Курпа. Из документов Российской государственной Коллегии иностранных дел явствует, что 19 августа 1753 г. был издан секретный указ Елизаветы Петровны о разведке и геодезической съемке местности между рекой Терек и устьем реки Курп. Цель разведки – выбор места, удобного для строительства укрепления и города в этом районе¹⁴. Выполнение указа было поручено кизлярскому коменданту И.Л. Фрауендорфу. В том же году во главе с инженером капитан-поручиком Деколонгом был произведен осмотр местности в районе урочища Бештамак и устья реки Курп, там, где эта речка впадает в Терек¹⁵.

17 января 1754 г. результаты осмотра были доставлены в Коллегию иностранных дел секретной экспедицией. Отмечалось, что места между устьями двух рек – Курпа и Черной – удобны «для закрытия от Большой Кабарды» и «заложения крепости».

Подчеркивается также, что для проведения необходимых границ надлежит отсюда (от новой крепости) до Червленого городка на расстояние 103 версты «по берегу Терка построить редуты»¹⁶.

Судя по всему, Елизавета Петровна воспротивилась реализации этого плана. Тем не менее летом 1756 г. за ее спиной и за спиной Коллегии иностранных дел работа в этом направлении была продолжена. «... Находящийся в Астрахани при казенных виноградных садах поручик Парабич с немалою командою ездил в Кабарду к урочищу, называемому Маджаром, к Бештовым горам и к рекам Курпе и Малку для осмотра и описания тамошних мест»¹⁷. И снова выбор пал на покрытое густым лесом урочище Моздок. Его выделяют как район, наиболее пригодный для решения поставленной задачи еще и по другой причине. Сюда желал переселиться со своими подвластными оставивший свое владение в Герменчике (на левом берегу Терека) крещеный кабардинский князь Девлет-Гирей Черкасский¹⁸. Сын Бекмурзы Джамбулатова он был также родным братом Александра Бековича-Черкасского и Эльмурзы Черкасского.

Все приготовления проводились в строгом секрете, чтобы не встревожить преждевременно Российское правительство, а также кабардинских князей, турецких и крымских правителей.

Несмотря на строгую секретность, информация о намерениях и приготовлениях русских просочилась в том же 1756 г. Особенно тревожился по этому поводу крымский хан, призывая кабардинцев быть бдительными и объединиться с ними – под их протекцией – против России. Для этого в Большую Кабарду был послан племянник крымского хана Селим-Гирея Аклав-Мурза. Он заверял кабардинских князей в том, что после строительства города «от Российской империи на Кубанской степи на Куме реке ... не только им из того утешение будет, но и вся их кабардинская вольность отимется»¹⁹.

В Коллегии иностранных дел были также очень встревожены. С одной стороны, чиновники опасались гнева Елизаветы Петровны. С другой – в этом ведомстве все хорошо понимали, что такими действиями Россия нарушает условия Белградского мирного трактата. Согласно этим условиям, России, точно также, как и крымско-турецкой стороне, запрещалось «вступаться» и «обеспокоивать» Малую и Большую Кабарду, а также строить даже на установленной границе с ней свои города и крепости. Поэтому в Коллегии иностранных дел спешат осудить самоволь-

ные действия поручика Парабича. В посланной на имя императрицы выписке Коллегии иностранных дел от 2 сентября 1756 г. подчеркивается:

«... все оные места, то есть Бештовые горы, также реки Курпа и Малка принадлежат Кабарде. И никто иной как кабардинцы ими владеют. То чрез таковые к Кабардам посылки и разглашение о построении в тамошней стороне от здешней стороны города, легко весь труд о содержании кабардинцев в доброжелательстве к здешней стороне употребленной уничтожен быть может, заставя их держаться крымского хана. И притом и Порты в подозрении ея о том, что кабардинцы в здешнюю сторону привлекаются и о совершенном их подвержении старание прилагается, настоящую от того причину возыметь подтвердится. А во всех означенных местах без явного предосуждения настоящему с Портою Оттоманскою трактату не только города или крепости, но ничего другого заводить отнюдь невозможно»²⁰.

Фактически, этим документом российская сторона признавала за Кабардой ее северные территории, включая, разумеется, и урочище Моздок. Опасаясь, что строительство крепости Моздок сильно осложнит отношения с Турцией и Кабардой, в Коллегии иностранных дел было принято решение отказаться от этих планов. Но скорее всего и в еще большей степени за этими решениями стояла воля осторожной во всем и весьма благожелательно настроенной к кабардинцам Елизаветы Петровны. Одновременно запрещено было жить и селиться здесь даже кабардинскому князю Девлет-Гирею Черкасскому, один из братьев которого был когда-то сподвижником Петра I, а второй – астраханским воеводой. Согласно документам, «по указу 31 августа 1756 года Коллегия иностранных дел по представлению Фрауендорфа (Кизлярского коменданта. – Б.Б.) запретила Девлет-Гирею (Черкасскому) жить в урочище Моздок, а предложила переселиться в вершины червлёных теплых вод. Если ему будет там опасно, то он может перейти в Кизляр»²¹.

Однако через три года другой, теперь уже малокабардинский князь Кургоко Канчокин, приняв крещение, изъявляет желание поселиться там же – между Моздокком и Мекенем под защиту и покровительство императрицы Елизаветы Петровны²². Это позволяет царским чиновникам еще раз вернуться к планам соединения Кизляра с Моздокком единой системой укреплений. В 1760 г. они устраивают Канчокину встречу в Петербурге с императрицей Елизаветой Петровной, готовят новые проекты

строительства крепости и поселения Моздок. Но императрица и здесь проявляет сдержанность и не идет на поводу у своего воинственно настроенного окружения.

Однако попытки царских чиновников склонить Елизавету Петровну к строительству крепости Моздок не остаются без внимания Крыма и Турции. Постоянно напоминая кабардинским князьям о стремлении России закрепиться на северных территориях Кабарды, крымский хан Крым-Гирей призывает их к сближению и объединению против угрозы с севера. Удалось склонить на свою сторону даже Темрюко Баматова, старшего сына Бамата Кургокина, валия или правителя Кабарды. После совершения паломничества в Мекку Темрюк остановился у крымского хана и вел с ним переговоры о переходе в крымское подданство. Вскоре после этого, прислушиваясь к советам Крым-Гирея и выступая от имени всей Кабарды, он поселился в Закубанье в районе Зеленчуков. При поддержке Крыма и Турции он приступил здесь к восстановлению старых и строительству новых укреплений на случай нападений с севера – калмыков, донских казаков, русских²³.

Стремясь усилить свои позиции в Западной, или Закубанской Кабарде, юридически подконтрольной Турции и Крыму, в 1760 г. Темрюк Баматов вызвал письмом ко двору крымского хана своего младшего брата Дудароко. А весной 1761 г. Темрюк сам явился к кабардинским владельцам, чтобы передать им предложение крымского хана Крым-Гирея принять крымско-турецкое подданство; привез также богатые подарки для всех наиболее влиятельных князей: крымские ружья и пистолы, оправленные серебром. Однако миссия Темрюка, если верить выписке из дневника майора П. Татарова, закончилась полным провалом. Кабардинские князья отказались как от подарков, так и от предложений хана о подданстве. А самого Темрюка, фактически прогнали: «Только де ими, владельцами, оные подарки от него, Темрюка не приняты, да и в подданстве хана крымскаго быть они не хотят. И для того сказано ему, Темрюку, чтоб он, ежели с ними в Кабарде жить не желает, тоб ехал от них вон ис Кабарды куда хочет»²⁴. Не поддержал крымско-турецкую ориентацию своего брата и князь Дудароко Баматов, за что был задержан в Крыму как заложник²⁵.

Как видим, в целом крымско-турецкая пропаганда успеха не имела. Преобладало мнение, что слухи о том, что российская сторона вынашивает планы строительства города в низо-

вьях Кумы и отторжения северных территорий Кабарды сильно преувеличены. Или вообще не соответствуют действительности. Кабардинские князья были уверены, что повторно, после инцидента 1744 г. Россия не предпримет каких-либо аналогичных неправомерных действий.

Уверенность придавали им, кроме всего прочего, громкие победы на полях сражений, слава народа, имеющего в своем распоряжении самую лучшую в мире конницу. Обращая на это внимание и подытоживая данные о военном потенциале Кабарды, статский советник В.М. Бакунин в обстоятельно составленном для Коллегии иностранных дел «Описании Кабардинского народа» (1749) писал: «Никакое нерегулярное войско с кабардинцами сравняться не может»²⁶. При этом сами князья и правители Кабарды прекрасно понимали, что военной мощи России они противостоять не могут. Никто из них не допускал даже мысли о войне с северным соседом.

Поэтому закладка в Моздоке форпоста, ускоренное строительство российской крепости и города стало для кабардинцев полной неожиданностью. Все было сделано стремительно, без уведомления и согласия старшего князя Кабарды Бамата Кургокина²⁷ и других кабардинских владельцев, в нарушение заключенного еще в 1557 г. военно-политического союза Кабарды и России²⁸.

Нарушены были также пункты 6 и 8 Белградского мирного трактата 1739 г., заключенного после очередной войны между Россией и Турцией. По пункту 6, как сказано выше, Россия и Турция признавали Кабарду «вольной» и давали обязательство не нарушать ее границ, не вмешиваться в ее внутренние дела²⁹, что являлось важным для кабардинцев юридическим закреплением положения, которое отстаивала Кабарда (так же, как и Черкесия в целом) на протяжении всей своей истории. Пункт 8, помимо запрета на незаконный переход установленных между империями границ, предусматривал, задержание и возвращение «беглых» людей, совершавших такой переход³⁰. Он распространялся также и на Кабарду, постольку, поскольку ей отводилась роль «барьера между обеими империями»³¹.

Хорошо понимая (на этот раз), что строительство крепости и поселения Моздок с далеко идущими планами поселения сюда казаков и беглых крестьян, царские чиновники ожидали, что

их действия вызовут недовольство Турции и Кабарды. Поэтому были предприняты меры, призванные смятчить и дезавуировать нарушение установленных границ, придать своим действиям видимость легитимности.

Сначала кабардинским князьям и турецкому султану было доложено, что укрепление и поселение строятся исключительно в интересах Кабарды для защиты ее границ, для облегчения и упрощения условий торговли народов Кавказа, прежде всего кабардинцев, с Россией. Дополнительно к этому было объявлено, что о захвате кабардинских территорий не может быть речи, что российская сторона признает Моздок кабардинской территорией и вся активность в этом районе вызвана исключительно желанием новокрещенного малокабардинского князя Кургоко Канчокина. Утверждается, что по просьбе этого князя русские военные и чиновники на вполне законных основаниях помогают ему (с его подвластными) обустроиться там, где он хочет жить как природный кабардинский князь.

Лишь в 1762–1764 гг. риторика царских чиновников становится принципиально иной. На первом этапе (до 1763 г.) – тайно, а на последующих этапах (после 1763 г.) – открыто и неоднократно было заявлено, что на самом деле урочище Моздок находится на российской стороне.

В документах внутреннего пользования, которыми обменивались чиновники до 1763 г., подчеркивалось, что, несмотря на отсутствие документального подтверждения российской позиции о границах на Северном Кавказе, в интересах России следует именно так толковать Белградский мирный трактат. В правительственных кругах России сложилось мнение, что закрепившись на северных территориях Кабарды, царская администрация сможет взять под свою опеку или протекцию владельцев и всех жителей Малой Кабарды, включая сюда осетин и ингушей, защитить их от притеснений со стороны владельцев Большой Кабарды. Вынашивались далеко идущие планы переселения в урочище Моздок всех, кто был недоволен политикой Большой Кабарды в этом районе, а также планы переселения осетин и ингушей на Кабардинскую равнину.

Елизавета Петровна не могла одобрить этот проект. Поэтому впервые он был представлен лишь после воцарения на престоле Екатерины II. Документ, переданный ей 18 августа 1762 г.

в виде справки Коллегии иностранных дел, даже по своему названию отличался от аналогичных документов елизаветинского периода:

«Рассуждения Коллегии иностранных дел по выписке о живущих в кафказских горах за Малою Кабардою осетинцах и киштинцах, и по прошению находящегося здесь Малой Кабарды крещеного владельца Кортоки Кончокина, а во святом крещении Андрея Иванова о защищении их от притеснения, чинимого им от владельцев Большой Кабарды, и о переселении их на друтия места»³².

Составленная по представлению грузинского князя подполковника царской армии Отара Туманова, данная справка является развернутым планом отторжения кабардинских земель и одновременно планом поселения на этих (объявленных российскими) территориях всех изъявивших на то желание христиан, а также горцев, бегущих от кабардинских владельцев и готовых принять христианство. Спустя два месяца, а именно 9 октября 1762 г., «рассуждения» приобретают форму доклада Сената императрице Екатерине II. В этом докладе, также не подлежащем огласке, Екатерину II убеждают в том, что урочища Моздок и Мекеня на левом берегу Терека принадлежат России. Поэтому следует удовлетворить просьбу новокрещенного князя Кургоко Канчокина поселиться со своими дворянами, крестьянами и крепостными в Моздоке без опасений, что на Канчокина и его подвластных распространяется пункт 8 Белградского мирного трактата о возвращении перебежчиков с той и другой стороны границы:

«Помянутые оба урочища принадлежат бесспорно к здешним границам и к поселению удобны, да и турецкому двору, когда сей крещеной кабарднской владелец с другими таковыми ж новокрещенными // в здешния границы переведен будет, по 8 пункту заключенного трактата, претендовать неможно»³³.

Доклад подписали 14 человек, включая графа К. Разумовского, графа А. Шувалова, князя Михайло Голицына и других влиятельных лиц, близких к императорскому двору³⁴. Особое значение придавалось в этом плане: 1) построению крепости Моздок, 2) назначению «командиром» этой крепости новокрещенного малокабардинского князя Кургоко Канчокина (в крещении Андрея Иванова), 3) пожалованию его чином подполковника, 4) переселению в крепость кабардинцев, осетин и киштинцев (ингу-

шей), 5) выделению денег на жалование Кургоко Канчокина, 6) выдаче единовременного пособия всем жителям Кавказского края, изъявившим желание поселиться в крепости.

Екатерина II целиком одобрила предоставленный план. Об этом свидетельствует сделанная 11 декабря 1762 г. запись в Коллегии иностранных дел. В ней сообщается об отведении места к переселению кабардинскому владельцу Кургоко Канчокину, о пожаловании его чином подполковника и приведении к присяге³⁵. За действиями Екатерины II легко угадывалось желание отказаться от прежних договоренностей между Кабардой и Россией. В отличие от Елизаветы Петровны, она уже не сомневалась, что необходимо пересмотреть отношения с Кабардой, перевести эти отношения в плоскость реального, а не номинального подданства и безоговорочного вхождения в состав Российской империи.

Открыто позиция России по территориальному вопросу была объявлена 19 октября 1764 г. кабардинскому послу в Санкт-Петербурге Кайтоке Кайсинову в ответ на доставленное Екатерине II требование кабардинских князей уничтожить уже построенную в 1763 г. крепость вместе с разраставшимся вокруг крепости поселением. В этом ответе, подписанном Екатериной II и переданном Кайтуке Кайсинову новым вице-канцлером А.М. Голицыным, так и сказано: «Урочище Моздок без всякого сумнения принадлежит к землям Всероссийской империи, потому начатое при оном селение и оставлено быть не может»³⁶. Далее разъясняется, что поселение и крепость строятся исключительно для пользы Кабарды как близкий к ее границам пункт беспопшлинной торговли. Подчеркивается, кроме того, что поселять здесь будут только тех беглых горцев, которые крестились и перешли в христианскую веру на российской стороне. А они по Белградскому мирному трактату не подлежат возврату своим владельцам, и компенсация за них в виде денежных выплат не предусмотрена.

По целому ряду причин кабардинцы не согласились ни с действиями царских властей и военных, ни с аргументацией этих действий. И то, и другое было воспринято в Кабарде как посягательство на суверенитет страны, как нарушение действующих на тот момент и не утративших своего значения международных соглашений. Поэтому князья категорически отказались и от переданных им Екатериной II денег в сумме 3 тыс. руб.³⁷

Правда, по некоторым данным в Санкт-Петербурге, сами парламентары: Кайтука Кайсынов и сопровождавшие его знатные дворяне Шабаз-Гирей Кундетов и владелец из рода Тамбиевых согласились с доводами императрицы о принадлежности Моздока России. Отмечается, что послы из Кабарды отразили свое согласие с позицией российской стороны в тайном протоколе и приняли вознаграждение – 200 руб. для князя, по 100 руб. для дворян³⁸.

Однако эти сведения едва ли заслуживают полного доверия, а также далеко идущих выводов об измене или предательстве кабардинских послов, о тайном сговоре с Екатериной II³⁹. Нельзя исключать, что их подписи под необходимыми для императрицы бумагами были получены каким-либо обманным путем. Вполне возможно, кроме того что, действия послов, особенно в части получения денег, подчинялись дипломатическому этикету и правилам элементарной вежливости, а также желанию отстоять интересы Кабарды без обострения отношений с новой, едва вступившей в свои права императрицей России.

III

Наиболее уязвимой в позиции российской стороны было заявление о том, что по Белградскому мирному трактату урочище Моздок и все земли в его окрестностях перешли к Российской империи. На самом деле урочище Моздок находилось в самом центре Кабарды. После утраты прикаспийских территорий в начале XVIII в. кабардинские земли простирались от устья Сунжи до Лабы – с востока на запад и от Кавказского хребта до Маджар – с юга на север⁴⁰. На северо-западе они пролегали по верховьям рек Томузловка и Калаус. К востоку от этих мест пашни и пастбища кабардинцев достигали развалин Маджар на Куме⁴¹ (район нынешнего Буденновска) и северных окраин Кизляра. Сюда, в степи на правом берегу Терека крестьяне гоняли стада для подножного корма⁴².

Сами кабардинцы «считали своей собственностью земли по течению Кумы почти до того места, где она теряется в песках»⁴³. В прошении о снесении Моздокского укрепления, составленном кабардинскими князьями в конце 1763 г., сказано: «....кабардинские земли простираются, с одной стороны, до реки Кумы и до развалин старинного города Маджара, на оной реке находя-

щегося, а с другой – вниз по течению реки Терка до урочища Мекеня, лежащего по оной реке Терку ниже урочища Моздока, по крайней мере верст 60»⁴⁴. На карте Кабарды, составленной в 1744 г. геодезистом С. Чичаговым, владения Малой Кабарды также достигают урочища Мекен⁴⁵, поэтому есть все основания считать все эти сведения вполне достоверными.

Кроме поселений и осенне-зимних стоянок кабардинцев, здесь находились также кочевья ногайцев. Продвигаясь из-за Волги, различные группы ногайцев поселились здесь, на северо-востоке Большой Черкесии еще в XVI в. Как правило, они оставались верными союзниками Кабарды. В XVIII в. практиковалась, кроме того, сдача степных земель Кабарды в аренду – бесленейцам, темиргоевцам, армянам, грузинам, крымским евреям.

Различные участки обширного степного пространства имели свои названия и по-разному использовались в хозяйстве Кабарды: в одних случаях для рубки леса, в других, как пахотные для сева различных культур, в третьих – под пастбище. Рубка леса осуществлялась в предстепных лесистых районах. По свидетельству кабардинцев, включенному в прошение на имя Екатерины II, «по реке Терку до урочища Мекеня они всяким лесом пользовались и рубили на разные свои потребности»⁴⁶.

Пространство между Курой и Тереком называлось Курейской степью – *Къурей*, *Къурей губгъуэ* – и служило осеннее-зимним и весенним пастбищем для овец.

Степь на севере и северо-востоке от Курейя вплоть до низовьев Волги называлась Сотейской степью – *Сотей*, *Сотей губгъуэ*. Обычно здесь паслись принадлежащие кабардинцам громадные табуны лошадей.

Стратегическое значение имели находящиеся здесь соленые озера, которые были источником удовлетворения всех нужд кабардинского населения в этом продукте. Колоссальное значение имели они и для скотоводческих хозяйств. По словам В.К. Гарданова, «степи по Куме и за Тереком, которыми в XVIII в. пользовались кабардинцы, отличались еще и тем, что имели соленые озера, а также на многие километры были покрыты налетами поваренной и глауберовой соли. Эти соли и произраставшие здесь солонцевые растения с лихвой обеспечивали потребности скота в соли»⁴⁷.

Никаких сомнений о принадлежности Кабарде обширных лесных угодий и степей за Тереком в ее среднем и нижнем течении нет у многих других кавказоведов. Так, Г.А. Кокиев еще в 1946 г. в связи с российской экспансией на Северном Кавказе подчеркивал:

«Заложение Кизляра насторожило кабардинских феодалов, а основание Моздока вызвало сперва протест, а потом вооруженное сопротивление. По необъятным просторам предгорных равнин от Кубани до Каспия паслись табуны породистых лошадей и большие стада крупного и мелкого скота кабардинских князей. После же заложения крепости Моздок кабардинские феодалы должны были лишиться значительной части территории, которой они пользовались издавна. Кабардинские феодалы хорошо понимали, что захват их территорий и заложение на них военных укреплений есть начало конца их политической независимости»⁴⁸.

Высказываясь в таком же духе, Р.У. Туганов дает следующую характеристику земель Восточной Черкесии:

«... дельта реки Терека в ее среднем течении, вплоть до впадения в нее реки Сунжи, издавна занимала особое место в народном хозяйстве кабардинцев. Поскольку основу этого хозяйства составляло отгонное животноводство, то на Тереке располагались зимние и весенние пастбища кабардинцев с табунами лошадей и отарами овец. Здесь же, в дельте реки Терека, богатой зверем и птицей, кабардинские феодалы устраивали свои знаменитые осеннее-зимние охоты, на которые зачастую приглашали гостей с Кубани, с Причерноморья и даже из самого Крыма. Скот здесь находился почти всю зиму-весну и лишь с выгоранием трав постепенно перемещался на предгорные и горные пастбища. Таково фактическое положение вещей, зафиксированное самим представителем русской администрации – геодезистом Степаном Чичаговым в 1744 г.»⁴⁹.

Длительное время северные, лесостепные территории существенно дополняли экзистенциальное пространство Большой Черкесии и Кабарды, образуя единое материально-ресурсное, а также и военно-политическое целое страны. В частности, они позволяли остановить или задержать наступающие войска противника на дальних подступах к креационному пространству Черкесии, где стояли со своими кочевьями воинственные ногайцы.

Это хорошо понимали царские генералы, начавшие колонизацию Черкесии с закладки на ее северных территориях российских крепостей, с подчинения, выселения и уничтоже-

ния обитавших здесь народов – прежде всего ногайцев, численность которых только на Северном Кавказе – от Азовского моря до низовьев Волги – достигала нескольких сотен тысяч. Не зря Астраханский губернатор генерал-майор И.Е. Якоби в рапорте, поданном в декабре 1777 г. в государственную Коллегию иностранных дел, сетует по поводу того, что кабардинские князья присвоили и странным образом (несмотря на сооружение крепостей Азово-Моздокской линии) все еще удерживают в своем подчинении места близ Кумы, Куры, Томузловки, Буйволы, Калауса. В частности, отмечается, что они включают в число своих подданных поселившихся здесь с их позволения и «привязанных» к кабардинским владельцам «по земле» ногайцев-куралайцев, бесленейцев, темиргойцев, армян, крымских евреев и берут с них «подать лошадьми и рогатым скотом»⁵⁰.

Следует заметить, что в принципе аналогичным образом, хотя в каждом случае специфично, были устроены и защищены почти все границы и рубежные территории Черкесии. В частности, на ее южных границах проживали интегрированные в социальное, политическое и культурное пространство страны джигеты, убыхи, абазины, карачаевцы, балкарцы, осетины, чеченцы. В качестве форпоста юго-восточной Прикаспийской Черкесии или Кабарды рассматривались вплоть до начала XVIII в., а кумыкские владения Эндерей и Брагун, ногайские княжества Тюмень и Окочан.

О своеобразии этой ситуации свидетельствует тот факт, что длительное время даже стрельцов Терского города, а также некрасовских и гребенских казаков черкесские князья рассматривали как защитников своих рубежей. В пространстве, где отношения между адыгами, ногайцами, кумыками, донскими казаками, а позже – и калмыками не приняли стабильную форму, поселения гребенцов и некрасовцев оставались не только полем мирных и очень тесных культурных контактов местных жителей, но и беспрестанных столкновений двух могущественных держав – Турции и России.

При этом с середины XVI в. и вплоть до конца XVIII в. гребенские казаки считали себя относительно самостоятельной, но все же вполне естественной частью Кабарды и «кабардинской вотчины»⁵¹. Даже в 1773 г., когда Кабарда была уже сильно ослаблена войной с Россией, гребенские казаки посылали

кабардинским князьям письма с жалобой на притеснения со стороны русских, с просьбой прислать войска, способные защитить их от произвола царских войск⁵².

Все это позволяет понять резко негативную реакцию кабардинских владельцев на заявления и действия царских властей. Основание Моздока закрывало доступ к полям, пастбищам и поселениям на севере страны, к подворьям землепашцев, к осенне-зимним стоянкам животноводов. Прекращалась также бесперебойная и беспрепятственная поставка соли с соляных озер, которые становились теперь собственностью российской стороны. И последнее, о чем необходимо сказать. Вместе с ликвидацией прав кабардинских князей на северные территории разрывались и переходили в ведение и на усмотрение России их связи с многонациональным трудовым населением этих территорий.

IV

Логика описанных событий свидетельствует о том, что начало Кавказской войны было связано с кризисом русско-кабардинских отношений. Воспринимая Русско-кабардинский военнополитический союз и Белградский мирный трактат как препятствие для появившейся возможности присоединения к империи Кавказа, Екатерина II, не задумываясь, в одностороннем порядке прервала и нарушила эти договоренности и приступила к захвату северных территорий Кабарды.

При этом нельзя сбрасывать со счетов и роль личности в истории. Роковую роль в развязывании войны с Кабардой сыграл, несомненно, менталитет Екатерины II. Напоминания о выдержавшем испытание временем русско-кабардинском боевом содружестве были для нее пустым звуком. Придя к власти в результате дворцового переворота и умерщвления своего мужа, она круто изменила приоритеты внешней политики России и обратила всю мощь империи против Кавказа и Крыма, прежде всего против Кабарды. Был избран экспансионистский и далеко не самый лучший путь преодоления кризиса русско-кабардинских отношений.

Обескураженные агрессивной политикой Екатерины II и отказываясь поверить в происходящее, кабардинские князья действовали все имеющиеся в их распоряжении силы и средства, чтобы защитить свою свободу и сохранить в то же время

многовековой военно-политический союз с Россией, дружбу с соседними народами. В Петербург посылается одна кабардинская депутация за другой с целью предотвратить эскалацию военных действий и вернуться к букве и духу прежних русско-кабардинских договоренностей, в том числе и по территориальным вопросам. Но Екатерина II высокомерно отвергает все доводы кабардинских послов.

В сентябре 1769 г. после первых побед царских войск на реках Калаус и Эшкакон на северо-западных и юго-западных границах Кабарды, она с удовлетворением сообщает об этом Вольтеру, полагая, что вопрос о покорении Кабарды и присоединении ее к России военным путем решен⁵³. На самом деле русско-кабардинская война только начиналась. Она стала одновременно и началом Кавказской войны.

Примечания

1. Мальбахов Б.К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова. Нальчик, 1998. С. 64; Кожев З.А. Крушение традиционного черкесского мира. Кавказская война (1763–1864) // Адыгская (черкесская) энциклопедия. М., 2006. С. 204.

2. Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 1. С. 56.

3. Михайлов А.А. Кабарда в военной истории России первой половины XVIII века // Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века: Исследования и материалы. Нальчик, 2008. С. 66–70.

4. По словам Г.Н. Казбека, по Белградскому мирному тракту «в степях астраханских, границей принята река Калаус, а в Мажарах учреждена русская застава». Казбек Г.Н. Военно-статистическое описание Терской области. Тифлис, 1988. С. VIII.

5. Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. М., 2005. С. 40.

6. Там же.

7. Юзефович Т. Указ. соч. С. 41.

8. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2 томах (Далее КРО). М., 1957. Т. 2. Док. № 99. С. 123–124.

9. Юзефович Т. Указ. соч. С. 39–40

10. КРО. Т. 2. Док. № 99. С. 123.

11. Там же.

12. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 г.: Извлечения / Ред. Р.У. Тутанов. Нальчик, 2001. С. 294–295.

13. Там же. С. 295.
14. КРО. Т. 2. Док. № 140. С. 191.
15. КРО. Док. № 144. С. 196–197.
16. КРО. Док. № 144. С. 197.
17. Российско-сеveroкавказские отношения в XVIII веке: Сборник документов. Т. II. Док. № 37. Сост., автор предисл., комм., именного указателя И.И. Якубова. Нальчик, 2013. С. 39.
18. Там же. С. 40.
19. Там же. С. 39.
20. Там же. С. 39.
21. Там же. С. 40.
22. КРО. Т. 2. Док. № 148. С. 201.
23. Российско-сеveroкавказские отношения в XVIII веке: Сборник документов. Т. II. Док. № 36. С. 31; *Фоменко В.А.* Башня Адикох // История и культура народов Северного Кавказа. Пятигорск, 2007. Вып. 8.; *Бгажноков Б.Х., Фоменко В.А.* Крепость Хажикала (предварительные итоги исследования) // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2008. Вып. 15.; *Стеценко Н.К.* О причинах строительства и функциях Азово-Моздокской линии // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № 6.
24. Российско-сеveroкавказские отношения в XVIII веке: Сборник документов. Т. II. Док. № 36. С. 33.
25. *Карданов Ч.Э.* Путь к России. Нальчик, 2001. С. 246.
26. Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. Нальчик, 1998. Т. 2. С. 123.
27. Бамат Кургокин – сын Кургоко Атажукина, правил Кабардой с 1753 года (после Джамбулата Кайтукина) до 1765 г., после чего звание старшего князя перешло к Касаю Атажукину. Был женат на родной сестре Асламбека Кайтукина. Сестра Бамата Джан была замужем за калмыцким ханом Дондук-Омбо, а дочь – за сыном ногайского (солтанаульского) князя Мусса-Мурзы. См.: *Карданов Ч.Э.* Путь к России. С. 177–191; *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 г. Извлечения. С. 293.
28. История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. Нальчик, 1997. С. 47–63.
29. *Юзефович Т.* Договоры России с Востоком. С. 41.
30. Указ. соч. С. 42–43.
31. Там же. С. 41.
32. Российско-сеveroкавказские отношения в XVIII веке. Сборник документов. Т. II. Док. № 39. С. 52.
33. КРО. Т. 2. Док. № 164. С. 219.
34. КРО. Т. 2. Док. № 164. С. 218–220.
35. КРО. Т. 2. Док. № 156. С. 221–222.
36. КРО. Т. 2. Док. № 177. С. 238.
37. КРО. Т. 2. Док. № 183. С. 249.

38. Сборник Русского исторического общества. СПб., 1885. Т. 48. С. 137–138.
39. Туганов Р.Х. Примечания к книге «Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II». Нальчик, 1998. Т. 1. С. 446; Кажаров В.Х. Столкновение цивилизаций и первые поражения Кабарды в 60–90-х годах XVIII века // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. IV. С. 217.
40. Бгажноков Б.Х. Историческая этнография и география Черкесии // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2005. Вып. 12. С. 3–45.
41. Очерки истории СССР. XVIII век. Вторая четверть. М., 1957. С. 740.
42. АВПРИ. Ф. 115. Кабардинские дела. Оп. 115/2. 1775 г. Д. 1. Л. 3.
43. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 16. Ч. 1. Ставропольская губерния. СПб., 1851. С. 172.
44. Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. Нальчик, 1996. Т. 1. С. 125.
45. КРО. Т. 2. Док. № 93. С. 114.
46. Там же.
47. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967. С. 95.
48. История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов. Нальчик, 2005. С. 443.
49. Туганов Р.Х. Примечания к книге «Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II». Т. 1. С. 442.
50. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2 томах. М., 1957. Т. 2. Док. № 225. С. 326.
51. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. Т. 1. С. 10.
52. Кабардино-русские отношения. Т. 2. Док. № 219. С. 310.
53. Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. 1: Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX веках. М., 1998. С. 176, 177.

B.H. BGAZHNOKOV

MOZDOK IN THE HISTORY OF CAUCASIAN WAR

The crisis of the Russian-Kabardinian relations and the erection of the Russian fortress Mozdok on the north of Kabarda are considering as the crucial moment in the history of relations, as the beginning of Caucasian War of 1763–1864.

Keywords: Russian-Turkish treaty of peace, Caucasian War, crisis of the Russian-Kabardinian relations, Mozdok, Catherine II, Kabarda, Big Circassia.

Б.Н. Березгов
(г. Нальчик)

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА В ТУРЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена исследованию важнейших этапов Кавказской войны и ее последствий в турецкой историографии. Проведена систематизация источников по принципу причинно-следственных связей происходивших событий, а также анализ этих материалов с учетом особенностей политической конъюнктуры в период Османской империи и Турецкой Республики. Введение в научный оборот османских документов может послужить дополнительным материалом по расширению источниковой базы по исследуемой теме.

Ключевые слова: *Северный Кавказ, черкесская диаспора, османские источники, Кавказская война, турецкая историография.*

Изучение и введение в научный оборот архивных и нарративных источников всегда имеет актуальное значение и представляет собой неотъемлемую составляющую исторической науки. Проблемам исследования Кавказской войны уделено значительное внимание как в европейской, так и отечественной историографии. Однако до сих пор в отечественном кавказоведении мало используются османские материалы, затрагивающие различные вопросы Кавказской войны и ее результатов. Поэтому на сегодня существует настоятельная необходимость введения в научный оборот доступных архивных османских источников и специальных исследований турецких авторов по данной теме.

Обращаясь к анализу турецкой исторической литературы по Кавказской войне, необходимо учитывать внутренние и внешние факторы, повлиявшие на объективность оценки этих трагических событий для народов Северного Кавказа. Первый фактор связан с внутренней политикой новой республиканской власти, т.е. кемалисты, придя к власти, провозгласили политику «единого государства, единой нации и единой партии». В этих условиях на несколь-

ко десятилетий прекращаются исследования проблем черкесской диаспоры в Турции. И только к концу сороковых годов, когда в стране произошли определенные демографические преобразования, выразившиеся в создании многопартийной системы, черкесский вопрос вышел из «подполья». Другой фактор определялся состоянием взаимоотношений между образовавшейся в 1923 г. Турецкой Республикой и Советским Союзом. На протяжении XX в. они менялись несколько раз в зависимости от политической ситуации как внутри самих стран, так и в целом в мире.

В 20-х гг. Турецкая Республика подписывает ряд договоров с РСФСР (16 марта 1921-го – Договор о дружбе и братстве), советскими закавказскими республиками (13 октября 1921-го – Договор о дружбе) и Украинской ССР (2 января 1921-го – Договор о дружбе и братстве), которые сыграли важную роль в нормализации и укреплении отношений между советскими республиками и Турцией. В 1925 г. в Париже был подписан советско-турецкий договор, вошедший в историю как «Договор о дружбе и нейтралитете» и способствовавший дальнейшему развитию добрососедских связей между странами. Однако начиная со второй половины 30-х годов в политической жизни Турции наблюдается постепенный отход от укрепления тесных уз с Советским Союзом и явное тяготение к державам Запада. Впоследствии Турция вступила в военный блок НАТО (1952), что и определило окончательное охлаждение взаимоотношений двух соседствующих стран.

Перечисленные события не могли не отразиться и в сфере культурных контекстов, так как идеологические и политические разногласия не способствовали свободному обмену научной информацией. А между тем общеизвестно, что в архивах Турецкой Республики хранится большое количество официальных документов, в которых отражены различные стороны внешнеполитического курса Османской империи на Северном Кавказе. Мустафа Будак – заместитель генерального директора Османского государственного архива, который содействовал сбору документов к труду «История адыгов в документах Османского государственного архива» (Нальчик, 2009), отмечал следующее: «Весьма ценными для исследования истории Кавказа являются документы органов государственной власти Османской империи, в которых содержатся сведения об отношениях с черкесскими князьями, дагестанскими ханами, а также с Грузией»¹. Появившийся

сборник документов стал первой публикацией османских архивных материалов по проблемам Кавказской войны и ее результатов. По существу данная работа стала итогом тех положительных изменений, произошедших между РФ и Турецкой Республикой после распада СССР. В настоящее время между двумя странами установились прочные торгово-экономические и культурные связи, благодаря которым открылись двери для свободного обмена научной информацией. Более того, в Анкаре 12–14 декабря 1992 г. был проведен симпозиум, посвященный 500-летию турецко-русских отношений (1491–1992), материалы которого изданы в виде сборника статей (Анкара, 1999)². Проведение данного симпозиума послужило толчком для подписания договора о совместной научной деятельности между государственными управлениями архивной службы Турецкой Республики и РФ. В 1996 г. на основании этой договоренности Академия наук РФ и Общество турецкой истории подписали протокол о создании Союза турецких и российских историков для реализации совместных проектов исторических исследований.

В свете такой перспективы по привлечению османских архивных источников для изучения России. Северный Кавказ, ставший на несколько столетий важным объектом политического и экономического противоборства двух великих держав, – России и Османской империи, оставил достаточно яркий след в официальных документах Османского государства, начиная со второй половины XV в. Особый интерес турецкая историография проявляла к проблемам длительного трагического периода по завоеванию Россией северокавказского региона, вошедшего в историю как Кавказская война. В архивах Турции сохранилось довольно большое число документов, отражающих различные стороны этой войны и ее результаты. Однако нужно отметить, что в турецких исследованиях тема Кавказской войны долгое время использовалась в качестве контраргумента в идеологической борьбе, обвиняя односторонне только Российскую империю в этих трагических событиях. При этом война воспринималась чаще всего как национально-освободительное движение в Дагестане и Чечне во главе с шейхом Шамилем, снижая или не затрагивая роли черкесов в этой войне (такой же подход наблюдался и в отечественной историографии). Популярность такого духовного лидера и талантливого военачальника пропагандиро-

валась в мусульманском мире в связи с тем, что освободительная борьба на Северо-Восточном Кавказе проходила под зеленым знаменем ислама. Так, вкратце можно было бы охарактеризовать общее состояние турецких работ по исследуемой теме и определить условно этапы освещения Кавказской войны, требованиям внутренней идеологии и политики страны.

На протяжении XX в. турецкие авторы пытаются выяснить самые важные, по их мнению, вопросы, связанные с проблемой изучения Кавказской войны. Это, прежде всего, причины, приведшие к этим трагическим событиям, т.е. массовому выселению северокавказцев (особенно черкесов) за пределы своей родины. Не менее важным они считают определение численности эмигрантов и их расселение по территории Османской империи. Поэтому основная цель исследования сводится к тому, чтобы в рамках небольшой статьи продемонстрировать взгляды турецких авторов, обращавшихся к выяснению вышеперечисленных аспектов истории Кавказской войны. Появление первых статей, освещающих разные стороны Кавказской войны, связано с событиями, произошедшими в ходе младотурецкой революции 1908 г. В результате ее младотурецкие власти объявили о равноправии всех подданных империи, гарантировали некоторые гражданские права, разрешили создание обществ и союзов, издание газет.

Воспользовавшись таким благоприятным обстоятельством, северокавказские эмигранты (в большинстве своем черкесы) основали в том же году свою национальную организацию под названием «Черкесского общества единения и взаимопомощи». За короткое время ему удалось составить алфавит (на арабской графике) адыгского языка, издать буквари и учебники и открыть начальные школы для обучения адыгов по этим книгам. Другим важным событием стало издание первой адыгской газеты «Гъуазэ» (1911–1914), которая стала печатным органом «Черкесского общества единения и взаимопомощи». Газета называла себя политической, экономической, социальной и научной и выходила вначале 2–3 раза в месяц. На страницах дошедших до нас номеров газеты встречаются статьи, непосредственно затрагивающие отдельные эпизоды Кавказской войны, а также вопросы оценки данных событий. К примеру, в статье «Переселение или поражение?» за 10 апреля 1911 г.³ автор видит главную причину выселения северокавказцев в середине XIX в. в завоева-

тельной политике русского царизма на Кавказе. Обращаясь к исламу, сыгравшему важную роль в процессе выселения черкесов, автор недоумевает по поводу того факта, что только черкесские мусульмане сразу же решились на массовое переселение в Османскую империю. Проанализировав всевозможные источники (в том числе и российские), статья констатирует, что только из Кубанской области в 1863 г. эмигрировали в Османскую империю 258 тыс. шапсугов и 250 тыс. абадзехов. Если к этому числу прибавить количество переселенцев других черкесских субэтносов, то общая численность составляет 1 млн 750 тыс. человек⁴.

Кроме того, есть рубрика «Страницы истории», где в первом же номере рассказывается о деятельности шейха Шамиля на Кавказе⁵. Достаточно подробно (в нескольких номерах) нарисованы сражения черкесских отрядов во главе с Хаджи Герандуком⁶. К этим публикациям можно отнести и так называемые «Обращения к турецкой общественности и Великому Национальному Собранию Турции по поводу черкесской проблемы» (1923)⁷ Мехмета Фетгеря Шоену. Данный документ был направлен против новых республиканских властей, которые предприняли попытку переселения черкесов с западных областей в восточные вилайеты Турции, обвиняя их в выступлениях против революционных сил на стороне султана. В своем обращении автор делает короткий экскурс в историю, показывая глубокие корни тюркско-черкесских отношений, а после массового переселения адыгов в Османскую империю их значение увеличивается во много раз. По мнению М. Фетгеря, борьба за независимость кавказских народов против царизма длилась с 1760 г. по 1864 г. и за это время с Кавказа было выселено 1,5–2 млн черкесов, которых расселили по обширной территории империи⁸.

Начиная с 50-х гг., после длительного перерыва возобновилась деятельность черкесских обществ в Турции. Силами черкесской интеллигенции вновь стали выходить журналы: «Кавказ» (Стамбул, 1953–1954), «Кавказ» (Стамбул, 1954–1956), «Новый Кавказ» (Стамбул, 1957–1962). В этих изданиях поднимались вопросы культуры и истории, в частности проблемы социально-экономического положения народов Северного Кавказа в прошлом и борьбы кавказцев за независимость в XIX в. Однако, знаменательным явлением в историографии стал выход труда Исмаила Беркока «Кавказ в истории» (Стамбул, 1958)⁹. Исследование посвя-

щено истории Кавказа с древнейших времен до середины XIX в. По своей структуре работа состоит из 4 частей, последняя из которых излагает историю кавказско-русских отношений. По мнению автора, первые военные столкновения кавказцев с русскими войсками начинаются в 1595 г. и продолжаются с перерывами до 1864 г. И как генерал (известный в мире как тактик) И. Беркок описал наиболее важные сражения в ходе Кавказской войны.

В предисловии своего сочинения автор сетует на тот факт, что большая часть имеющихся сведений о Кавказе, собраны не самими кавказцами, а представителями других народов. Поэтому до сих пор кавказцы не имели возможности написать единую, цельную историю Кавказа, а если и появлялись отдельные исследования, они носили региональный характер. Автор считает, что данная работа является продолжением трудов двух замечательных историков – Мета Чунатыко Юсуф Иззет-паши и Айтека Намитока¹⁰. Один из них опубликовал книгу под названием «История Кавказа»¹¹, которая по существу, представляет первую попытку полномасштабного описания народов Кавказа с древнейших времен до XIX в. Труд был написан на османском языке и вышел в 1914 г., а 2002 г. Ф. Хуаж перевел его на современный турецкий язык. Вторая работа увидела свет в 1939 г. на французском языке и называлась «Происхождение черкесов»¹². Позже и это признанное в научном мире исследование А. Намитока также переведено и издано на турецком языке в 2003 г.

Монография И. Беркока стала важным вкладом в деле дальнейшего изучения истории Кавказа и вызвала критику как со стороны турецких, так и советских историков. Вместе с тем несмотря на определенный субъективизм в содержании она и сегодня представляет научный интерес в плане структурного решения исследования, а также дает фактический материал, содержащийся в описаниях военных сражений на протяжении всей Кавказской войны. И. Беркок полагает, что кавказско-русское противостояние длилось 297 лет, начиная с 1567 по 1864 г. Учитывая все людские потери в этой продолжительной войне, в настоящее время, пишет автор, численность северокавказцев должна бы составлять не менее 5 млн человек¹³. Основным недостатком сочинения сводится к тому, что оно было издано после смерти автора, потому в тексте почти не указаны источники и исследования.

В 60-х гг. XX в. в турецкой историографии появились специальные исследования, посвященные проблемам эмиграционного процесса в истории Турции. В этих работах одно из ведущих мест занимала северокавказская эмиграция (в большинстве своем черкесская), в связи с которой большое число переселенцев в разное время осело в пределах бывшей Османской империи. В те годы любой житель Турции независимо от его этнической принадлежности официально считался турком, т.е. отрицалось наличие в стране национальных меньшинств. Защищая официальную идеологию турецкого национализма, некоторые историки доходили в своих изысканиях до того, что объявляли не-тюркские народы Северного Кавказа тюрками, но когда-то забывшими свой родной язык.

При анализе ряда работ, исследовавших численность северокавказских переселенцев, обнаруживается, что авторы показывают совершенно разные цифровые данные. Особо можно выделить труд А.Дж. Эрена «Проблемы переселения и переселенцы в Турции» (Стамбул, 1966), который считает, что численность черкесских эмигрантов составляет 600 тыс. человек¹⁴. В том же году вышла книга Кафлы Кадырджана «Переселения в Турцию», определивший общее число выселенных черкесов в 1 млн 616 тыс. человек¹⁵. Эти же вопросы затрагивают в своих работах П. Косок «Северный Кавказ: страницы истории борьбы за свободу и независимость» (Стамбул, 1960) и Ш. Эрел «Дагестан и дагестанцы» (Стамбул, 1961): по данным Косок П. родину вынуждены были покинуть 1 млн 200 тыс.¹⁶, а Ш. Эрел показывает 1 млн кавказских эмигрантов¹⁷. Среди работ 60-х гг. можно выделить исследование А.Х. Хизала «Северный Кавказ», где предпринимается более объективный анализ источников и литературы. Однако субъективный и односторонний подход к событиям не позволяет автору непредвзято оценить поднимаемые проблемы. Приводя разные статистические о численности черкесского населения в Османской империи и Турецкой Республике, А.Х. Хизал утверждает, что «с Кубани и других мест за пределы родины выселено 1,5 млн человек»¹⁸.

Перечисленные авторы в основном единодушны в определении причин, принудивших кавказцев покинуть родину. Основную тяжесть вины они возлагают на царскую Россию, которая проводила колонизаторскую политику, пытаясь тем самым смягчить ответственность Османской империи.

Со временем изучение проблем Кавказской войны в турецкой историографии приобретает более научный характер, т.е. последующие исследования отходят от пропагандистской и полунучной трактовки событий к взвешенному изложению фактов с использованием документальных материалов. В этом плане немаловажный интерес представляет книга А.К. Мерама «История русско-турецких отношений» (Стамбул, 1969), где отдельный параграф (с. 452–460) посвящается кавказским эмигрантам. Автор, опираясь на официальные данные журнала «Календарь событий», в котором фиксировалось число прибывших в Османскую империю черкесов, определяет, что общая численность зарегистрированных переселенцев составляет 600 тыс. человек¹⁹.

Достаточно большое место в турецких исследованиях занимают вопросы массовой эмиграции черкесов в Османскую империю. Почти во всех названиях работ обязательно используется слово «переселение», придавая, вероятно, особое значение данному термину. Известно, что хронологические рамки массового исхода черкесов со своей родины требуют определенных уточнений. Айдемир Иззет в своей книге «Переселение: история переселения северокавказцев» (Анкара, 1988) попытался примерно обозначить периоды массовой эмиграции черкесов. По его мнению, с некоторыми оговорками можно предположить, что массовое переселение с Северного Кавказа началось со второй половины XVIII в. В качестве доказательства он приводит данные за 1780–1800 гг. и 1812–1815 гг., когда в Османскую империю переселилось приблизительно 60 тыс. черкесов²⁰. Айдемир Иззет полагает, что переселенческий процесс адыгов длился 133 года, т.е. с 1768 по 1901 гг. Главную причину этих событий автор видит в продолжительной и кровопролитной войне России с целью завоевания Кавказа. Он также не обходит стороной такие важные, на его взгляд, факторы, как политические цели Османской империи и других внешних сил на Северном Кавказе; роль ислама в переселении черкесов, стремление князей и дворян уводить на чужбину своих подданных в надежде сохранить их зависимость в феодальной Османской империи²¹.

Определенным вкладом в изучении исследуемой темы стала довольно оригинальная работа Н. Берзедж «Изгнание черкесов»²², базирующаяся на отдельных архивных документах и

большом числе литературы, опубликованной на разных языках. Ценность исследования, на наш взгляд, состоит в том, что Н. Берзедж, обобщив существующую литературу по черкесской проблеме, попытался объективно воссоздать общую картину трагедии адыгского народа. В настоящее время книга переведена на русский язык и издана. Она получила высокую оценку у отечественных кавказоведов, в частности, в одном из последних исследований В.Х. Кажарова, который охарактеризовал данную работу следующим образом: «Н. Берзедж не относится к числу профессиональных историков. Тем не менее ему удалось показать предысторию Кавказской войны, геополитическое значение Северного Кавказа, столкновение интересов Османской империи, России и Англии в этом регионе, социально-экономические, политические и идеологические факторы изгнания черкесов»²³.

По мере демократизации общественной жизни в Турции черкесские благотворительные организации превращаются в центры, прилагавшие усилия для сохранения родного языка, культуры, традиций и обычаев. Основным аккумулятором всевозможных знаний о своем народе становятся газеты и журналы, выпускаемые силами образованной части черкесов. Помимо материалов периодической печати, время от времени они издавали книги и чаще всего, посвященные проблемам Кавказской войны. Среди них, на наш взгляд, особо нужно выделить труд Бедри Хабичоглу «Переселение с Кавказа в Анатолию» (Стамбул, 1993), который выгодно отличается от подобных изданий своим профессиональным подходом к историческим фактам с привлечением османских архивных документов. Основная задача автора – проследить переселенческий процесс с Кавказа и Крыма, начиная с 1858-го по 1907 г. По предположению Б. Хабичоглу, из 10 человек, эмигрировавших в Османскую империю в XIX в., 9 прибыли именно с территории Крыма и Кавказа. Большая же часть кавказских эмигрантов была расселена в Малой Азии. А после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. вследствие вынужденного переселения черкесов из европейской части империи в азиатскую численность жителей Анатолии увеличивается уже на 2–2,5 млн человек (за весь период переселенческого процесса)²⁴.

Для достижения поставленной задачи автор использует источники, извлеченные из Османского государственного архива. В основном это документы, хранящиеся в фондах: внутренние и

внешние дела, специальный совет, высший совет, государственный совет и др., в которых содержатся разного рода приказы и распоряжения государственных органов власти империи по проблемам кавказской эмиграции. Такие официальные документы заносились в так называемую ежегодную «Книгу повелений» (автор проанализировал 32 таких книги, выходные данные которых даны в конце исследования). Трудность выявления отдельно кавказских переселенцев, как отмечает Б. Хабичогу, заключается в том, что документы фиксируют общее число переселенцев, не разделяя их по этническому принципу²⁵. Кроме того, анализу подверглись некоторые документы «Архива Иылдыз», в частности, фонд специальных распоряжений визирата. В исследовании также использованы материалы османских газет того времени, публиковавшие разные сведения по вопросам переселения и расселения кавказских эмигрантов. Среди них можно выделить такие периодические издания, как «Календарь событий» (первая официальная газета Турции, выходившая в 1822–1924 гг.), «Газета новостей» (первая неофициальная газета Турции, выходила с 1840 г.) и др.

За последние десятилетия в турецкой историографии произошли качественные изменения, выразившиеся в более объективном исследовании исторического прошлого. В этом плане наблюдается проявление активного интереса к истории российско-османских отношений. В частности, новые издания архивных документов и монографических исследований уделяют большое внимание изучению истории Крыма и Северного Кавказа начиная с XV в. Кавказская война и ее последствия всегда занимали особое место в турецкой исторической литературе, так как новое поколение черкесской диаспоры, по мере возможности, пыталось узнать правду об этих трагических событиях. Однако нехватка квалифицированных историков и отсутствия в условиях Турции свободного, объективного подхода к исследованию данной проблемы свели их деятельность к простой форме изложения отдельных фактов Кавказской войны с целью религиозной и идеологической пропаганды. С другой стороны, в настоящее время увидели свет несколько томов сборников документов, в которых собраны османские архивные источники по Кавказской войне и политике расселения кавказцев на территории Турции. Работа под названием «Кавказ в османских документах»

(Стамбул, 2011) издана силами Кавказского фонда и содержит 111 документов, отражающих различные стороны исследуемой проблемы с 1791-го по 1919 г.²⁶ Серьезным вкладом в деле подготовки издания османских источников, посвященных черкесской эмиграции, стал выход двухтомника «Кавказская эмиграция в османских документах» (Стамбул, 2012)²⁷, в котором собраны 238 документов. Отбором и публикацией этих важных источников занимались сотрудники Османского государственного архива Турции. Тексты перечисленных сборников находятся на стадии их перевода на русский язык и вскоре могут послужить дополнительным материалом для исследователей.

Подводя итоги, нужно отметить, что турецкая историография внесла определенную лепту в решении научных проблем по объективному исследованию национально-освободительной борьбы черкесов в период Кавказской войны. Активному изучению данной проблемы способствовали следующие два фактора: 1) многомиллионная черкесская диаспора в Турции сама становится объектом исследований; 2) аккумулярование достаточно большого количества материалов в архивохранилищах Турции в период противостояния Российской и Османской империй за влияние на Северном Кавказе. Эти источники стали доступными отечественным кавказоведам лишь к концу XX столетия, а потому необходимо обратить внимание на османские архивные материалы, которые могут обогатить и углубить наши познания по изучению истории народов Северного Кавказа. Один из известных кавказоведов нашего времени В.Х. Кажаров, подвергший критическому анализу историографию Кавказской войны, отметил, что «в кабардинской историографии нет темы, которая больше всего обсуждалась, но меньше всего исследовалась, чем Кавказская война»²⁸.

Примечания

1. История адыгов в документах Османского государственного архива. Нальчик, 2009. Вып. 1. С. 12.
2. Türk-Rus ilişkilerinde 500 yıl, 1491–1992. Türk Tarih Kurumu Basımevi. Ankara, 1999.
3. Ğuaze Gazetesi. Yıl: 2. Sayı: 2. 10. Nisan, 1911. İstanbul. S. 1–2.
4. Ğuaze Gazetesi. Yıl: 1. Sayı: 2. S. 2.
5. Ğuaze Gazetesi. Yıl: 1. Sayı: 2. S. 5–7.

6. *Ğuaze Gazetesi*. Yıl: 1. Sayı: 6, 6. Mayıs, 1911. S. 7; Sayı: 8, 25. Mayıs 1911. S. 5–7; Sayı: 9, 1. Haziran 1911. S. 6–7; Sayı: 10; 15. Haziran, 1911. S. 4–6.
7. *Mehmet Fetgery Şöenu*. Çerkes Sorunu Hakkında Türk Kamu TB-BM'ne sunu. İstanbul, 1923. Ankara, 1980.
8. *Mehmet Fetgery Şöenu*; *ibid*. S. 7, 15.
9. *Berkok İsmail Hakkı*. Tarihte Kafkasya. İstanbul, 1958.
10. *Berkok*, *ibid*. I–II.
11. Met Çünatuko Yusuf izzet Paşa, Kafkas Tarihi. İstanbul, 1914.
12. *Namitok Aytek*. Çerkeslerin kökeni, I. Kitap, Çev. Aysel Çeviker. Ankara, 2003.
13. *Berkok*, *ibid*. S. 532.
14. *Eren A.C.* Türkiye'de Göç ve Göçmen meseleleri, İstanbul, 1966. S. 35.
15. *Kaflı Kadırcan*. Türkiye'de Göçler. İstanbul, 1966. S. 30.
16. *Kosok Pşimaho*. Kuzey Kafkasya: Hürriyet ve istiklal Savaş tarihideh yapraklar. İstanbul, 1960. S. 46.
17. *Erel Şerafettin*. Dağıstan ve Dağıstanlılar. İstanbul, 1961. S. 128.
18. *Hızal A.H.* Kuzey Kafkasya (Hürriyet ve İstiklal Davası), Ankara 1961. S. 52.
19. *Meram A.K.* Türk-Rus İlişkileri Tarihi. İstanbul, 1969. S. 453.
20. *Aydemir İ.* Göç: Kuzey Kafkasyalıların Göç Tarihi. Ankara, 1988. S. 129.
21. *Aydemir*. *ibid*. S. 101.
22. *Берзедж У.Н.* Изгнание черкесов. Нальчик, 2012.
23. *Кажаров В.Х.* Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX – начале XXI в. Нальчик, 2012. С. 41.
24. *Habiçoğlu B.* Kafkasya'dan anadolu'ya Göçler. İstanbul, 1993. S. 7.
25. *Habiçoğlu B.* *İbid*. S. 7–8.
26. *Osmanlı Belgelerinde Kafkasya: Savaş ve Sürgün 1791–1919*. İstanbul, 2011.
27. *Osmanlı Belgelerinde Kafkasya Göçleri*. İstanbul, 2012. С. I–II.
28. *Кажаров В.Х.* Указ. соч. С. 42.

B.N. BEREZGOV

CAUCASIAN WAR IN THE TURKISH HISTORIOGRAPHY

Article is devoted to research of the major stages of the Caucasian War and its consequences in the Turkish historiography. Systematization of sources by the principle of relationships of cause and effect, the occurring events, and also the analysis of these materials taking into account features of a political environment in the period of the Ottoman Empire and the Republic of Turkey is carried out. Introduction to a scientific turn of Ottoman documents can serve as additional data on expansion of sources base on the studied subject.

Keywords: North Caucasus, Circassian diaspora, Ottoman sources, Caucasian War, Turkish historiography.

Ш.А. Гапуров
(г. Грозный)

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА: хронология, причины и содержание

Рассматривается вопрос о научных дискуссиях вокруг Кавказской войны XIX в.: о хронологии, причинах и содержании этого исторического явления. Приводятся предложения о новом видении этих аспектов данной проблемы.

Ключевые слова: Россия, Северный Кавказ, Кавказская война, хронология, характер войны, содержание.

Большинство историков XIX и XX вв. считают, что регулярные, систематические военные действия между российскими войсками и восставшими горцами Северного Кавказа (Кавказская война) начались с назначения на Кавказ главнокомандующим А.П. Ермолова¹. Исходной точкой начала войны некоторые из них называют 1817 г. Один из авторов, придерживающийся этой точки зрения, А.М. Демин, полагает в то же время, что «в качестве первого этапа вооруженного противоборства можно выделить период с 1810-го по октябрь 1817 г., когда войска России проводили карательные экспедиции с целью подавления выступлений кавказцев»². Возможно, А.М. Демин имеет в виду небольшие антироссийские выступления горцев в Кабарде и Дагестане в этот период, но в Чечне, кроме отдельных набегов на Терскую линию с 1813 г., и то зачастую в ответ на набеги царских войск и казаков, каких-либо выступлений не было вплоть до 1918 г. Второй же этап российско-горского вооруженного противоборства, по мнению Демина, начинается с «ермоловской эпохи». Но тогда выходит, что и Кавказская война началась с 1810 г., хотя сам же этот автор в заглавии своей статьи и обозначил ее хронологические рамки по другому (1817–1864). Тут мы наблюдаем определенную путаницу.

«Горская война началась собственно с 1817 г., по возвращении генерала Ермолова из Персии», – полагал Р.А. Фадеев³. «Эта ко-

лонияльная война, начавшаяся с перенесения в 1817 г. пограничной линии с р. Терек на р. Сунжу... получила среди историков и публицистов название собственно Кавказской войны», – отмечает И.В. Карпеев⁴. «Началом военных действий считаются основание крепости Грозная в 1817 г. (именно так: в 1817 г. – Г.Ш.) и первые шаги в планомерном «покорении горцев»», – считает В.В. Лапин в своей статье, вышедшей уже в 2003 г.⁵ Некоторые специалисты высказывают мнение о более раннем начале войны – от назначения главнокомандующим генерала Цицианова в 1802 году. Окончательный выбор одной из этих дат требует внятного ответа на вопрос: как квалифицировать многочисленные столкновения разного масштаба в XVIII – начале XIX в. в Дагестане, на Кубани, на Лезгинской линии, в Осетии и Кабарде? Если все их отнести к предыстории, то таковая будет выглядеть несколько затянувшейся. Конечной датой Кавказской войны также традиционно называют апрель 1864 г., когда прекратили организованное сопротивление последние племена Адыгеи, отстаивавшие свою независимость. Но война на правом фланге Кавказской линии (на Кубани и Белой) была изолирована и «независима» от кампании в Чечне и Дагестане (на левом фланге Кавказской линии). Регулярные стычки на Кубани начались раньше, а планомерное продвижение в горы – позже. Покорение Чечни и Дагестана исчисляют с момента пленения Шамиля, хотя через 18 лет (в 1877 г.) после этого события нам вспыхнуло восстание, по своим масштабам сопоставимое с военными действиями 1830–1840-х г.⁶

И все же большинство историков XIX–XXI вв. относят начало Кавказской войны к 1817 г. Однако в 1817 г. царские войска на Северном Кавказе никаких военных действий против горцев не вели (за исключением военных столкновений на чеченском участке Кавказской линии). План А.П. Ермолова по «замирению» Северного Кавказа был закончен к ноябрю 1817 г., но утвержден царем он был в марте 1818 г. Да и кордонная линия с Терека на Сунжу была перенесена в 1818 г., с построением крепости Грозная. Наступательные, систематические военные действия российских войск в Чечне, Дагестане и Кабарде начнутся только в 1818 г., который и можно считать отправной датой в осуществлении ермоловского плана по установлению в крае российской власти. В 1818 г. генерал Ермолов «предпринял решительные меры для умирения чеченцев, – отмечается в изда-

нии 1837 г., – самого воинственного народа между кавказскими племенами, народа, который быстрыми своими набегами и беспрерывными разбоями наводил повсюду ужас до того, что по Военно-грузинской дороге невозможно было следовать иначе, как с сильным прикрытием, при коем всегда должныствовали находиться и орудия»⁷.

Считается, что термин «Кавказская война» был впервые введен в научный оборот Р.А. Фадеевым в его работе «Шестьдесят лет Кавказской войны», вышедшей в 1860 г. Однако расширенного определения этого термина Р.А. Фадеев не дал. С последней трети XIX в. данный термин широко используется в кавказоведческой литературе.

С XIX в. и по сегодняшний день нет четкого, хотя бы принятого большинством кавказоведов, ответа на главный вопрос: какое содержание вкладывается в понятие «Кавказская война», в чем его суть? Без ясного ответа на этот вопрос вряд ли можно говорить о причинах, характере и хронологии Кавказской войны. Более того, с XIX в. существует и термин «Кавказские войны», под которыми подразумевались все военные действия на Кавказе в XVIII–XIX вв., в том числе и российско-турецкие, российско-иранские войны. Все, наверное, помнят вышедшую в конце XIX в. книгу «Исторический очерк кавказских войн» под редакцией В.А. Потто, работу Н.И. Покровского «Кавказские войны и имамат Шамиля» или В. Лапина «Российская армия в Кавказских войнах XVIII–XIX вв.». Один из ведущих современных кавказоведов, В.В. Дегоев, так оценивал Кавказскую войну: «Термином «Кавказская война», появившимся в русской и западной исторической литературе первой половины XIX в., принято обозначать вооруженную борьбу между горцами Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа, с одной стороны, и Россией – с другой»⁸.

В 2000 г. в спецвыпуске журнала «Родина» был проведен заочный «Круглый стол», где редакция поставила вопрос: «Насколько термин «Кавказская война» отражает сущность происходивших событий? Что это было: завоевание, колонизация, гражданская война?»⁹. Нам представляется, что здесь неверна, некорректна сама постановка вопроса.

Во-первых, постановка вопроса в той форме, в какой она приведена выше, подразумевает характеристику действий только одной стороны – российской. Причем вызывает недоумение вы-

бор предложенных характеристик действий российской стороны – «завоевание» или «колонизация». Оба определения носят негативный характер. Да, конечно, в действиях России на Северном Кавказе в XVI–XIX вв., безусловно, есть элементы и завоевания, и колонизации. Но, по-нашему мнению, только элементы. Основное содержание политики России в этом регионе в обозначенный период, содержание российско-горских отношений было значительно глубже, иным и далеко не ограничивалось определениями «завоевание» и «колонизация».

Во-вторых, изначально очень узко и неверно обозначена сторона северокавказских горцев. Предложена только одна трактовка их многолетних действий – «гражданская война». В событиях первой половины XIX в. на Северном Кавказе элементы гражданской войны, внутреннего противостояния можно наблюдать только в Дагестане. В Чечне, Кабарде, в Закубанье нет никакого внутреннего конфликта. Здесь действия горцев носят иной характер – это освободительная борьба. Но редакция журнала «Родина» даже не поставила вопрос о том, можно ли характеризовать действия горцев данных районов как народно-освободительную борьбу?

В-третьих, не обозначены позиции Турции и Ирана, которые в течение нескольких веков воевали с Россией и народами Северного Кавказа, стремясь захватить регион.

Теперь давайте посмотрим, как известные кавказоведы профессора В.Г. Гаджиев, М.М. Блиев и А.Р. Джэндубаев ответили на поставленный редакцией вопрос. По мнению В.Г. Гаджиева, «Кавказская война» – не «оценочный термин, а всего лишь географическое определение». «Это восстание ...народное движение ...Горцы восстали против своих правителей, а антиколониального движения не было». В.Г. Гаджиев приходит к выводу, что определению «Кавказская война» «больше всего подходит оценочный термин «народно-освободительное движение»¹⁰.

М.М. Блиев также был согласен с тем, что термин «Кавказская война» «не совсем отражает историческую действительность». Но он против того, чтобы назвать эту войну «национально-освободительным движением», поскольку оно «требует иных структур». К сожалению, М.М. Блиев не поясняет, что он подразумевает под «иными структурами». В то же время он выражал уверенность, что «со временем будет найден термин, более

точно отражающий суть дела». В то же время М.М. Блиев считал, что название «Кавказская война» «объединяет... разноплановые факты и процессы»: внутренние процессы в горском обществе, связанные с формированием феодальной собственности; «столкновение интересов России и горцев Большого Кавказа»; внешнеполитические интересы Англии, Турции и Персии¹¹.

А.Р. Джэндубаев, рассуждая о характере Кавказской войны, полагал, что «Россия вела колониальную войну», а горцы защищали свою культуру, свой образ жизни и в конечном счете – свое право на жизнь»¹².

Итак, мы видим три разные точки зрения на определение термина «Кавказская война»: «народно-освободительное движение», но не «антиколониальное движение» (В.Г. Гаджиев); М.М. Блиев против придания этой войне характера «народно-освободительного движения». По его мнению, это явление, в котором объединились внутренние процессы в горском обществе, столкновение интересов горцев и России, а также внешнеполитические интересы Англии, Турции и Ирана. Более категоричен А.Р. Джэндубаев: Кавказская война – это «колониальная война» со стороны России и, следовательно, освободительная, антиколониальная война со стороны горцев. Приблизительно по этой схеме распределяются и оценки Кавказской войны в многочисленных публикациях других авторов.

Суммируя множество мнений о Кавказской войне, можно выделить две основные линии: Кавказская война – 1) это военные действия России на Кавказе до середины XIX в. за установление здесь своего господства против горцев, Турции и Ирана и 2) это военные действия между царской Россией и северокавказскими горцами с 1817–1864 гг. В обоих случаях при такой постановке вопроса со стороны России эти действия смотрятся (трактуются) как завоевательная война, со стороны горцев – как народно-освободительная борьба. При бесспорности (с нашей точки зрения) второго постулата (о горцах), нам представляется далеко не бесспорным определение действий России на Северном Кавказе до середины XIX в.

Большая часть дореволюционных историков (В.А. Потто, Н.Ф. Дубровин, А.Л. Гизетти, Р.А. Фадеев, А.Л. Зиссерман и др.) в понятие «Кавказская война» включали борьбу России с Турцией, Ираном и северокавказскими горцами за утверждение своей

власти на Кавказе. Значительная часть советских и современных российских авторов под этим термином понимают борьбу между царской Россией и горцами. Например, в 2006 г. вышла книга «Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в.», хотя, как мы видели выше (точка зрения М.М. Блиева), у дореволюционной версии Кавказской войны есть свои сторонники в современном кавказоведении.

Нам представляется, что российско-иранские, российско-турецкие (почему мы до сих пор употребляем названия «русско-иранские, русско-турецкие войны» – ведь с Ираном и Турцией, и прочими воевали не русские, как народ, а государство Российское) войны XVIII – первой трети XIX в. и военные действия между царскими войсками и горцами Северного Кавказа в первой половине XIX в. – это явления совершенно разного характера, и вряд ли оправдано их объединение под одним названием – «Кавказская война».

Военные действия Османской империи и Персии на Кавказе в XVIII – первой трети XIX в., безусловно, носят завоевательный характер. А вот с российской стороны войнам с Турцией и Персией за Северный Кавказ в означенное время вряд ли можно дать столь однозначную характеристику. С середины XVI века Кабарда, с конца XVI в. Чечня формально, исходя из российско-кабардинского соглашения 1558 г. и российско-чеченского соглашения 1589 г., могут считаться в российском подданстве. А с последней трети XVIII в. в российское подданство перешли Осетия и Ингушетия, равнинный Дагестан (шамхальство Тарковское и Северная Кумыкия). Следовательно, можно говорить о том, что в российско-турецких и российско-иранских войнах XVIII – первой трети XIX в. Россия *защищала северокавказские территории, находящиеся в ее подданстве* (выделено нами. – Ш.Г.). По-нашему мнению, можно говорить о том, что относительно Северного Кавказа в XVIII–XIX вв. войны России с Турцией и Ираном с российской стороны не являлись завоевательными войнами. При анализе этого вопроса надо учитывать и факт активного и широкого участия в данных войнах горского ополчения на стороне России. Пророссийские настроения в горских обществах Северного Кавказа особенно усиливаются с конца XVIII – начала XIX в. В.В. Дегоев отмечает: «... Общий вектор позитивного восприя-

тия, чтобы не сказать приязни, все явственнее обращался на север, в сторону России ...Преимущество ей давало изменявшееся соотношение великодержавных потенциалов участников «большой игры» на Кавказе. Это понятие включало помимо военной составляющей еще и государственно-политическое, экономическое, культурное и моральное влияние. Помимо авторитета силы – силу авторитета. Иными словами, дело шло о типе и интенсивности приводящего воздействия на кавказские народы, о конкурирующих цивилизационных проектах, выбрать из которых, в конечном счете, предстояло тем, кому они предназначались...

С начала XIX в. в долгой борьбе трех великих держав за господство на Кавказе перевес России становится все более явным. Уже один этот факт служил для самых разных слоев кавказского населения основанием видеть в России защитника, арбитра, устроителя общественной жизни и источник надежд»¹³.

Если любознательный читатель задастся целью узнать о Кавказской войне по современным энциклопедиям, то он обнаружит весьма запутанную и безрадостную картину. «Энциклопедический словарь» сообщает, что Кавказская война (1817–1864 гг.) – это «война Российской империи с горскими народами Северного Кавказа. **Борьба горцев – мусульман с русскими** (здесь и далее выделено нами. – Ш.Г.) проходила под флагом газавата. **Закончилась присоединением Чечни, Горного Дагестана и Северо-Западного Кавказа к России**»¹⁴. Большой энциклопедический словарь (М., 2000): «1817–1864 гг. война между Российской империей и народами Северного Кавказа. Вызвана **колониальной** политикой царизма»¹⁵. Современная энциклопедия (М., 2000): «Кавказская война (1817–1864) – принятое в литературе название военных действий между российскими войсками и горскими народами в ходе **завоевания** Россией Северного Кавказа»¹⁶.

Итак, главные моменты в подобных энциклопедических определениях Кавказской войны – это «война горцев – мусульман с русскими», война «колониальная», «завоевательная», в ходе которого и произошло присоединение народов Северного Кавказа к России. При подобной трактовке напрочь отбрасываются десятки, а точнее, сотни научных публикаций кавказоведов, в которых на протяжении многих лет доказывалось, что

присоединение народов Северного Кавказа к России – это результат взаимного стремления России и горцев к государственному единству (исключением, на наш взгляд, является Закубанье – территория западных адыгов).

За последние 10–15 лет почти во всех регионах Северного Кавказа прошли юбилеи их добровольного присоединения к России. В 2008 г. и в Чечне торжественно отметили 420 лет установления добрососедских отношений между чеченцами и Россией. В 2013 г. целая серия торжественных мероприятий прошла и в Дагестане по поводу 200-летия Гюлистанского мира, в результате которого был завершён многовековой процесс присоединения Дагестана к России.

С середины XVI в. делегации горских народов Северного Кавказа стали посещать российскую столицу и российские административные центры в регионе, ходатайствуя о принятии их в российское подданство, об установлении тесных экономических связей. Россия была заинтересована в установлении своей власти на Северном Кавказе в силу геополитических, стратегических, государственных интересов растущей державы. Разумеется, в реальности российское правительство в своих действиях на Кавказе вовсе не руководствовалось соображениями «цивилизаторской миссии». Во все времена и все государства строят свою внешнюю политику исходя из практических государственных интересов. Филантропия тут неуместна. Горцы, строя свои отношения с Россией, тоже исходили из своих практических интересов. За Кавказ шла борьба между Россией, Османской империей (ее сателлитом Крымским ханством) и Персией. И большинство горских феодалов и старшин «вольных обществ» приходят к выводу, что в этой борьбе надо принять сторону России. Это, по многим факторам, даст горцам перспективу поступательного исторического развития.

Нельзя думать, что горцы XVI–XIX вв. не разбирались в политике и дипломатии. В большинстве своем разбирались, иначе не выбрали бы российскую сторону. «...Горское общественное сознание не было совершенно индифферентно к «зарубежным» событиям, – пишет В.В. Дегоев. – Достаточно четко выраженный интерес к ним проявляла политическая элита, которая в силу своего статуса не могла оставаться безразличной к «внешнеполитическим» вопросам, потому что они во многом определяли

степень прочности этого самого статуса. При всей своей малочисленности и корпоративной недоразвитости горские социальные верхи уже приобрели некоторые политические инстинкты и некие навыки политического «анализа» явлений общекавказского, международного и характера на предмет их использования с максимальной выгодой. Немаловажно также иметь в виду весьма высокий потенциал влияния элиты на устроения низов. При непосредственном участии данного фактора формировалась внешнеполитическая ориентация (или ориентации) общества»¹⁷.

К концу XVIII – началу XIX в. большая часть Северного Кавказа уже находилась в подданстве России. С конца XVIII в. начинается установление российской административной власти в Кабарде, Осетии, Ингушетии. С начала XIX в. – в Чечне и Дагестане.

Конечно, процесс присоединения народов Северного Кавказа к России – явление сложное, многоплановое, далеко не прямолинейное. Тут были и вооруженные конфликты, и периоды взаимного недопонимания и разногласий. Г.Г. Лисицына отмечает: «Процесс вхождения горских народов в российское подданство проходил тяжело как для русской администрации, так и для вновь присоединенных народов, которые нередко оказывали сопротивление новым для них формам управления, поэтому правительство для достижения своих целей использовало различные средства – от дипломатических до насильственных»¹⁸. Но вплоть до назначения наместником Кавказа А.П. Ермолова в 1816 г. российско-северокавказские отношения, в целом, развивались по восходящей линии.

Выше мы уже говорили о хронологии Кавказской войны. Полагаем, что, независимо от того, какой год считать начальной датой Кавказской войны – 1817-й, 1818-й – к этому времени большая часть народов Северного Кавказа (за исключением адыгов Закубанья) считаются в российском подданстве. И военные события 20–50-х гг. XIX в. в Кабарде, Дагестане и Чечне происходят *внутри* (выделено нами. – Ш.Г.) российского государства. Но тогда эти действия со стороны России никак не должны рассматриваться как завоевание. Завоевание – это захват чужой территории. Не могло же правительство государства Российского захватывать собственные территории. Мы полагаем, что действия России по отношению к горцам Чечни, Дагестана и Кабарды в

20–50-е гг. XIX в. могут быть охарактеризованы как подавление восстания подданных, подвластных. Кстати, именно так рассматривал эти события А.П. Ермолов.

А как же охарактеризовать действия горцев Чечни, Дагестана и Кабарды в 1818–1859 гг.? Мы полагаем, что в данном случае мы должны сохранить уже сложившееся название «народно-освободительная борьба горцев». В 1818 г. в Чечне происходит крестьянское восстание, возглавленное выходцами из крестьянской общины. В Дагестане в 1818–1823 гг. и в Кабарде в 1818–1825 гг. освободительное движение возглавляют феодалы, которые в результате установления российской административной власти стали терять свои феодальные привилегии. В этих двух регионах еще нет массового движения, основную часть восставших составляют уздени кабардинских князей и свободное население дагестанских ханств. По нашему мнению, в тот период, до конца 20-х гг. XIX в., ни в одном из этих регионов в движении нет антифеодальных мотивов. В Чечне их и не будет вплоть до окончания Кавказской войны, поскольку здесь нет установившихся феодальных отношений, они еще в стадии генезиса. В Дагестане же и в Кабарде движение возглавлено, как мы уже отмечали выше, феодалами. Главная его цель – восстановление былой самостоятельности и феодальных привилегий. Однако с конца 20-х гг. XIX в. под знаменем идеологии мюридизма и в Дагестане происходит восстание свободных общинников, возглавленное выходцами из крестьянской среды. Здесь это восстание действительно носит характер антифеодального, освободительного движения. Наблюдается внутренний конфликт в дагестанском обществе. Здесь есть и элементы гражданской войны. Мы уже выше приводили мнение В.Г. Гаджиева, который назвал эти события в Чечне и в Дагестане «восстанием», «народным движением».

В то же время нужно подчеркнуть, что, как и в Чечне (в 1818–1859), в народном движении в Кабарде (в 1818–1825) и в Закубанье (1830–1864), нет элементов внутреннего противостояния, гражданской войны. Здесь движение носит только освободительный характер.

Главная причина народно-освободительного движения на Северном Кавказе в 1818–1864 гг. – это попытки (начало им положил А.П. Ермолов) установить российскую власть в регионе военными, силовыми методами. Это вызвало восстание со сто-

роны свободных крестьян-общинников и части феодалов против российской администрации.

Народно-освободительное движение горцев Северного Кавказа в XIX в. не было направлено против их присоединения к России. Этот процесс (т.е. присоединение. – Ш.Г.) хронологически не совпадает с Кавказской войной. Процесс присоединения народов Северного Кавказа к России происходит (если верить архивным документам, прочим источникам и многочисленным научным публикациям советского и постсоветского периодов) в XVI–XVIII вв. Кавказская война начинается в 1818 (1817) г. в форме восстания свободных общинников и части феодалов против установления российской административной власти ускоренными темпами и военной силой, против грубой ломки традиционных общественных отношений в горском обществе.

Подводя итоги, нам представляется необходимым подчеркнуть несколько принципиальных моментов:

1. С середины XVI в. Россия, исходя из своих стратегических, геополитических интересов, стремилась установить свое влияние на Кавказе (по образному выражению Р.А. Фадеева, Кавказ представлялся для России мостом между Европой и Востоком). При этом, вплоть до начала XIX в., Россия использовала здесь преимущественно мирные (экономические и политические) средства. В результате, в начале XIX в. почти все народы региона считались уже в российском подданстве.

2. Кавказская война не была завоеванием или захватом Северного Кавказа. Она не была борьбой горцев против присоединения к России. К ее началу, т.е. к концу второго десятилетия XIX в., почти все народы региона считались уже в российском подданстве.

3. С 1818 г. кавказский наместник А.П. Ермолов начал утверждать российскую власть в регионе предельно жесткими силовыми методами. В ответ горцы Дагестана, Чечни и Кабарды подняли вооруженное восстание, которое длилось несколько десятилетий. По мере продолжения этого восстания оно становилось все более радикальным. Это восстание носило характер народно-освободительной борьбы. Это подчеркивали уже в XIX в. многие авторы (Потто, Волконский, Ходнев и др.), – «горцы боролись за свою свободу». Это положение имеет принципиальный характер, и, по

нашему мнению, его надо строго придерживаться.

Нам представляется, что подобные формулировки могут быть приемлемы для всех сторон: они вполне корректны и позволяют поставить вопрос о целесообразности использования, к примеру, таких формулировок, как «колониальная, захватническая война России на Северном Кавказе», «горские набеги», «горская экспансия» как основа всех зол и т.д.

Спор о содержании и хронологии Кавказской войны идет уже больше века. И, видимо, будет идти бесконечно, если ученые-историки не договорятся между собой о единых критериях. Мы предлагаем, в качестве обсуждения, несколько моментов:

– «развести» однозначно войны России с Турцией и Ираном в XVIII–XIX вв. и военные действия между российскими войсками и восставшими горцами в 1818 (1817)–1864 гг. Это – явления разного характера и, по-нашему мнению, не могут быть включены в одно название – «Кавказская война».

Термин «война» в привычном понимании – это военные действия между разными государствами. Часто войны получали в историографии географические названия – «Крымская война», «Балканские войны» и т.д. В этом плане название «Кавказская война» целесообразно было бы сохранить за военными действиями между Россией, Турцией и Ираном в XVIII–XIX вв.;

– военные действия между российскими войсками и восставшими горцами в 1818–1864 гг. назвать «Народно-освободительное движение горцев Северного Кавказа в 1818–1864 гг.». Эти события рассматривать как восстание горцев против установления российской власти в слишком жестких формах и силовыми методами. Со стороны правительства – это подавление крестьянского восстания, иногда возглавленного отдельными феодалами. Это – события, которые происходили внутри Российского государства.

Кавказская война (в понимании военных действий 20–50-х гг. между царскими войсками и восставшими горцами Северного Кавказа) и связанные с нею события не должна быть предметом политических и идеологических спекуляций. Ни с одной стороны. Ее нужно рассматривать как величайшую трагедию в истории российских народов в XIX в., в истории российско-горских взаимоотношений. Это было длительное военное противостояние, породившее озлобление с обеих сторон. Ошибки и жестокости тоже были с обеих противоборствующих сторон. Конеч-

но, жертв со стороны горцев в этом противостоянии было намного больше, особенно среди чеченцев. Но, видимо, это будет тупиковый и непродуктивный путь: заниматься подсчетами, кто в Кавказской войне больше страдал, у кого было больше потерь. Даже великий писатель и гуманист Л.Н. Толстой в своих кавказских произведениях не дал четкого ответа на данный вопрос. Русский офицер XIX в., участник Кавказской войны Торнау, подытоживая свой рассказ о штурме чеченского селения Герменчук 4 сентября 1832 г., отмечал: «Ночь накрыла поле боя. Все выполнили свой долг в соответствии с совестью и убеждениями. Главные действующие лица ушли в вечность; остальные, вместе со зрителями, укрылись в своих палатках. Вероятно, в глубине души задавали себе вопрос: кому и зачем все это нужно? Разве на земле мало места всем, вне зависимости от языка, на котором они говорят, и вероисповедания?»¹⁹.

Совестью народа в Чеченской Республике называют Абузара Айдамирова, народного писателя, автора целого ряда исторических романов о Кавказской войне. В советское время его книги либо вообще не издавали, либо издавали с трудом, обвиняя его в том, что он ворошит тяжелое прошлое. Он отвечал на это так: «... Я убежден в том, что нельзя все время ворошить кровавое, трагическое прошлое, беречь старые кровоточащие раны. Надо стремиться к тому, чтобы народы забыли старую вражду, войны, укрепить между ними дружбу и братство.

... Но именно клевета на чеченский народ, появившаяся в советской историографии в 50-х гг., обвинения чеченского народа во всех смертных грехах заставили меня написать мои исторические романы»²⁰. Вывод простой: нельзя клеветать ни на один народ, нельзя выстраивать народы по рангу – кто выше, кто ниже.

Волею судьбы и волею наших предков русским и кавказцам выпало счастье жить в одном государстве. Но жить надо достойно, не оскорбляя историческую память наших предков, равно уважая друг друга. Помня о том, что в XVI–XVIII вв. в Москву и Петербург с ходатайствами о российском подданстве ездили не «туземцы», не «дикири и хищники», а достойные представители горских народов, имеющих свою древнюю культуру и славное историческое прошлое. И, конечно, аксиомой должно стать положение о том, что Россия, преследуя на Кавказе, в первую очередь, свои государственные интересы, в то же время несла гор-

цам перспективу поступательного исторического развития.

Нельзя идти вперед, все время обернувшись назад и выискивая в нашем общем историческом прошлом один лишь негатив и взаимные обиды. Мы должны укреплять наш общий дом, общую родину – Россию, и для этого в прошлом можно и нужно найти и массу позитивного: культурный диалог и культурное взаимовлияние России и Кавказа, преобразовательная деятельность России в регионе со второй половины XIX в. и многое другое.

Примечания

1. *Фадеев Р.А.* Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей. СПб., 1865. С. 23; *Он же.* Шестьдесят лет Кавказской войны. М., 1860. С. 20; *Романовский Д.И.* Кавказ и Кавказская война. СПб., 1860. С. 120; *Очерк Кавказской войны.* С. 289; *Карпеев И.В.* «Кавказ – это огромная крепость...» // Военно-исторический журнал. 1997. № 2. С. 42; *Бирюков М.А.* Российско-чеченские отношения в XVIII–XIX вв. // Вопросы истории. М., 1998, № 2. С. 49 и др.

2. *Демин А.М.* Казаки в Кавказской войне (1817–1864 гг.) // Казаки в войнах России. М., 1999. С. 73.

3. *Фадеев Р.А.* Письма с Кавказа... С. 23.

4. *Карпеев И.В.* Указ. соч. С. 58.

5. *Лалин В.В.* Кавказская война – война взаимного непонимания // Россия и Кавказ: история, религия, культура. СПб., 2003. С. 5.

6. Там же. С. 5–6.

7. Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова. СПб., 1837. С. 24.

8. *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе. М., 2003. С. 307.

9. Родина. 1994. № 3–4. С. 18.

10. Перевернутый мир бесконечной войны // Родина. 1994. № 3–4. С. 18.

11. Там же.

12. Там же. С. 18, 19.

13. *Дегоев В.В.* Война и политика в эпоху присоединения Кавказа к России (первая треть XIX в.) // Кавказский сборник. Т. 2 (34). М., 2005. С. 92, 94.

14. <http://\lopatin.Academic.ru\48400>.

15. Там же.

16. Там же.

17. *Дегоев В.В.* Война и политика... С. 94.

18. *Лисицына Г.Г.* Административная деятельность генерала А.П. Ермолова на Кавказе // Генерал А.П. Ермолов и российско-кавказские отношения в XIX – начале XX века. СПб., 2009. С. 40.

19. Т. Воспоминания о Кавказе и Грузии // Русский вестник. М., 1869. № 3. С. 135.

20. Айдамиров А. Дороги моей жизни // Ж. «Вайнах». Грозный, 2013. № 11. С. 7.

S.A. GAPUROV

**THE CAUCASIAN WAR: SOME DISCOURSE
ABOUT CHRONOLOGY, REASONS AND ESSENCE**

A question about scientific discussions around the Caucasian War of XIX century is learnt; chronology, reason and essence of that historical event. The new aspects of a view on this problem are suggested.

Keywords: Russia, the North Caucasus, Caucasian War, chronology, the peculiarity of the war, essence.

М.В. Дышеков
(г. Нальчик)

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА В ЛИЦАХ: ШТРИХИ К ИСТОРИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ ИСХАКА АБУКОВА*

Статья посвящена одному из духовных лидеров шариатского движения Кабарды, развернувшегося в конце XVIII – начале XIX в.

Ключевые слова: *Кавказская война, ислам, мекхеме, шариат, обычное право.*

Кавказская война, начавшаяся со строительства крепости Моздок в 1863 году, и последующего военного притеснения кабардинцев, внесла существенные коррективы в общественно-политическую жизнь Кабарды. Мощное давление, оказываемое российской властью на кабардинцев, привело к консолидации значительной части населения в борьбе с российским колониализмом. Идеологической опорой антироссийской оппозиции стал ислам. А служители культа, наряду с традиционной элитой, возглавили сопротивление.

В конце XVIII – начале XIX в. одним из самых известных общественно-политических и религиозных деятелей Кабарды был Исхак Абуков. По своему происхождению Абуковы являются абазинскими дворянами – амыстаду. Изначально они находились в услужении у абазинских князей Жантемировых, однако с подчинением последних кабардинским князьям Атажукиным Абуковы контактируют уже непосредственно с последними. В целом, характеризуя род Абуковых начиная с Исхака Абукова и последующие поколения, следует отметить их чрезвычайную религиозность. Многие представители этого рода занимали должности мулл и эфенди, еще больше совершили в паломничество в Мекку.

* Исследование выполнено при поддержке ВОО «Русское географическое общество» в рамках реализации договора гранта № 03/2014-Н5 от 10 августа 2014 г.

К сожалению, нам еще известно чрезвычайно мало о жизни и деятельности Исхака Абукова, но представить масштаб его личности и его влияние на многие стороны жизни кабардинцев, думать, можно.

Получив религиозное образование, Исхак Абуков приложил немало усилий по распространению ислама на Северном Кавказе. Уже в 1764 г. он получает фирман турецкого султана, согласно которому ему предписывается распространить ислам среди карачаевцев.

Известно, что с 1785-го Абуков состоял в переписке с шейхом Мансуром (Ушурмой), лидером антиколониальной борьбы чеченцев и дагестанских владельцев. Абуков приглашал шейха Мансура в Кабарду для проведения на р. Баксан собрания представителей мусульманских народов Северного Кавказа. После пленения шейха Мансура Исхак Абуков продолжил активную пропаганду ислама среди кабардинцев.

После введения российской администрацией в 1793 г. родовых судов и расправ в Кабарде шариатское движение значительно расширилось, охватив широкие слои населения, но главным образом князей и дворян. Религиозное по форме, антиколониальное по сути, шариатское движение 1794–1807 гг. явилось наиболее значимым явлением в общественно-политической жизни кабардинцев в конце XVIII – начале XIX в. Во главе шариатского движения стояли князь Адиль-Гирей Атажукин и эфенди Исхак Абуков.

Преследование со стороны российских властей заставили Исхака Абукова покинуть Кабарду и переселиться в Карачай. Свою деятельность Исхак-эфенди вел в Карачае с 1800-го по 1807 г., когда жил среди беглых кабардинцев сначала на Малом Зеленчуке, а затем в Тебердинском ущелье¹.

Последние данные, которые приводит З.Б. Кипкеева, говорят о том, что Исхак Абуков переселился к карачаевцам несколько раньше, а именно в 1897 г.² В частности, со ссылкой на тюрколога Адилхана Адилоглы ею приводится решение османского правительства от 27 июля 1797 г. следующего содержания: «Так как в Кабарде власть захватили русские, кабардинский религиозный ученый Хаджи Исхак эфенди не смог там спокойно жить и, переселившись с семьей и приближенными в местность, которая вся называется Карачай, убедил построить там мечеть, кроме того,

обучил там 300 человек исламу, Корану и религиозным наукам. Тем не менее вместе с семьей он попал в очень тяжелые условия, поэтому ему нужно помочь деньгами. В связи с этим, как и анапскому муфтию Хусеину Эфенди, Хаджи Исхак Афендию через анапскую таможенную ежемесячно будет посылаться 30 курушей»³. В документе от 8 сентября 1797 г. сообщается «о выделении денег на ткань, книги, бумаги, карандаши, ножницы, сундуки и т.д. для посылки ученикам Ибрахима эфенди, живущего среди абазин и черкесов, и Хаджи Исхака эфенди, отправившегося от кабардинских черкес в Карачай»⁴.

Тем не менее Исхак Абуков принимает деятельное участие в общественно-политической жизни Кабарды. Политике российской администрации «разделяй и властвуй» направленной на раздувание социального конфликта в кабардинском обществе, была противопоставлена идея консолидации привилегированных сословий.

На состоявшемся в 1799 г. на р. Баксан съезде кабардинские князья и дворяне поклялись на Коране ввести равенство между князьями и дворянами. Инициатор движения Адыль-Гирей Атажукин вынужден был переехать за Кубань вместе с пятью лидерами исламского духовенства, а в следующем году перевел туда своих подвластных, положив начало первой волне «хаджретов» (от исламского термина «хиджра», который подчеркивает религиозные мотивы переселенцев, а также неизбежность их возвращения в Кабарду, как и первых мусульман в Мекку)⁵.

В начале XIX в. в Кабарде происходит усиление шариатского движения. В результате данного движения в 1807 г. в Кабарде взамен родовых судов и расправ было установлен духовный суд – мехеме.

Несмотря на значимость фигуры Исхака Абукова архивных документов, касающихся его деятельности, выявлено недостаточно. Главным образом это сведения, полученные из донесений пристава кабардинского народа генерал-майора И.П. Дельпоццо. Политика, проводимая И.П. Дельпоццо в Кабарде, в корне отличалась от той, что была в предшествующий период. Как отмечал историк Кавказской войны В. Потто: «Со времен Потемкина и до самого назначения Дельпоццо на эту должность система, которой держались начальники Кавказской линии в управлении горцами, заключалась в том, чтобы посредством подарков и де-

нег привлекать на свою сторону влиятельных лиц, и этим под-
рывать авторитет их между соотечественниками, вообще косо
смотревшими на всякое сближение с русскими. Раздувая всякую
сословную и племенную вражду, начальники Линии старались
вооружить князей друг против друга и против уорков и затем,
поддерживая уорков против князей, возбуждали бесконечный
ряд внутренних волнений. Враждующие стороны, конечно, об-
ращались каждая за помощью к русским, а политические рас-
четы определяли, кому следует оказать ее»⁶. И.П. Дельпоцо, дей-
ствуя по указанию князя П.Д. Цицианова, старался «кротостью и
снисходительностью» заручиться поддержкой кабардинцев. Для
этого он строил мечети, а при них – караван-сарай, поощрял тор-
говлю. Большое внимание И.П. Дельпоцо обращал на воспита-
ние молодого поколения, привитие им европейских манер и об-
разования. Для этой цели в Георгиевске и Екатеринограде были
созданы школы для детей кабардинских князей и дворян.

Естественно, что он пытался найти среди кабардинцев под-
держку. В рапорте к графу Гудовичу от 11 марта 1807 г. он пишет:
«Могу и тем ласкать себя, что из числа бородачей (*религиозные
деятели*. – М.Д.) нашел я людей весьма честных, справедливых и
добрых, соответствующих к выгоде нашим интересам...». Далее
он персонализирует: «В бытность мою в Мисостовой и Атажу-
ковой фамилиях нашел я Адиль-Гирея, весьма благосклонного
и эфендия Исхака, также человека умного и почтенного, и как
заметил по делам их, то сие 2 человека в сих фамилиях совер-
шенные владыки и приверженные к закону»⁷. Для расположе-
ния и привлечения на свою сторону он просил командование
поощрить ряд лиц присвоением воинских званий и вручением
подарков. «Главнейшее наше правило есть в том, чтобы сколько
возможно обратить в свою сторону управляющих эфендиев и
бородачей, которые более имеют свою веру и твердость на за-
кон, а сим и вся Кабарда подражает», – писал И.П. Дельпоцо.
Двум эфендиям: Абдул-Кадыру и Исхаку – он просил на подар-
ки «лисьего лучшего разбора на шубу мех».

Определенный интерес представляют сведения, оставленные
путешественником Г.-Ю. Клапротом, посетившим Кабарду в
1808 г.: «Еще около сорока лет тому назад черкесы, хотя называв-
шие себя мусульманами... жили почти без религии... Из рели-
гии Магомета они соблюдали лишь воздержание от свинины и

вина. Они хоронили также мертвых и справляли свадьбы по магометанскому обычаю. Многоженство было разрешено, но было мало распространено. Князья и самые знатные уздени совершали в определенное время свои ежедневные молитвы по-арабски, хотя и не понимая в них ровным счетом ничего. Простолюдины жили без всяких религиозных обрядов.

Со времени Кучук-Кайнарджийского мира Турция старалась при помощи посылаемого туда духовенства распространить ислам на Кавказе, в особенности среди черкесов, и имела успех в своих намерениях, по крайней мере у последних, чему особенно помог **Исаак эфенди** (выделено нами. – М.Д.), состоявший на жаловании у турок. Их муллы, или священники, обычно из вольноотпущенников князей или узденей, отправляются учиться немного читать и писать к татарам из Табасарана или в Эндери, получают звание эфенди и возвращаются в свое отечество, чтобы работать для удержания народа в магометанской вере и отстранения их от союза с Россией»⁸.

Более обстоятельно ознакомившись с делами в Кабарде, И.П. Дельпоцо приходит к такому же выводу относительно Исхака Абукова: «Он более всего старался пронырствовать и набожностью, под видом отличной добродетели привлечь к себе народ, и так искусно достиг желаемой цели, что в короткое время успел всю кабардинскую нацию усовершенствовать в магометанском законе. Ныне многие уздени, которые почти 40 лет имеют от роду, учатся татарской грамоте, чтобы разуместь Алкоран; он до того доволен, что все переменили обычай (ведения) в одеянии: вместо прежних коротких черкесок начали носить длинные, на шапки надели чалмы, отпустили бороду, перестали пить горячее вино, журить и нюхать табак; и нечего не едят из скота, не убитого руками мусульманскими, и почитают в сем свое спасении»⁹. И, конечно, теперь И.П. Дельпоцо понимает, что переманить на свою сторону Исхака Абукова невозможно. Российская администрация вынуждена была пойти на уступки.

Результатом шариатской реформы стало принятие в 1807 г. «Народных условий, принятых в отмену прежних обычаев». Этот документ стал своеобразной конституцией Кабарды и отразил принадлежность кабардинцев к ханафитскому мазхабу¹⁰. В соответствии с «Народным условием», сделанным в 1807 г. впредь всякое дело должно было решаться по шариату «за ис-

ключением претензий князя к узденям, узденей – к их крепостным так, как они по желанию их представлены разбирательству по древним обрядам». Это подтверждает и Ш. Ногмов. В частности, он указывает, что «Адиль-Гирей Хатожукин с эфендием Исхаком Абуковым ввел между кабардинским народом шариат, по которому преступники, все без изъятия, по степени важности преступления, подвергались смертной казни и телесному наказанию. Наказания эти определялись: за воровство не более рубля – лишение левой руки; свыше рубля до 100 руб. ассигнованиями – отрубление правой руки и левой ноги; за развратное поведение – смертная казнь. Убийцы предавались также смертной казни. Все претензии, касающиеся до имущества и личных прав каждого, разбирались шариатом, а дела между князьями и узденей – с холопами решались по обычаям»¹¹. Причем нововведения положительно оцениваются Ш.Б. Ногмовым, так как уровень преступности упал.

Адиль-Гирей Атажукин и Исхак Абуков внесли весомый вклад в реформирование древней правовой культуры кабардинцев, абазин, балкарцев и карачаевцев. Очень важным представляется в данном контексте и другое указание И.П. Дельпоцо относительно деятельности Исхака Абукова. В частности, он пишет что И. Абуков «переменил обычай в древнем праве владельцев, которые прежде сего имели из каждого бараньего коша, когда бараны весною идут для пастбы в горы, брать по одному барану и [когда] возвратятся из гор осенью обратно – таким же образом. Сверх того имел всякий раз в проезде его на охоту, когда случилось ему ночевать возле коша, брать по одному барану для ужина; в проезде мимо конного табуна мог взять какую ему угодно лошадь и возвратить оную обратно, когда нет в ней надобности; при случае ночлега мог приказать для своего ужина убить молодого жеребенка или кобылицу»¹².

То есть, напрашивается определенный вывод, что кабардинские князья и дворяне не только на словах, но и на деле пытались перейти к консолидации привилегированных сословий. Сословные привилегии кабардинских князей и дворян ограничивались и урезались не только российской администрацией, но и в результате поиска консенсуса внутри кабардинского общества.

Все эти факты позволяют нам утверждать, что Исхак Абуков был одной из ключевой фигур общественно-политической жиз-

ни Кабарды в конце XVIII – начале XIX в. Такой авторитет в народе из лиц не княжеского происхождения до него имел лишь великий философ и политический деятель первой половины XVIII в. Джабаги Казаного, да и то не в такой степени. Если, скажем, Джабаги Казаного способствовал реформированию отдельных институтов обычного права кабардинцев, то Исхак Абуков ввел принципиально новую правовую систему, основанную на нормах шариата.

Примечания

1. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. С. 59.
2. Кипкеева З.Б. Северный Кавказ в российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008.
3. *Başbakanlık Osmanlı Arşivi*. СМ. 943 2. S. 1212. (Архив османского правительства, Турция).
4. *Başbakanlık Osmanlı Arşivi*. ДЖАДЛ. 105 6265 16. РА. 1212. (Архив османского правительства, Турция).
5. <http://zhemukhov.livejournal.com/1068.html>
6. Помто В. Кавказская война. От древнейших времен до Ермолова. СПб., 1887. Т. 1. С. 731.
7. АКАК. Т. 3. С. 649.
8. Кларот Г-Х. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807–1808 годах. Нальчик, 2008.
9. Антология памятников права народов Кавказа. Ростов-н/Д., 2010. Т. 2. С. 189.
10. <http://zhemukhov.livejournal.com/1068.html>
11. Ногмов Ш. История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 151.
12. Там же.

M.V. DYSHEKOV

CAUCASIAN WAR IN THE PEOPLE: THE FINISHING TOUCHES TO A HISTORICAL PORTRAIT OF ISHAK ABUKOV

The article is devoted to one of the spiritual leaders of the Sharia movement of Kabarda, that has developed in the XVIII–XIX centuries.

Keywords: Caucasian War, Islam, Mekheme, Sharia, customary law.

Ж.А. Калмыков
(г. Нальчик)

К ИСТОРИИ СЕМИМЕСЯЧНОЙ ВОЙНЫ КАБАРДИНЦЕВ 1779 г.

Статья посвящена Семимесячной войне 1779 г., которая является одной из слабоизученных трагических страниц столетней Кавказской войны 1763–1864 гг. В ней вкратце рассматриваются причины, ход и последствия военных событий 1779 г. в Центральном Предкавказье, в которых кабардинцы вместе со своими соседями (бесланевцами, чеченцами и ногойцами) отстаивали свои северные территории от аннексии со стороны России.

Ключевые слова: Семимесячная война, Кавказская война, Ночное нападение, Кючук-Кайнарджийский мир, Северный Кавказ, Центральное Предкавказье, Къурей Губгъуэ, Къетыкъуэ ТуащIэ, Дзэти, Старший князь, аннексия, приставство, дестабилизация, подданство, безусловная зависимость, христианство.

10 октября (по старому стилю 29 сентября) 2014 г. исполнилось 235 лет с тех давних событий, которые в устном народном творчестве известны под названием Семимесячной войны (Мазибл зауэ). В адыгской историографии до сих пор нет специальных работ, посвященных именно событиям одного 1779 г., хотя они были значительной вехой в истории освободительной борьбы кабардинцев в столетней Русско-Кавказской войне. Имеется единственная статья В.Н. Сокурова на кабардинском языке «Мазибл зауэ»¹, которая до сих пор не переведена на русский язык и не использована при создании обобщающих трудов по истории КБР. Ценные сведения о военно-политических событиях 1779 г. на Северном Кавказе содержатся в трудах П.Г. Буткова, В.Х. Кажарова, Л.М. Хакуловой и др.². Но, они, рассматривая историю Кабарды второй половины XVIII в., остановились лишь на отдельных эпизодах и аспектах борьбы кабардинцев против колониальной политики царизма в 1779 г. З.М. Налоев в статье «Из истории «Песни Большого ночного нападения» установил высокую степень достоверности и соот-

ветствие фольклорного материала реальным историческим событиям 1779 г. в Кабарде³.

Отсутствие достаточного внимания именно к событиям Семимесячной войны, видимо, объясняется крупномасштабным трагическим характером их последствий для кабардинцев. Официальная идеология советских времен наложила табу на изучение подобного рода страниц истории, чтобы не навредить дружбе народов и формированию единого советского народа.

В первое постсоветское десятилетие адыгские историки до конца не воспользовались неожиданно возникшей возможностью, чтобы изучить не только победные, но и трагические страницы своей истории. А сейчас обстановка в стране изменилась не в пользу открытости, равных прав и возможностей для создания адекватной национальной истории. Это видно было накануне 150-летия окончания Русско-Кавказской войны. В нашей стране снова вернулось историографическое неравноправие. На фоне возвращения имперской идеологии местная власть предостерегает историков и население от якобы излишнего внимания к трагическим страницам своей истории.

В связи с этим, думаю, уместно здесь процитировать Карла Ясперса: «Нельзя допустить, чтобы ужасы войны были преданы забвению. Надо все время напоминать о прошлом. Оно было, оказалось возможным, и эта возможность остается. Лишь знание способно предотвратить ее. Опасность здесь – в нежелании знать, в стремлении забыть и в неверии, что все это действительно происходило»⁴. Эти замечания относятся к событиям Второй мировой войны, но мы думаем, что их можно отнести и к трагическим событиям на Кавказе во второй половине XVIII – первой половине XIX в.

С учетом этих, глубокого смысла слов, попытаемся приоткрыть одну из многочисленных трагических страниц столетней Русско-Кавказской войны 1763–1864 гг.

Известно, что Россия приступила к завоеванию Северного Кавказа со строительства в 1763 г. крепости на левом берегу р. Терек в урочище Моздок. Моздокская крепость стала мощным форпостом российского проникновения на Северный Кавказ. После успешной войны с Турцией в 1768–1774 гг. и подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора Россия приступила к аннексии северных территорий Кабарды, где ее население

издавна занималось хлебопашеством и скотоводством. «Для кабардинцев (балкарцев и осетин тоже), в хозяйстве которых ведущую роль играло животноводство, зимние Курейские пастбища имели жизненно важное значение»⁵.

Все дипломатические усилия кабардинцев приостановить продвижения русских в глубь территории Кабарды не увенчались успехом. Более того, Россия начиная с 1777 г. на новых границах по левому берегу Малки и правому берегу Кубани, от Моздока до Азова, приступила к возведению десяти крепостей, из которых Екатериноградская, Павловская, Марьинская, Георгиевская, Александровская и Константиноградская были построены на землях Кабарды⁶. В результате кабардинцы оказались оттиснутыми от своих северных земель, что вызвало открытое недовольство значительной части населения, в том числе и владельных князей.

Тогда Кабарда от мирных протестов вынуждена была перейти к военным акциям. В 1778 г. кабардинскими феодалами было предпринято нападение на Павловскую крепость, но подоспевшие русские части под командованием генерал-майора Якоби отбили его⁷.

В конце 1778 г. кабардинцы вновь потребовали от России уничтожения всех пограничных укреплений. 29 марта 1779 г. кабардинские владельцы на своем съезде договорились, о том, что в случае отказа со стороны России снести указанные крепости, они начнут военные действия. Старший князь Кабарды Жанхот Татарханов пытался предотвратить войну⁸. Видимо, он был один из тех немногих, кто понимал, что для успешной борьбы с Россией у Кабарды не хватит сил. Но территориальные потери могли быть настолько значительными, что для антирусских настроений было достаточно оснований. Большинство владельцев было решительно настроено отстоять свои северные территории.

Обстановка в Кабарде настолько была обострена, что обсуждалось приглашение грузинского царя Ираклия II кабардинцам переселиться в Грузию. «Царь грузинский Ираклий II желал воспользоваться недоверчивостью к России кабардинских владельцев, и в декабре 1778 г. писал через нарочных к некоторым владельцам обоих Кабард, приглашая их на переселение в Грузию и обещая им хорошие места и долины...»⁹, – отмечал русский военный историк П.Г. Бутков. Кавказская администрация, встре-

вожденная этим обстоятельством, сообщала в Петербург: «Вся Кабарда со всеми своими подвластными холопами намеревается перекочевать в Грузию»¹⁰. О недовольствах и приготовлениях в Кабарде было осведомлено русское правительство.

В середине весны в Кабарде начинается массовая мобилизация. Все взрослое мужское население, вооружившись кто чем мог, направляется на северные территории, переходит Малку и выходит на степные просторы, называемые Курей (Къурей губгъуэ), чтобы продемонстрировать свое присутствие под видом начала сельскохозяйственных работ (вэн-сэн). Но они здесь принялись за подготовку к предстоящим военным действиям, строили небольшие укрепления, изготавливали средства для штурма крепостей¹¹.

Вооруженная часть повстанцев расположилась лагерем в лесном массиве, в местности Къетыкъуэ ТлуащІэ (на территории современного с.п. Псыхъурей)¹². В.Х. Сокуров считает, что кабардинцы основные военно-организационные мероприятия провели здесь. В соответствии с издавна заведенными традициями, «в военное время старший князь Кабарды автоматически становился главнокомандующим войсками – дзэпщ. В тех случаях, когда он не мог командовать (чаще всего по возрасту), дзэпщ выбирался из числа других князей с учетом личных качеств. По окончании компании он слагал свои полномочия»¹³. В данном случае, как сказано выше, старшим князем Кабарды был Жанхот Татарханов. Но он был против войны с Россией. Видимо, с учетом этих обстоятельств предводителем кабардинских войск был избран князь Мисост Боматов, известный своими полководческими качествами. Он же возглавил один из трех отрядов¹⁴. Два других отряда возглавили князья Хамурза Кайтукин и Карамурза. В. Сокуров полагает, что Карамурза был из княжеского рода Мисостовых. Проблемы, связанные с разведкой, были возложены на князя Езбаздуку Канаметова. Он блестяще справился со своей задачей: подкупил крымского армянина Артемия Васканяна, который проник в Александровское укрепление и поджег церковную столовую, что было сигналом для нападения кабардинцев¹⁵.

Кабардинцы начали активные военные действия в середине мая. Их поддержали бесланевцы, темиргоевцы, чеченцы и ногайцы. Закубанские черкесы (до 1,5 тыс. человек) совершили нападение на Ставрополь. Чеченцы усилили нападения на станицы

Моздокского полка. Военные действия развернулись и в районе Пятигорья¹⁶. Действия основных сил кабардинцев происходили в районе Екатериноградской и Марьинской. Они не штурмовали эти крепости, но, сломив сопротивление казаков, угнали до пяти тыс. головкрупного рогатого скота (скорее, можно сказать, что они вернули то, что противник отогнал накануне)¹⁷. Гарнизоны русских крепостей предпочли держать оборону.

5 июня пятитысячный отряд кабардинцев разделился перед наступлением на три отряда. Первый из них ударил по казакам и калмыкам, которые шли на соединение с Якоби; вторая нанесла удар по лагерю самого Якоби, а третья стала штурмовать Марьинскую крепость. Тех, которые ударили по лагерю, встретили артиллерийской канонадой и плотным ружейным огнем, так что они вынуждены были отступить. Марьинскую крепость штурмовали две ночи и два дня подряд, но завершить победой не удалось. Потери повстанцев составили 120 человек.

10 июня генерал Якоби вывел войска из крепости Павловской и выстроил в три каре. Кабардинцы сначала выстраиваются в одну длинную цепь (шеренгу), а потом перестраиваются в три отряда в соответствии с диспозицией противника и идут в наступление. Якоби подпустил их на достаточно близкое расстояние и открыл шквальный огонь из всех артиллерийских орудий и ружей. Кабардинцы вынуждены были отступить, а потом перегруппироваться и снова ударить по левому флангу русских войск. Однако противник оказался сильнее, чем ожидалось, и они с большими потерями вынуждены были отступить. Кабардинцы потерпели неудачу и под Марьинской, когда капитан Я. Бессо своим отрядом вышел из крепости в открытое пространство и ударил по ополченцам. В этом бою кабардинцы потеряли 97 человек убитыми. По результатам всех предыдущих сражений 18 июня генерал Якоби докладывал, что он «разбил их (кабардинцев) так, что побитых и раненых оставили и увезли с собой до трех тысяч человек»¹⁸. Русское командование, как правило, завышало потери противника. Но как бы там ни было, большое ночное нападение кабардинцев закончилось их поражением.

Обострением русско-кавказских отношений, как всегда, решили воспользоваться протурецкие и прокрымские силы. В Кабарде резко активизировалась протурецкая агитация, и в первую очередь среди простого народа. Турецкие шпионы стали

распускать слухи, что на помощь кабардинцам и другим горским народам «... приготовился идти с сильным корпусом ... Аджа Али-бек»¹⁹.

Екатерина II посчитала обстановку в Кабарде настолько серьезной, что в июле 1779 г. издала секретный приказ, санкционирующий свободу действий русским войскам в Кабарде. «... Повелеваем, – читаем мы в приказе, – для обуздания их (кабардинцев) учинить отряд войск... и привести в надлежащее повиновение»²⁰. Отсюда видно, что Россия, несмотря на все сложности, связанные с сопротивлением кабардинцев, не намерена была отступить от своего плана по захвату территории Кабарды. Насчет решимости правительства не осталось иллюзии и у кабардинцев.

29 сентября 1779 г. в местности Къетыкъуэ ТшуащІэ, откуда кабардинцы начали войну, дворянское войско, насчитывавшее **около 300 человек**, внезапно оказалось в окружении многократно превосходящих сил противника под общим командованием генерал-майора Ф.И. Фабрициана²¹. Окружение было осуществлено внезапно и в ночное время. В.Н. Сокуров по этому поводу пишет, что «кабардинцы сами славились искусством ночных нападений, но на этот раз русские войска воспользовались этой тактикой успешно»²².

Генерал Фабрициан с войсками вышел из лагеря в районе Павловской крепости вечером «с двумя егерскими батальонами, двумя ротами полевого моздокского батальона, 1 тыс. казаков и 1 тыс. калмыков». В полночь переправился через Малку, отогнал лошадей на достаточное расстояние и расположился со стороны Кабарды, так чтобы кабардинцы не смогли получить подкрепление²³. Генерал Якоби с тремя эскадронами подошел к Малке, замкнул лагерь сверху и снизу по течению реки, сам же во главе сухопутных войск расположился с северной стороны на высоком берегу, с высоты которого можно было обстреливать ополченцев из артиллерийских орудий²⁴.

По сведениям Фабрициана, сражение продолжалось с 7 часов утра до 12 часов дня. В этом **пятичасовом** жестоком бою кабардинцы «выдерживали огонь со всех сторон и так остервеневшись сражались, что никак не сдались» в плен и сложили головы «без остатку»²⁵. П.Г. Бутков, не объясняя причин, пишет, что «вооруженный черный народ, находившийся в 6 верстах от этого места, не пришел им на помощь». Мы полагаем, что, во-

первых, этого не допустили бы русские войска. Во-вторых, события были настолько скоротечными, что пешие отряды никак не могли подоспеть за столь короткое время к месту сражения. В конечном итоге победу одержала русская армия, вооруженная артиллерией и винторезными ружьями. Она использовала в этом бою не только многократное преимущество в численности войск, тактику внезапности, но и свое превосходство в полевых сражениях на открытой местности.

Вооружения же кабардинцев в основном состояли из пищаля, сабли, пашки, кинжала и лука. Из пищали могли выстрелить только один раз в бою, а дальше приходилось сражаться саблями и пашками. Отсюда видно, что преимущества русских войск были огромными.

Несмотря на столь значительный урон, Кабарда не была намерена идти на безоговорочную капитуляцию. По свидетельству историка В.Х. Кажарова, кабардинцы «по-прежнему стремились строить свои отношения с Россией в рамках феодального договора», согласно которому со времен царя Ивана IV они были кунаками, а не подданными империи. Такое заявление кабардинцев для российских властей послужило поводом для организации широкомасштабной карательной экспедиции на Большую и Малую Кабарду.

28 ноября русские войска вторглись в Кабарду двумя отрядами. Поход в Большую Кабарду возглавил генерал Якоби²⁶, а в Малую – полковник Савельев²⁷, где им оказывали упорное сопротивление. В огне пожарищ горели сады, поля и дома. В конечном итоге сопротивление кабардинцев было сломлено. Только в силу полной невозможности дальнейшего сопротивления кабардинцы, потерявшие в военных событиях 1779 г. до 3 тыс. человек, причем исключительно князей и дворян, вынуждены были просить мира и принять унижительные условия, продиктованные противником. В начале декабря 1779 г. Якоби и Фабрициан победно доложили правительству, что «...Большая и Малая Кабарда... приведена к повиновению»²⁸.

Поражение кабардинцев в военных событиях 1779 г. и декабрьская присяга того же года ознаменовали совершенно новый этап во взаимоотношениях Кабарды с Россией. Из присяги вытекало, что кабардинцы принуждены были согласиться со всеми территориальными захватами в результате строительства

Кавказской линии, то есть с аннексией северной части Кабарды, признавая границей реку Малку. «Чертою границы кабардинской к России поставляется от большой Кабарды река Малка, а от Малой Кабарды – Терек. На левых берегах сих рек кабардинцы не должны ни земледелия производить, ни скота содержать», – писал по этому поводу П.Г. Бутков²⁹.

Согласно присяге отныне Кабарда утрачивала права не только вести самостоятельно внешнюю политику по отношению к таким государствам, как Россия, Турция и Крымское ханство, но и устанавливать какие-либо связи с народами Северного Кавказа. Большой Кабарде запрещалось иметь связи с закубанскими адыгами, а Малой Кабарде – с чеченцами. Местным чиновникам на Кавказе было предписано «... остерегаться более всего объединения горцев и возжигать между ними огонь внутреннего несогласия»³⁰.

Присяга в значительной степени ограничила прежнюю власть владельцев над своими крестьянами. Последние в любое время могли прибегать к защите России. «Черному народу позволяется отходить от владельцев и переселяться внутрь линии в случае, если будут утесняемы излишними поборами и другим образом или принуждаемы к противным России предприятиям и действиям», – сказано в присяге. В то же время крестьян отдельно обязали: «...Если владельцы их уйдут в другое место, за ними не следовать, не повиноваться, отрешившись от зависимости, предаться российской защите и повиновением»³¹. В дальнейшем это с еще большей активностью провоцировало бегство кабардинских крестьян на линию, чтобы избавиться от крепостной зависимости. Отсюда видно, что Россия покушалась на святая святых – социальные отношения в Кабарде, подрывая тем самым основы феодально-крепостнического строя. Это тогда, когда в самой России крепостные крестьяне были доведены до положения рабов. Царская власть преследовала далеко не гуманистические цели. Ее политика была направлена на дестабилизацию общественно-политической обстановки в Кабарде, чтобы ослабить возможность военного сопротивления. Той же цели служило предоставление кабардинским крестьянам возможности принятия христианства.

Отсюда видно, что указанные положения присяги стали мощным рычагом давления на кабардинских князей, направленным на разрушение единства кабардинского общества, делая его

беззащитным в случае вторжения русских войск. «Россия уже не считала нужным скрывать, что ее вмешательство во взаимоотношения кабардинских князей и дворян с крестьянами и народами Центрального Предкавказья преследует главную цель: «внести ссору и смуту между ними»³², – пишет В.Х. Кажаров.

Одно из последних положений присяги вводило ограничения со стороны кабардинцев в пределах Кавказской линии. Впредь они не имели права «въезда в линию» без специального разрешения. Даже наличие билетов на въезд не гарантировало им безопасного передвижения по прежним северным территориям Кабарды.

В.Х. Кажаров справедливо заметил: «Установив контроль за действиями кабардинских князей и дворян, расколов общество на враждующие социальные группы и политические партии, провоцируя внутренние конфликты, всемерно ограничив связи Кабарды с внешним миром, приведя в упадок ее экономику захватом самых плодородных земель и лучших пастбищ, России оставалось сделать всего лишь один шаг для того, чтобы ввести в Кабарде прямое российское управление, и тем самым установить над ней полный военно-административный контроль»³³. Для такого шага России потребовалось еще более 40 лет. Лишь только Ермолову удалось покорить Кабарду силой оружия и установить над ней полное господство России.

На этот раз дело не ограничилось принесением присяги со стороны кабардинцев, как это бывало прежде. Генерал Якоби заставил их уплатить в порядке контрибуции 10 тыс. рублей, выдать 2 тыс. лошадей, около 5 тыс. голов крупного рогатого скота и свыше 4,5 тыс. овец³⁴. Такая контрибуция мало чем отличалась от военного грабежа.

Все это было одним из многих трагических эпизодов многолетней (62 года) самоотверженной борьбы Кабарды за свою территориальную целостность и политический суверенитет. Подробности этих событий, которые завершились введением приставских форм имперской администрации в Большой и Малой Кабарде, содержатся в ряде российских источников (в докладах и донесениях царских генералов) и в устном народном творчестве адыгов, в частности в историко-героических песнях: «Песня большого ночного нападения» («Къэбэрдей жэщтеуэшхуэм и уэрэд») и «Царское завоевание»³⁵.

Наш рассказ о Семимесячной войне кабардинцев был бы не полным, если бы мы не назвали ее активных участников. В их числе влиятельные князья Кургоко Мисостов, Мисост Атажукин, Кургоко Карамурзов, Беслан Хамурзов, Хамурза Короткий, Исмаил Хамурзин; тлякотлеши (первостепенные дворяне): Салатгери, Карашай и Каншоко Кундетовы, Карамурза и Кази Тамбиевы.

В кабардинской песне «Ночное нападение» особо подчеркиваются имена героически погибших воинов: Хамурза и Исмаил Кайтукины (отец и сын), Хатокшоко и Мисост Атажукины, Ажджери Хамурзин (сын Исмаила Хамурзина), четверо братьев из рода Бжехуковых, Муса, Хасанш, Долтуко, Кази-малый, фамилии которых не упомянуты³⁶. В устном народном творчестве среди героев Семи месячной войны есть и такие фамилии, как Ахаминов, Эльчапаров и др.³⁷

Кабардинский вариант историко-героической песни **«Ночное нападение»** заканчивается следующими строками:

Тот, по ком страдание у могилы выражают случайные прохожие,
Кто всю жизнь большие сражения любил, – это наш Муса.
Кто град пуль на себя принимал, – это Хасанш.
У кого ружье стреляет, словно большая пушка, – это Долтуко.
Кого в пороховом дыму уже не видно, – это Казий-малый.

Они все заслужили не только бесконечной благодарности потомков за беззаветное служение своему Отечеству, но и достойны **Памятника**, чтобы о них вечно помнил кабардинский народ.

Примечания

1. Сокуров В.Х. Мазибл зауэ // Журнал «Іуащхьэмахуэ». 1995. № 6. С. 98–105.

2. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год. Изд. второе перераб. Нальчик: Эль-Фа, 2001. С. 174–180; Кажаров В.Х. Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик, 2005. С. 89–94; 149–151; Хакулова Л.М. К вопросу о русско-кабардинских отношениях в 70-х гг. XVIII в. // Материалы научно-практической конференции «Молодежь, наука и техника», посвященной 60-летию образования КБАССР. Нальчик, 1983. С. 52–61.

3. Налоев З.М. Из истории культуры адыгов. Нальчик, 1978. С. 104–110.

4. Цитирую по кн. *Кажаров В.Х.* «Избранные труды по истории и этнографии адыгов». Нальчик, 2014. С. 869.
5. *Налоев З.М.* Указ. соч. С. 104.
6. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней / Гл. ред. Кумыков Т.Х. М., 1967. Т. 2. С. 173; *Хакулова Л.М.* К вопросу о русско-кабардинских отношениях в 70-х гг. XVIII в. ... С. 59.
7. Адыгская (черкесская) энциклопедия / Под ред. Кумахова М.А. М., 2006. С. 209; *Сокуров В.Н.* Указ. соч. С. 100.
8. *Сокуров В.Н.* Там же.
9. *Бутков П.Г.* Указ. соч. С. 178.
10. *Хакулова Л.М.* Указ. соч. С. 60.
11. *Сокуров В.Н.* Указ. соч. С. 101.
12. Там же.
13. *Налоева Е.Дж.* К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды первой половины XVIII века // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1972. Вып. 6. С. 84.
14. *Сокуров В.Н.* Указ. соч. С. 101.
15. Там же.
16. Адыгская (черкесская) энциклопедия... С. 209.
17. *Сокуров В.Н.* Указ. соч. С. 102.
18. Там же.
19. *Хакулова Л.М.* Указ. соч. С. 60.
20. Там же.
21. *Кажаров В.Х.* Избранные труды по истории и этнографии адыгов. Нальчик, С. 724.
22. *Сокуров В.Х.* Указ. соч. С. 104.
23. *Бутков П.Г.* Указ. соч. С. 178.
24. *Сокуров В.Х.* Указ. соч. С. 104.
25. *Бутков П.Г.* Указ. соч. С. 178.
26. История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией / Отв. ред. Б.Х. Бгажноков. Нальчик, 2007. С. 148–149.
27. *Сокуров В.Н.* Указ. соч. С. 104.
28. *Хакулова Л.Х.* Указ. соч. С. 60.
29. *Бутков П.Г.* Указ. соч. С. 180.
30. *Хакулова Л.М.* Указ. соч. С. 61.
31. *Бутков П.Г.* Указ. соч. С. 181.
32. *Кажаров В.Х.* Избранные труды по истории этнографии адыгов. Нальчик, 2014. С. 726.
33. Там же. С. 726, 727.
34. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен... С. 173.
35. *Кажаров В.Х.* Адыгские песни времен Кавказской войны. Изд. второе, доп. Нальчик, 2014. С. 193–198, 154–155.

36. Там же.

37. *Налоев З.М.* Указ. соч. С. 104–110.

ZH.A. KALMYKOW

**TO THE HISTORY
OF THE SEVEN-MONTH WAR OF KABARDIANS 1779**

Article is devoted to a seven-months war in 1779, that is one of insufficiently studied tragic pages of the Caucasian War (1763–1864) . It briefly discusses the causes, course and consequences of military events in 1779 in the Central Caucasus, where Kabardians, together with their neighbors, defended their northern territory from annexation by Russia.

Keywords: Seven-month War, the Caucasian War, night attack, the North Caucasus, Central Caucasus, Senior Prince, annexation, destabilization, citizenship, unconditional dependence, Christianity.

М.Ю. Камбачокова
(г. Нальчик)

ТРАГЕДИЯ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ В СУДЬБЕ АБАЗИНСКОГО НАРОДА

В статье рассматриваются вопросы, связанные со знанием Кавказской войны в этнической истории абазин; дается краткая характеристика политики царского правительства на Кавказе и последствий военных действий для местного населения; приводятся некоторые сведения о численности переселившихся в XIX в. в Турцию этнических групп абазин, о количественном составе и местах обитания представителей этого этноса на современном этапе.

Ключевые слова: Кавказская война, абазины, адыги, махаджиры, переселение в Турцию.

Абазины (самоназвание – абаза) – коренной народ, населяющий Северо-Западный Кавказ, родственник абхазам и черкесам. Абазинский язык принадлежит к абхазо-адыгской группе языков. Он близок к абхазскому, но содержит и немало элементов, свойственных убыхскому, последний носитель которого умер в Турции в 1992 г., адыгейскому и кабардино-черкесскому языкам. В конце прошлого века абазины были внесены в так называемую «Красную книгу» – составленный эстонскими учеными список «народов Российской империи», находящихся в силу своей немногочисленности под угрозой исчезновения (по данным переписи 1998 г. – около 30 тыс. чел.).

Примечательно, что в XVIII в., по свидетельствам путешествовавших по Кавказу европейцев, абазинский народ был довольно многочисленным. Абазины занимались разведением скота и славились своими табунами породистых лошадей. Однако после опустошительных кавказских войн последующего столетия абазы так же, как и их более многочисленные собратья черкесы, были депортированы в Османскую империю.

Абазины на протяжении всей своей истории постоянно жили в напряжении. Бесконечные войны с иноземными захватчиками изнуряли их, вместе с тем формировали образ жизни, характер и психологию народа, для которого свободная жизнь являлась важнейшим достоинством человека. Они трудно переносили зависимость, ограничение свободы.

К началу XIX в. абазины, подобно другим горцам Северо-Западного Кавказа, оказались втянутыми в Кавказскую войну. При этом необходимо отметить, что среди абазин, как и среди остальных горцев Северо-Западного Кавказа, являющихся по вероисповеданию мусульманами, религиозные идеи мюридизма не нашли столь безоговорочной и фанатичной поддержки, как это было в Дагестане и Чечне. Вероятно, это объясняется тем, что ислам суннитского толка начал проникать к абазинам довольно поздно, примерно с начала XVII в.¹ Историки, рассматривая взаимоотношения горцев Северо-Западного Кавказа и агентов Шамиля, подчеркивают, что народы центральных районов Северного Кавказа, в частности, жившие на землях нынешней Карачаево-Черкесии, во время Кавказской войны часто выступали против проповедников и последователей мюридизма².

Кавказская война (1763–1864) определила новый, трагический этап истории абазин. Сопротивление, которое было оказано ими колонизаторам, царские генералы пытались сломить карательными экспедициями, разорением непокорных аулов, взятием заложников, переселением аулов на новые места жительства и другими мерами, направленными на окончательное усмирение региона.

Абазины в ту пору занимали обширные территории на северных и южных склонах Кавказского хребта, в Крыму, обитали по обоим берегам Кубани, а это являлось источником многих дипломатических споров между Турцией и Россией. По Белградскому миру между Россией и Турцией 1739 г. р. Кубань была объявлена границей Турции и в силу этого, абазины оказались пограничным народом с неясным формальным подданством. Турция так же, как и Россия, претендовала на Кавказ и успела объявить горцев своими подданными. Последнее не соответствовало фактическому положению дел, так как абазины не признавали этой зависимости.

По сообщению польского офицера Т. Лапинского, воевавшего на стороне абазин, Османское правительство и не могло

иметь законных притязаний на эту страну, так как она никогда не была в ее фактическом владении, а абазы в неисчислимых протестах оспаривали право Порты уступать их независимую страну русским³.

Напряженная и сложная военно-политическая обстановка на Северо-Западном Кавказе обнажала и обостряла внутренние социальные противоречия среди горцев, усиливала существовавшую феодальную раздробленность. Царизм умело использовал феодальную междоусобицу в своих интересах. Например, главнокомандующий на Кавказе барон Розен прямо указывал в письме военному министру графу Чернышеву в 1833 г.: «Я полагал бы полезнейшим для нас благоприятствовать существующим между горскими племенами несогласиям и, помогая слабым, обессиливать сильнейших»⁴.

В 1829 г. по Адрианопольскому трактату Россия получила Ахалцихский пашалык, крепости Поты и Анапу, весь закубанский край и побережье Черного моря. Воспользовавшись этим, царское правительство решило оккупировать эти земли и установить здесь свой режим. После ухода турок абазы некоторое время предавались надежде, что теперь их свобода не будет стеснена. Русские, которые заняли прежние турецкие места в Анапе и Суджукке, не хотели с самого начала вступать в открытую войну с абазами и не скупались на разного рода обещания, что они не посягнут на свободу абазин. Между тем русские воспользовались этим временем, чтобы основать крепости и наладить связь. Когда же абазы стали сопротивляться продвижению русских в страну и отправили депутацию с жалобой на нарушение их границ, то им, наконец, было объявлено, что их страна по мирному договору в Адрианополе султаном передана России и что теперь они подданные царя. Как замечает Т. Лапинский: «Абазы имеют двойное несчастье быть отрезанными в одинаковой мере как Россией, так и Турцией от всякой связи с цивилизованным миром. Они находятся, так сказать, между чумой и холерой, потому что с незапамятных времен турки были так же вредны и враждебны свободному развитию этой страны, как теперь русские»⁵. По заключенному в Адрианополе миру Оттоманская Порта уступила России никогда ей не принадлежавшие суверенные права. Уже ранее значительная полоса земли по Кубани и по Лабе таким же образом была передана

Портой России. На протест абазинского народа не обращали внимания; царь объявил Абасию русской провинцией, флот получил приказ блокировать берег, а войска – занять страну. С этого времени и начинается действительная война между Россией и абазями. Последние скоро почувствовали разницу между турками и русскими. Русские скоро увидели, что не так-то легко будет справиться с хитрыми и недоверчивыми абазями; и так как северная часть ни в какие переговоры вступать не хотела и начала открытую войну, то они довольствовались пока кажущейся покорностью юга.

Колониальная война царской России против коренного населения Северо-Западного Кавказа породила много трагедий. На обширных землях горских народов Северо-Западного Кавказа на месте прежних аулов вырастали десятки русских станиц. После водворения на землях выселившихся горцев казачьих станиц значительная и лучшая часть земель отошла казакам. Только в 1858–1865 гг. в Закубанье было основано уже около 40 станиц, которым было отдано более 1 млн десятин земли. Аульные наделы горцев при этом были сильно урезаны.

Начальник штаба Кавказской армии Д.А. Милютин откровенно писал, что генерал Евдокимов собирался «решительно вытеснить из гор туземное население и заставить его или переселиться на открытые равнины, позади казачьих станиц, или уходить в Турцию»⁶. Необходимость военных действий объяснялась тем, что «для водворения порядка среди новопокорившегося населения для облегчения за ним административного надзора признано было необходимым принять некоторые крутые меры вразрез вековым привычкам и нравам горцев, как, например, переселение на равнины большими селениями»⁷.

Переселение абазин из горных районов царские чиновники проводили принудительно: устанавливали жесткие сроки переселения, забирали заложников (аманаты), применяли угрозы, разоряли и сжигали места поселений. Осуществляя выселение горцев, царское правительство считало, что это один из лучших способов умирения края. В горах было труднее контролировать население. Более того, до 60-х гг. XIX в. многие «благонадежные» аулы переселяли для укрепления кордонных линий. Например, когда в 40-х гг. части лоовцев было разрешено переселиться с реки Гум (Кумы) на Кубань и одним из условий переселения,

поставленных администрацией, было принять на себя обязанность удерживать от вторжения в Российские пределы (речь идет о покоренной царскими властями части Северо-Западного Кавказа) неприятельские «партии».

Расселение адыгских и абазинских народов позади казачьих станиц без насильственных мер власти признали невозможным. Особенно это касалось «демократических» обществ, так как из-за отсутствия княжеского сословия российским властям не с кем было вести переговоры и договариваться о мире. На это указывал главнокомандующий на Кавказе Барятинский: «На западе... народы раздроблены на мелкие общины или семейные союзы, неуправляемые никакими властями, не имеющими между собою никакой связи гражданской. Племена эти издревле привыкли к необузданной свободе. Только силою оружия можно покорить этот народ»⁸.

Тем не менее абазины пытались определить возможности мирного сосуществования с российской властью, многие князья заявляли о своем подданстве России, переселялись со своими подвластными в российские пределы. Однако грубый напор царского правительства зачастую вновь превращал подданных во врагов, и военные действия возобновлялись. Завершающий этап Кавказской войны связан с ожесточенным сопротивлением, которое западные адыги и абазины пытались оказать наступающим царским войскам и казакам.

Пожалуй, самым трагичным в судьбе абазинского народа, как и многих других народов Северо-Западного Кавказа, было их массовое выселение в Турцию во время Кавказской войны. Но и оставшимся на родине пришлось пережить много невзгод. Действия царской армии щедро поощрялись, руководство получало за это высокие награды; в этих условиях о каком-то гуманизме, элементарной человеческой жалости не могло быть и речи. Так, например, при желании наказать жителей непокорных абазинских аулов одной из наиболее действенных мер царские чиновники считали уничтожение их посевов. Так, в 1828 г. были уничтожены посевы аулов Ногай Лоова и Атажуко Бибердова на Теберде. Царские войска уничтожали не только посевы, они убивали беззащитных людей, не жалея никого, даже беременных женщин и детей. Особенно в этих зверствах отличился русский генерал Ермолов.

Из записок генерала Ермолова: «... В течение лета войска наши за Кубанью имели повсюду весьма счастливые успехи. Командующий оными артиллерии полковник Коцарев преследовал укрывавшихся там беглых кабардинцев (современные черкесы). Абазины, принявшие их и с ними участвовавшие в разбоях, наиболее за то потерпели: селения их разорены, лошади и скот захвачены во множестве, в людях они имели урон необыкновенный. Страх распространен между соседними народами. Более, нежели в двадцать раз, отмищено злодеям за нападение на селение Круглолесское...»⁹.

Собственно, весной 1864 г. Кавказскую войну можно было считать оконченную; только горные абазинские племена Псху, Ахчипсоу, Аибга, Садзы-Джигеты, занимавшие ущелья по верховьям рек Мзымты и Бзыби, не хотели расставаться со своей свободой и оказывали сопротивление (впоследствии остатки этих племен переселились на Северо-Западный Кавказ и известны сегодня как абазины-ашкарау). Тогда жители Ахчипсоу еще не знали, что совсем скоро их аулу суждено будет стать местом празднования события огромной исторической важности – окончания Кавказской войны.

Эмиграционное движение абазин с окончанием военных действий приняло еще более катастрофические масштабы. Поголовно выселились садзы, в значительном количестве – шкарау, эмиграция затронула и тапанта. Большая часть абазин (до 60 тыс.) оказалась вне пределов родины. Выселение сократило этническую территорию абазин; ее конфигурация резко изменилась и вследствие проводившейся царским правительством в 1870-х гг. административного переселения абазин из высокогорных районов на плоскость и расселения мелких населенных пунктов в крупные аулы, во многих из которых абазины продолжают жить по сей день.

В своих завоевательных планах, проводя колониальную политику на Кавказе, царизм предполагал присоединить к России опустошенные земли народов Кавказа, очищенные огнем и штыком от местного населения. Планомерное заселение казаками завоеванных территорий было стратегической задачей России для окончательного утверждения своей власти среди покоренных народов и создания надежного плацдарма для дальнейшего продвижения на юг. Как писал Р.А. Фадеев, «это было тоже

историческое разрастание русского народа, в голове которого всегда были казаки, одарившие государство девятью десятыми его территории, от Оки до Черного моря, Сырдарьи и Амура, но только разрастание, направляемое и поддерживаемое правительством»¹⁰. Особенно эффективной оказалась казачья колонизация Северо-Западного Кавказа, так как большая часть местного населения покидала свои места.

Таким образом, царское командование не только не препятствовало, но и содействовало переселению горцев с Кавказа в Турцию. В 1862 г. генерал Евдокимов в своем докладе российскому императору указывал на целесообразность переселения горцев в Турцию, подчеркивая при этом, что «такая мера принесет великую пользу»¹¹, и предлагал содействовать в этом отношении выселению горцев не только мерами административными, но, так сказать, и поощрительными: выделением за счет казны необходимых средств на перевозку их в Турцию по морю.

«Кавказские деятели решились радикально изменить прежнюю систему борьбы с горцами, – пишет по этому поводу Я. Абрамов, – и поставили себе две цели: с одной стороны, ослабить численный состав горского населения, всячески содействуя переселению горцев из гор на плоскость, а места, занятые прежде горским населением, заселить казачьими станицами. Для достижения указанных целей всякий раз, когда какое-либо горское племя Западного Кавказа покорялось русскому оружию, перед ним категорически ставилась дилемма: или переселиться к Кубани и, безусловно, подчиниться русскому управлению, или выселиться в Турцию. К тому же их прямо подстрекали к переселению в Турцию: обещали казенную помощь, подпускали к ним турецких эмиссаров, приглашавших переселиться, принимали и другие меры»¹².

Активную роль в агитации за переселение в Турцию играли, с одной стороны, провокационная политика правительств Турции и Англии в отношении кавказских горцев, с другой стороны – мусульманское духовенство и горские предводители, князья, поддерживавшие призывы к переселению. По замечанию Г.А. Дзидзария, «ставя вопрос о выселении кавказцев в широком плане, царизм стремился избавиться от «непокорного» населения вообще, и таким образом, с одной стороны, ослабить физически и духовно народы Кавказа, а с другой – получить для

колониционных целей обширные земли»¹³. Были случаи, когда горцы сами изъявляли желание выселиться в Турцию, но это была вынужденная мера, до которой довела их многолетняя изнурительная война. Так, например, к графу Евдокимову в Сочи прибыли депутаты от убыхов, джигетов, ахчипсхувцев, которые объявили, что не хотят далее вести войну, а желают переселиться в Турцию, выбирая это как альтернативу переселению в заболоченные местности на Кубани с безоговорочным подчинением русскому управлению.

Определенное время горцам выдавались пропускные билеты для переселения. Известно немало случаев, когда даже «мирные» горцы восточных районов Закубанья – ногойцы, черкесы, абазины, – давно уже находившиеся под властью России и не проявлявшие склонности к переселению, насильно принуждались к этому царскими чиновниками. Многие из них твердо были убеждены, что их выгоняют¹⁴. К этому надо добавить, что особенно активную роль в агитации за переселение в Турцию играло мусульманское духовенство, широко использовавшее для этого и темноту народных масс, и жестокость царских колонизаторов, вызывавших законную ненависть у горцев.

Массовое переселение горцев в Турцию началось еще в 1858–1859 гг. – за несколько лет до окончания Кавказской войны, т.е. в тот период, когда ее исход уже явно был очевиден. Служители ислама, не без определенной выгоды для себя, усиленно распространяли слухи о грядущем выселении горцев в болотистые районы, установлении солдатчины и насильственной христианизации правоверных. Один из переселенцев, Инал Кануков, вернувшийся затем на историческую родину, впоследствии писал о тех трагических днях: «Еще больше встревожились горцы, когда между ними пронесся слух, что детей их будут брать в солдаты; это-то последнее обстоятельство послужило особенно ощутимым толчком, заставившим их разом оставить родину, за которую еще так недавно проливали кровь, и искать убежища и безопасности в Стамбуле»¹⁵.

Горские феодалы не остались в стороне: после отмены крепостного права, боясь с принятием подданства России лишиться своих подвластных, они стали уходить в Турцию, увлекая за собой огромное количество людей. По сведениям 1858–1864 гг., число переселившихся в Турцию составляло: бесленеевцев – 600 семейств (4000 душ), темиргоевцев, егерукаевцев, махосев-

цев до – 2000 семейств (15 000 душ), натухайцев, которые не изъявляли желания переселиться на плоскость в 1863 г. – 4057 душ, бжедугов до – 200 семейств (2517). В период с 1863 г. по 1864 г. абадзехи выселились из Тамани численностью до 27571 душ и натухайцы из Анапы – 16 452 и из Новороссийска – 28 576, общая численность натухайцев из двух портов до – 45 023 душ; в этот же период также выселились шапсуги из Новороссийска численностью 42 157, из Туапсе – 63 449 и из местечек Ту. Нечепсухо, Джубги и Пшада – 60 000 – всего до – 165 626 душ; убыхи выселялись из Мокупсе и Сочи числом до – 42 539, Сочи и Хосты – до 10 678, ушли прежде из Мокупсе и Сочи – 21350, общее число их достигало до – 74 567. Джигеты выселялись из Адлера и Сочи общим числом до – 11 873 душ; ахчипсхувцы из Цандрыпша до – 4000 душ; псхувцы из Гудаута до – 3642 душ¹⁶.

Ф.Ф. Торнау, знавший абазин не понаслышке и даже в одно время живший среди горных абазин, подводя итоги своим наблюдениям и подсчетам, отмечал, что в 1835–1837 гг. всего можно было полагать на Кавказе абазинского племени около 128 000 душ¹⁷. Уже после окончания Кавказской войны, по сведениям Е.Д. Фелицына, собранным им в декабре 1883 г., число всех абазин, проживавших в Кубанской области, составляло 3690 семей, или 24 461 человек¹⁸.

В результате колонизаторской политики царизма во второй половине XIX в. в пределах Северо-Западного Кавказа осталась небольшая часть абазинского народа, преимущественно тапантинских подразделений, и перестали существовать горные аулы абазин. В предгорных районах возникли новые укрупненные абазинские аулы, рассеянные в пределах Кубанской области чересполосно с поселениями других народов – русских, карачаевцев, ногайцев, адыгов.

Абазы всегда отличались своим мужеством, храбростью и отвагой. Именно в связи с этим, а также по некоторым другим причинам, царское правительство расселило абазин так, чтобы в случае надобности они не смогли быстро собраться: ведь от одного абазинского аула до другого всадник мог доехать лишь за несколько часов.

Во второй половине XIX в. происходили процессы ассимиляции той части абазинского народа, которая была расселена по несколько семей в различные инонациональные аулы, в основ-

ном, кабардинские, адыгейские и др. С приходом советской власти на Кавказе положение абазин практически не изменилось. И в настоящее время абазинские аулы, в отличие от других национальных аулов, находятся в разных районах КЧР, что сильно препятствует общему духовному и экономическому развитию абазинского народа. Абазины, живя на родной земле, не только не имеют своей республики, но и длительное время были лишены возможности создания абазинского района, который был образован лишь в конце 2005 г.

По данным переписи населения 2010 г., численность абазин на территории России составила 43 341 человек. В настоящее время занимаемая абазинами территория находится в предгорьях Большого Кавказского хребта. Ее границы проходят по верховьям рек Большой и Малый Зеленчук, Кубань и Кума. Абазины проживают в 13 селениях Карачаево-Черкесской Республики: Абаза-Хабль, Апсуа, Мало-Абазинское, Ново-Кувинское, Старо-Кувинское, Тапанта, Псыж, Кара-Паго, Эльбурган, Кубина, Инжич-Чукун, Койдан, Красно-Восточное. Кроме того, как и большинство адыгов, в настоящее время они проживают в ряде стран Ближнего Востока (Турции, Иордании, Сирии), а также в Европе (Германии, Голландии, Болгарии и т.д.).

Таким образом, военные действия и выселение части абазин в Турцию в начале второй половины XIX – повлекли за собой резкое сокращение численности этноса на Северо-Западном Кавказе. От некогда многочисленного и могучего народа, потомков великих ашуйцев и абазгов, осталось всего несколько тысяч человек.

Невольно вспоминаются слова Л.И. Лаврова, который вполне справедливо отмечал, что история абазинского этноса представляет собой «повесть о непрерывном уменьшении некогда большого и сильного кавказского народа»¹⁹.

Примечания

1. Лавров Л.И. Абазины: историко-этнографический очерк. Л., 1978.
2. Чекуменев С.А. Антиколониальная и антифеодальная борьба народов Карачая и Черкесии // Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1. С. 293.
3. Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 360.

4. *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // КС. Тифлис. 1900. № 21. Отд. 2. С. 53.
5. Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина – начало XX века: Сборник документов и материалов. Нальчик, 2000.
6. Там же. С. 29.
7. Там же. С. 27.
8. *Дебу И.* О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. СПб., 1829. С. 41.
9. Там же. С. 89.
10. *Фадеев Р.А.* Кавказская война. М., 2003. С. 141.
11. *Берже А.П.* Выселение горцев с Кавказа в 1858–1865 гг. // Русская старина. 1882. Т. 33. С. 346.
12. *Абрамов Я.* Кавказские горцы. Краснодар, 1927. С. 25.
13. *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975. С. 7.
14. *Бентковский И.В.* Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Ставрополь, 1883. Ч. 1. С. 131.
15. *Кануков Инал.* Горцы-переселенцы // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 84.
16. *Берже Ад.П.* Выселение горцев с Кавказа в 1858–1865 гг. // Русская старина. 1882. Т. 33. С. 279.
17. *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера 1835, 1836, 1837 и 1838 гг. М., 1864. Ч. 2. С. 172.
18. *Фелицын Е.Д.* Числовые данные о горском и прочем мусульманском поселении Кубанской области // ССК. Тифлис, 1885. Т. 9. С. 52–56.
19. *Лавров Л.И.* Указ. соч. С. 32.

M.U. KAMBACHOKOVA

THE TRAGEDY OF THE CAUCASIAN WAR IN THE FATE OF THE ABAZA PEOPLE

The article discusses issues related to the role of the Caucasian War in the ethnic history of Abaza, a brief description of the policy of the tsarist government in the Caucasus and the effects of hostilities for the local population, provides some information about the number who migrated in the XIXth century in Turkey ethnic groups Abaza, about the quantitative composition and the habitat of the representatives of this ethnic group at the present stage.

Keywords: the Caucasian War, Abazins, Circassians, the Muhajirs, resettlement in Turkey.

УДК – 94(479)"18":32:930

А.Н. Максимчик
(г. Минск)

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РОССИЙСКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена анализу работ исследователей, занимавшихся сбором, обработкой и анализом первичной и аналитической информации по истории российско-северокавказских взаимоотношений в период Кавказской войны. В тексте приведены и проанализированы многочисленные примеры отсутствия единства среди авторов по целому ряду вопросов, затрагивающих время присоединения Северного Кавказа к России, терминологию, используемую в их работах, концепции, в рамках которых они выстраивали свое повествование.

Ключевые слова: *Историография, Кавказская война, присоединение Северного Кавказа к России, российско-кавказские отношения, терминология.*

Присоединение Восточной Грузии к России в 1801 г. стало переломным моментом для дальнейшей истории Кавказского региона в целом. С этой датой связано начало активного распространения российского политического влияния, которое окончательно закрепилось с подавлением сопротивления горцев в 1864 г. В этот период российское руководство обращается не только к накопленному опыту в изучении региона для его последующего практического использования, но и создает военно-топографические и статистические описания, где неотъемлемым элементом были сведения по истории горцев. Так, в 1809 г. академик К.Ф. Герман «по повелению» Академии наук специально подготовил для представителей российской администрации на Кавказе извлечения из работы И.А. Гильденштедта, а в 1810 г. Ф. Шишкевич перевел и опубликовал работу путешественника барона де Сент-Круа по Кавказу¹.

В XIX в. российское кавказоведение определилось как область гуманитарных знаний². На фоне усиливающегося изуче-

ния Северного и Южного Кавказа в нем наметилась определенная дифференциация: ряд исследователей целенаправленно сконцентрировались не только на вопросах этнографии, лингвистики, географии и экономики региона, но и на его истории. Условно в изучении Северного Кавказа стали характерными три взаимосвязанных направления: *правительственное, академическое и общественное*. Господствующая роль принадлежала первому направлению, которое расставляло приоритеты в проблематике. В рамках этого направления значительное место отводилось работам *военно-стратегического характера*, ставивших целью детальное изучение особенностей местности с учетом анализа исторического опыта взаимоотношений России и народов Кавказа³. Проведение в первой половине XIX в. активной внешней политики на территории Кавказского региона объективно способствовало формированию в среде офицеров и местной кавказской администрации научно-исследовательской прослойки, которая в своих изысканиях опирались не только на свой личный опыт, но и привлекала архивные и иные источники.

Ярким примером правительственного направления в изучении Северного Кавказа является комплексное исследование С.М. Броневского⁴. С 1804 г. по поручению министра иностранных дел А. Чарторыйского и сенатора Д.П. Трощинского он занимался подготовкой труда по истории российско-кавказских отношений. К 1810 г. задание было выполнено, однако в виду финансовых трудностей в свет вышла только первая часть труда, в которой в основном содержался географический и этнографический материал о Кавказе⁵ Вторая часть – историческая – была опубликована только в 1996 г.

В первой части работы С.М. Броневский рассматривал историю Кавказского региона в широком контексте европейской и ближневосточной истории. В основу исторической периодизации Кавказа был положен принцип немецкого исследователя Г. Ромеля, который выделял *греческий, римский, византийский (греко-персидский), турко-персидский и российский периоды*. По мнению автора, российский период начинался только с правления Петра I, который заключал в себе «превозможение Российской власти в Кавказе над Персией и Портой Оттоманской»⁶. По логике периодизации, принятие пятигорскими черкесами в 1552 г. «добровольного» покровительства, по мнению С.М. Бро-

невского, были отнесены к турко-персидскому периоду, что показывало слабость позиции России в делах региона в XVI в.⁷

Применительно к истории российско-кавказских отношений С.М. Броневский первый разработал и предложил периодизацию, разделив ее на три эпохи наращивания «славы и могущества» Российской империи. На основе анализа архивных документов он сделал вывод о том, что «влияние Российской империи на народы, в Кавказе обитающие, три раза усиливалось и два раза ослабевало, по мере общих и частных политических соображений». Для первой эпохи – «от царя Ивана Васильевича до похода Петра Великого в Персию» (1554–1722) – главным итогом стало включение Северного Кавказа в орбиту внешнеполитических интересов России, а также строительство крепостей на р. Терек. Вторая эпоха – «от похода императора Петра Великого в Персию до заложения Моздока» (1722–1763) – характеризовалась началом ее интенсивного наступательного движения в глубь региона. Обилие приведенных документов в рамках этого этапа раскрывало сущность торговой и экономической политики империи по отношению к этим территориям. Третья эпоха – «от заложения Моздока до нынешних времен» (1763 – начало XIX в.) – повествовала о военных акциях России на Северном и Южном Кавказе. В представлении ключевых моментов российско-северокавказских отношений автор отталкивался от договоренностей международных актов, имевших прямое отношение к судьбе этих народов (Белградский, Кючук-Кайнарджийский мирные договоры и т.д.).

Отличительной особенностью изысканий С.М. Броневского были скрупулезные поисковые и археографические работы в архиве Коллегии иностранных дел, позволившие ввести в научный оборот значительное количество новых архивных документов, относившихся к принятию российского подданства народами Северного Кавказа (присяжные листы, шертные записи). В исторической части труда автором была помещена специальная таблица использованных документов с краткими выписками и пометками из них. В отличие от своих коллег, исследователь целенаправленно сконцентрировался на изучении истории российско-северокавказских отношений, чем снискал себе славу первооткрывателя в этой области российского кавказоведения.

Невзирая на то, что историческая часть работы С.М. Броневского длительное время была малодоступной широкому кругу

исследователей, она не оставалась не востребованной. Так, периодизация российско-кавказских отношений без ссылки на ее автора была использована представителем академического направления в изучении Северного Кавказа немецким языковедом-ориенталистом Г.-Ю. Клапротом⁸. Компилятивная методика подачи материала отразилась и на этнографических сведениях о народах Северного Кавказа. Несовместимым в тексте выглядело употребление выражения «черкесская независимость» с выводом о том, что «черкесы... народ российского происхождения и добровольно присоединился к России»⁹. Неточные сведения и кальки из других работ позволили военному историку Д.И. Романовскому высказать мысль о том, что исследования Г.-Ю. Клапрота «основаны на ложных началах и не вполне добросовестны»¹⁰.

Активность и наступательный характер политики России на Северном Кавказе в первой половине XIX в. (российско-турецкие и российско-персидские войны, проведение карательных экспедиций в глубь региона) привела к тому, что в изучении истории российско-кавказских отношений стал преобладать военный нарратив, а инициатива в изучении региона перешла к представителям армии¹¹. Отличительной особенностью работ офицеров была их сопричастность с военно-политическими событиями, происходившими в регионе. Участник боевых действий на Кавказской линии одновременно выступал и непосредственным свидетелем происходивших событий, и как исследователь, пытавшийся разобраться в «клубке» российско-кавказских противоречий, дать им оценку и сделать выводы. Эти обстоятельства позволяют рассматривать произведения мемуарного характера не только с позиции источникововедческого, но и историографического анализа.

В начале 1828 г. Николай I, осознавая дефицит достоверных данных о северокавказских горцах, приказал военному министру А.И. Чернышеву подготовить и составить о них свод материалов. С этой целью в 1832 г. генерал-лейтенанту И.Ф. Бларамбергу было поручено составить всестороннее описание северной части Кавказа. В основу работы были положены многочисленные штабные материалы, касавшиеся народов Северного Кавказа; личные наблюдения автора и данные, почерпнутые из русских и иностранных литературных источников¹². В 1834 г. двухтомный

труд был подготовлен к печати, однако, по личному распоряжению Николая I он не был опубликован и длительное время находился в архиве военно-топографического депо. Только в 1999 г. работа И.Ф. Бларамберга была переведена с французского языка и опубликована в г. Нальчике¹³.

В 1834 г. капитан генерального штаба И.И. Норденстамм составил первое сочинение, специально посвященное территории Чечни, в котором кроме исторических сведений о чеченцах и их отношениях с Россией были даны географический обзор страны, оценка состояния военных сил и путей сообщений, характеристика хозяйственной деятельности населения и т.д.¹⁴ В частности, автор обратил внимание на то, что в основе возмущений горцев против российских войск лежал не религиозный фанатизм, а «корыстолюбие, грубое невежество и привычка к праздности и хищничествам...»¹⁵. Он склонялся к выводу о том, что главным фактором обострения российско-горских отношений являлась их набеговая форма хозяйствования. Позднее эта версия получит широкое распространение за счет подпитывания ее тезисом о варварской природе горского общества.

В 1840-е гг. активность в изучении чеченского народа проявил капитан М.Я. Ольшевский, который прослужил на Кавказе 25 лет и смог создать сочинение мемуарно-исторического характера «Кавказ с 1841 по 1866 год», которое в 1890-е гг. публиковалось фрагментарно в журнале «Русская старина». Только в 2003 г. его работа была полностью опубликована¹⁶. За время пребывания на Кавказе М.Я. Ольшевский детально изучил структуру чеченского общества, дал общую характеристику управления, военного дела, организации набегов, взаимоотношений с русскими, описал историю их завоевания. Намечая точку отсчета времени присоединения чеченцев к империи, автор подчеркивал, что «до 1807 г. ни один русский отряд не переправлялся за Терек и не заглядывал в заветные чеченские леса»¹⁷. По его мнению, только основание в 1818 г. крепости Грозной и вырубка лесов вблизи Ханкальского ущелья «навели на них такой страх и уважение к силе нашего оружия, что в 1824 г. уже большая часть Чечни признавала над собой власть нашего правительства и не только в изъявлении своей покорности выдавала аманатов, но и исполняла многие повинности генерала Ермолова»¹⁸. Однако, писал автор с сожалением, такая ситуация сохранялась до

1839 г., когда чеченцы «восстали против нашего правительства и признали Шамиля своим имамом». В отличие от своих коллег, которые только описывали примеры несоблюдения условий принятия российского подданства, обвиняли горцев в легковесности и непостоянстве, он открыто поставил вопрос о причинах инвариантного поведения и восприятия подданства российскими войсками, с одной стороны, и местным населением – с другой. В частности, он писал: «чеченцы обвинялись нами в легковерии и непостоянстве за то, что они отрекались от своих обещаний и даже изменяли нам. Да были ли ясно истолкованы наши требования и были ли поняты ими как следовало? В свою очередь, не имели ли права чеченцы обвинять нас за то, что мы, русские, сами были нарушителями заключаемых с ними условий». И далее: «чеченцы укорялись нами в коварстве и вероломстве, доходивших до измены. Но имели ли мы право укорять целый народ за такие действия, о которых мы трактовали не со всем чеченским населением, а с десятком чеченцев, не бывших ни представителями, ни депутатами»¹⁹. Одной из главных заслуг М.Я. Ольшевского в изучении проблемы присоединения Северного Кавказа к России было создание дискуссионной среды вокруг комплекса вопросов, связанных с проблемой принятия российского подданства. После него сбором материалов для описания левого фланга Кавказской линии занимались офицеры Генерального штаба Давидов (1857–1859) и Барковский (1863), однако труды их не сохранились²⁰.

Благодаря обилию архивных материалов и накоплению практического и научно-исследовательского опыта в 1840-е гг. военные исследователи предприняли попытку подготовить капитальный труд по истории пошагового наступления России на Кавказ. Особенностью исследовательской рефлексии в изучаемый период являлось представление о неразрывной комплексной динамике происходившего процесса, где история присоединения Северного Кавказа к России не отрывалась от событий, происходивших в южной части региона. В период военных действий генерал-лейтенант А.И. Михайловский-Данилевский начал подготовку к сбору материалов по истории столкновений России с Персией и Турцией в регионе в первой трети XIX в., однако в связи со смертью не успел довести работу до логического конца²¹.

Реализация подобных идей была возложена на профессора Военной академии Д.А. Милютину, который еще во время

своего первого пребывания на Кавказе в 1839 г. вынашивал задачу подготовки обстоятельного труда по истории российско-кавказских конфликтов. В 1840–1841 гг. он подготовил доклад о необходимости написания истории войн России и Персии в 1804–1813 гг. и истории завоевания Кавказского края. В плане будущей работы Д.А. Милютин стремился доказать читателю, «что настоящая борьба наша на Кавказе есть не что иное, как продолжение борьбы христианства с исламом, варварства – с просвещением»²². Историк считал необходимым начать повествование с характеристики состояния Кавказского региона до прихода российских войск, описать поход Петра I на Кавказ, проследить установление политических связей местных народов с Россией в XVIII в. и затем проследить историю овладения всем Кавказом и его современное состояние. В период с 1849-го по 1865 г. Д.А. Милютин и его помощник капитан Д.Х. Бушен собрали значительный материал, на основании которого были сделаны первоначальные наброски²³. В процессе последующей работы Милютину пришлось отказаться от составления «Истории кавказской войны» и приступить к постепенному изданию собранных статей под заглавием «Материалы для истории Кавказа», или «Кавказский исторический сборник», которое было одобрено военным министром Н.О. Сухозанетом, но по неизвестным причинам в свет так и не вышло²⁴. Конечным результатом работы Д.А. Милютина стало «Описание военных действий в 1839 г. в Северном Дагестане»²⁵. Дальнейшая разработка предложенной темы была продолжена во второй половине XIX в. историком Н.Ф. Дубровиным²⁶.

Заметное место в изучении истории российско-черкесских отношений принадлежит военному этнографу барону К.Ф. Сталю. После окончания Военной академии он с 1844-го по 1859 г. проходил службу на Кавказской линии, совмещая ее с изучением истории и этнографии горцев. А в 1852 г. им был подготовлен «Этнографический очерк черкесского народа», который явился результатом трехлетних наблюдений (1846–1848). Полностью очерк был опубликован в 1900 г. в журнале «Кавказский сборник» благодаря усилиям известного кавказоведа Е.Г. Вайденбаума²⁷. Несмотря на чисто этнографический характер работы, автор значительное место уделит причинам непокорности горцев. Указывалось на то, что «горцы не понимают нашей иерархии,

нашей общей системы действий. Случалось часто, что горские старшины, увлеченные личным расположением к одному из наших частных начальников, заключали с ним мирный договор, но хищничали в пределах другого начальника. Не понимая связи наших начальств, они считали начальника, которому покорились, самостоятельным князем, чем-то вроде их горских князей, и полагали возможным хищничать в пределах другого русского князя»²⁸. Кроме этого, К.Ф. Сталь попытался определить причину кратковременности подданства горцев. Он высказывал версию о том, что горцы боялись покорности, поскольку считали, что вместе с ней «они все превратятся в военнопленных, каких они у себя имеют в горах; что завоеватель имеет над покорным народом право жизни и смерти, подобно тому, как горец – над своим военнопленным»²⁹.

Следуя за традицией написания истории двусторонних отношений С.М. Броневского, большинство авторов исследований, появившихся в 1810–1850-е гг., придерживались идеи обоснования легитимности присоединения горцев к империи на основании территориальных уступок в пользу России в рамках международных соглашений с Турцией и Персией (Гюлистанский 1813 г. и Адрианопольский 1829 г. мирные договоры)³⁰. Ярким примером такой традиции может служить черновой вариант «Воззвания к народам Кавказских гор», подготовленный в конце 1820-х гг. главнокомандующим отдельным Кавказским корпусом И.Ф. Паскевичем. После подписания Адрианопольского мира в сентябре 1829 г. между Россией и Турцией он, обращаясь к воинственным горцам, подчеркивал, что «Порта сама отказалась от вас на вечные времена; следовательно, единое прибежище для вас есть Россия»³¹. Из приведенной формулировки видно, что последующие военные действия в горах (1830–1850-е гг.), направленные против ее жителей, воспринимались как трансформировавшийся конфликт *внутри* государства и трактовались как подавление восстания или бунта.

Опираясь на этот вывод, российские военные историки разрабатывали и соответствующую терминологию, смысловая нагрузка которой наглядно демонстрировала глубину российского присутствия в регионе, и методы приведения к покорности «новоприобретенных» подданных российскому командованию. Так, по логике генерал-лейтенанта И.Ф. Бларамберга, в термин «усмире-

ние» вкладывался следующий смысл: «Это силовая акция со стороны Российской империи по отношению к своим подданным, территория проживания которых входит в состав империи»³². Именно поэтому в 1820–1860-е гг. повсеместно в исторической литературе начинают преобладать схожие выражения, применяемые к населению Северного Кавказа: «*приведение к покорности*», «*усмирение*», «*подчинение*». Употребление в тексте исследований выражения «*утверждение русского владычества*» было вызвано четким осознанием того, что территория Северного Кавказа не была охвачена контролирующими инстанциями российских властей и, по мысли большинства историков, эту власть еще предстояло *утвердить*. Император Николай I в памятной записке на имя командира отдельного Кавказского корпуса А.И. Нейдгардта писал: «Не хочу никаких завоеваний и мысль об оных считаю преступною. Хочу упрочения нашего владычества краем, где признаю его покуда крайне шатким и неверным»³³.

Проблемность российского присутствия на Северном Кавказе подтолкнула российских военных и местную администрацию к разработке адекватной классификации народов региона, где ключевым элементом выступала степень их покорности. В июне 1833 г. была подготовлен специальный документ, который был озаглавлен: «Ведомость о численности народонаселения Кавказа и степени их покорности царскому правительству»³⁴. В последней колонке таблицы фигурировали следующие определения: «*совершенно непокорны*», «*довольно покорны*», «*считаются покорными*», «*мало покорные*». Свою версию классификации горцев предложил известный декабрист П.И. Пестель в конституционном проекте «Русская правда» (1823). Касаясь кавказской проблемы, он высказывал идею о том, что необходимо «...разделить все сии Кавказские народы на два разряда: *мирные* и *буйные*. Первых оставить в их жилищах и дать им российское правление и устройство, а вторых силой переселить во внутренность России, раздробив их малыми количествами по всем русским волостям...»³⁵. Схожая классификация горских народов была представлена в работах И.Ф. Бларамберга и Н.В. Данилевского³⁶.

Необходимо подчеркнуть, что выражения, раскрывающие степень покорности, не были устойчивыми. Они требовали постоянного уточнения ввиду колебаний военно-стратегической ситуации в регионе. Так, в рапорте генерал-лейтенанта А.А. Ве-

льяминова от 5 ноября 1831 г. подчеркивалось, что считать ряд северокавказских народов покоренными, т.е. мирными, рано, поскольку «некоторые из них были проводимы к присяге на верноподданничество, но ныне все отложились и действуют противу наших войск»³⁷. Об этом, в частности, писал также Д.А. Милютин, который склонялся к мнению, что название *мирных* не мешало «чеченским джигитам (удальцам) по временам предпринимать набеги на линию или на покоренные нам части края»³⁸. В документах также фигурировало понятие «*мнимо покоренные*»³⁹. Такого рода высказывания характерны для всей историографии XIX – начала XX в. Об этом не только писали в открытой форме, но и лишний раз подчеркивали в своих работах и академический персонал, участвовавший в научных экспедициях, и военные историки, и участники Кавказской войны⁴⁰.

В период открытых военных действий на Кавказе окончательно оформляется идея о цивилизаторской миссии России по отношению к народам Кавказа. В сознании и мировоззрении российского общества, причислявшего себя к носителям общеевропейских ценностей, утверждалось европоцентристское понимание исторического процесса, согласно которому Россия, как органичная часть европейского континента, должна продвигать это культурное начало на Восток «непросвещенным народам». В работах ученых, занимавшихся анализом уровня развития горского общества, часто использовалась классификация американского антрополога Льюиса Моргана. В своих оценках и взглядах они подчеркивали дикость, необузданность и отсталость северокавказских горцев⁴¹. Например, писатель-беллетрист П.А. Зубов с сожалением писал: «Если бы нашлись люди – благодетели человечества, которые, приняв на себя труд изучиться горским наречиям и презирая опасность, для небесной награды, проникли бы в ущелья сих жалких получеловеков, и умели бы, озарив светом христианства, блестящими красками представить им весь ужас их настоящего положения, и те бесчисленные выгоды гражданственности, которые ожидают их, когда они добровольно покоряются могущественной России, <...> – и я вполне уверен, что в след за тем ударит час спокойствия на Кавказе...»⁴².

Значительное место в описании истории двусторонних отношений и причин движения России в глубь Кавказа отводилось

религиозной составляющей. Исследователи прибегали к целенаправленной подаче материала, идея которой была устремлена на обоснование мессианского долга Российской империи не только по отношению к народам Южного, но и Северного Кавказа. Заметную роль в закреплении идеи реставрации христианского «креста» на Кавказе, а также его противопоставление мусульманскому «полумесяцу» принадлежала Н.М. Карамзину, который с надеждой полагал, что «вера Спасителя, насажденная между Черным и Каспийским морем в самые древние времена империи Византийской, еще не совсем угасла в сих странах; оставались ее темные предания и некоторые обряды: известность и могущество России оживили там память христианства и любовь к оному»⁴³. В середине 1830-х гг. в статье офицера А.Ф. Десимона «Исторические сведения о бывших вольных общинах Кубинской провинции, составляющих ныне Самурский округ» также преобладали религиозные акценты. «Ожидать совершенного сближения их с нами, – писал автор, – можно разве только тогда, когда на горах и равнинах водрузится крест, и когда вместо мечетей воздвигнутся храмы Христу Спасителю, а до того времени одна только сила оружия есть верный оплот владычества нашего на Кавказе и за Кавказом»⁴⁴. Активным сторонником неизбежности российского присутствия на Кавказе был писатель В.А. Соллогуб. Полемизируя в своей статье с западными оппонентами о роли и месте Кавказа в «восточном вопросе», он подчеркивал, что «наше владычество на Кавказе не есть завоевание, но крест, который носит Россия, подобно тому, как носит его Хевсур, никогда не снимавший со своей груди этого символа войн, пылавших в старину не ради хлеба и одежды, а ради священных верований...»⁴⁵. «Восточный вопрос», трактовался автором, как борьба с исламизмом, и поэтому Кавказская война воспринималась «как война, поддерживаемая Россией для защиты оскорбленного Креста»⁴⁶.

Следует признать, что в целом работы представителей общественного направления в изучении Кавказа (В.А. Соллогуб, Н.В. Данилевский, П.И. Пестель) являлись индикатором отношений различных общественных кругов к российско-кавказским отношениям в период вооруженного конфликта.

Начиная с первых шагов установления административной власти на Кавказе, в работах чиновников царской администра-

ции, занимавшихся изучением быта, нравов и образа жизни горцев, деятелей науки, путешественников, офицеров активно обсуждалась проблема создания универсальных проектов покорения горцев, поскольку многолетний опыт показал, что строительство оборонительных линий и проведение карательных экспедиций оказались малодейственными. В преобладающей своей массе проекты покорения северокавказских горцев были ориентированы на силовое решение проблемы. В начале XIX в. Ю. Клапрот писал, что «в отношении горцев проводится неправильная политика, а именно – политика милосердия и гуманности, с коими русское правительство, конечно, не будет способно достичь своей цели, ибо это считается горцами проявлением слабости и страха»⁴⁷. Он предлагал руководствоваться идеей минимизации применения физической силы в отношении горцев, а также одаривания местных князей с целью их привлечения на российскую сторону. Генералы И.Ф. Бларамберг и М.Ф. Кудашев, наоборот, были убеждены, что горцами можно управлять только силой⁴⁸. В 1842 г. князь М.Ф. Кудашев писал, что «миролюбивыми средствами достигнуть к покорению этих горцев нет надежды после стольких опытов, да и в истории нет примера, чтобы какой-то горский народ поддался добровольно»⁴⁹. В среде военных существовала и противоположная (мирная) точка зрения, отстаивавшая необходимость проведения комплекса экономических и культурных мер среди горцев. Альтернативу силовому сценарию они видели в налаживании торговли с горцами⁵⁰.

На страницах сочинений военных историков очень хорошо прослеживается комплекс проблем, с которыми приходилось сталкиваться местной российской администрации. Головной болью чиновников было обеспечение спокойствия на вверенной им территории, которое достигалось главным образом путем денежного подкупа горских владетелей. Это можно продемонстрировать на примерах. И.Ф. Бларамберг, перечисляя ряд дагестанских владетельных князей (шамхал Тарки, уцмий Каракайтага, кадий Акуши и Табасарана и др.), подчеркивал, что «почти все эти правители находятся в материальной зависимости от России, так что им остается лишь название государя без власти. Аварский и казикумухский ханы считаются союзниками России, тем не менее они покорны только из-за выплачиваемого им правительством России содержания»⁵¹. В некоторых случаях

ситуация с денежным подкупом осложнялась специфическим социально-политическим устройством горских обществ. На это косвенно намекал подполковник К.И. Бюрно. Относительно Терской области он писал, что «у здешних горцев нет привилегированных классов, то нам придется действовать без посредников, непосредственно на всю массу населения»⁵². Замкнувшись над решением этой задачи, российское командование не обращало внимания на другие, залегавшие гораздо глубже, причины невозможности выполнения условий российского подданства. В этом отношении интересен рапорт генерал-майора А.О. Дебу на имя начальника Черноморской береговой линии вице-адмирала Л.М. Серебрякова от 26 ноября 1851 г. В нем указано: «Сего числа были у меня депутаты из общего собрания натухайцев, объявившие, что народ согласен принять и выполнить в ненарушимости только два первых требования Вашего Превосходительства, именно: присягнуть на верноподданство Государю императору и дать аманатов. Относительно же водворения деревнями отказались, <...> ибо при этой мере многие должны будут бросать и уступать усадьбы и поземельные участки, приобретенные по праву наследия и по другим между собой сделками, через что неизбежно возникнут вековые раздоры и междоусобия, могущие повлечь за собой кровомщение»⁵³.

Вслед за появлявшимися работами военных историков информация об истории продвижения Российской империи на Кавказ стала поступать на страницы энциклопедических изданий, которые как губка «впитывали» результаты их работы. Так, довольно подробные сведения были помещены в «Справочном энциклопедическом словаре» А. Старчевского и Л. Крайя (1847) в статьях «Кавказская линия» и «Кавказский край»⁵⁴. Говоря о функциональной принадлежности Кавказской линии, автор статьи отмечал, что она «имеет назначение препятствовать всяким покушениям горцев делать набеги на плоскость Кавказской области и уничтожать свободное сообщение края в горах»⁵⁵. Об этой линии писали скорее как о системе вынужденных оборонительных укреплений, а не как о механизме планомерного движения России в глубь региона. В отличие от этого тезиса, военный инженер А.Ф. Сорокин, кроме ее защитной функции «от грабежей и разбоев племен горцев», признавал наступательный характер линии в деле завоевания Кавказа⁵⁶. В статье «Кавказский

край» словаря А. Старчевского и Л. Крайя сведения из истории российско-кабардинских отношений XVI в. не только описывались, но и подвергались аналитическому осмыслению. Так, причина вступления пятигорских черкесов в 1552 г. под покровительство Ивана IV объяснялась их слабостью и невозможностью устоять перед «предприимчивыми и воинственными отдельными племенами, занимающими верховья ущелий». В условиях нестабильной ситуации в регионе события XVI–XVII вв. трактовались, как череда принесений присяги России, и в сущности они не могли свидетельствовать о полноценном включении этих территорий в ее состав. Данная статья позволяет также проследить процесс присоединения кавказских территорий, а также причины, побудившие Россию приступить к «завоеванию» горцев. Кардинально изменило стратегию России на Северном Кавказе (от оборонительных мер к наступательным действиям), как отмечено в словаре, присоединение Восточной Грузии к России (это событие почему-то датировано 1802 г.). В качестве причины изменения стратегии России в регионе, а также необходимости присоединения горцев к империи здесь названо то, что «прочное утверждение русского владычества в Грузии, и самое ограждение этого края от вторжения горцев, с одной стороны, персиян и турков – с другой, требовали неизбежного, надежного и по возможности безопасного сообщения, сухим путем, между Кавказской линией и Закавказским краем»⁵⁷.

Активность действий России в горах Кавказа и их результативность в 1840-е гг. (т.е. на момент написания статьи) позволили автору сделать вывод о том, что «в настоящее время можно вполне рассматривать весь Кавказский край как часть Российской империи, совершенно слитую с остальной массой ее территории. Беспокойные племена состоят теперь внутри государства, окруженные со всех сторон частями края, занятыми русскими войсками и крепостями»⁵⁸. Этот вывод не соответствовал «Атласу Российской империи» 1835 г., который дал четкое представление о границах империи и подвластных ей территориях. На карте «Кавказская губерния» можно увидеть, что она совпадает с Кавказской линией. На ней отмечены «владения горских народов» и «Дагестан», которые не входят в состав России⁵⁹.

В 1854 г. впервые в «Военном энциклопедическом лексиконе» была помещена объемная статья А.П. Карбанова (более

50 страниц) под названием «Кавказские войны»⁶⁰. В этот термин автор вкладывал многовековую историю российско-кавказского противостояния, начиная с похода Святослава Игоревича к ясам (осетинам) и косогам (черкесам) в 968 г. до захвата аула Гергебиль в 1848 г. отрядом под командованием князя М.З. Аргутинского-Долгорукова. Отличительной особенностью статьи было отведение ее значительной части (четверть текста) описанию деятельности генерала А.П. Ермолова на Кавказе, поскольку с его правлением связывалось усмирение северокавказских горцев и «водворение спокойствия в наших Кавказских владениях»⁶¹. В целом показ Кавказской войны в статье Карбанова был пропитан духом времени ее написания. Насилие, применяемое для усмирения горцев, по мнению автора, было оправдано и не вызывало сомнения в его применении. Определенным новшеством, используемым авторским коллективом «Военного лексикона», стало помещение в конце статьи краткой библиографии по теме, что говорило о постепенном складывании в исторической науке источниковой и историографической базы в раскрытии понятия «Кавказские войны» с целью последующего углубленного изучения. В списке были приведены работы И.Л. Дебу, П.П. Зубова, Д.А. Милютина, а также реляции и приказы, помещенные в периодической печати.

Заложив прочную фактографическую основу в изучении проблемы присоединения Северного Кавказа к России, историки характеризуемого периода обращались к поиску начальных дат российско-горского противостояния. Несмотря на то, что большинство исследователей склонялось к 1801 г. – дате присоединения Восточной Грузии к России, существовали и другие мнения. Редактор газеты «Кавказ» О.И. Константинов считал, что началом силового этапа присоединения региона являлось основание в 1763 г. крепости Моздок⁶². В книге «Жизнь Шамиля, имама Чечни и Дагестана» начало военных действий на Кавказе рассматривается с проповедей Шейха Мансура (1780-е гг.), когда «кавказцы стали питать фанатическую ненависть к русским. Чеченцы, находившиеся прежде в дружественных сношениях с казаками, начали производить непрерывные набеги на их земли; примеру чеченцев последовали и другие горские народы; даже кабардинцы, бывшие до сих пор верными России, предались разбойничьему промыслу»⁶³. Известный ориенталист Ад.П. Бер-

же называл дату 1829 г. – заключение Адрианопольского мира, «когда мы потребовали от черкес покорности и повиновения, они вздумали отстаивать свою свободу», что привело к началу «кровопролитной войны с закубанцами»⁶⁴.

Сведения по истории российско-кавказских отношений помещались в периодических изданиях (газетах и журналах), которые являлись основным каналом получения российской общественностью информации о событиях на Северном Кавказе. С 1801 г. сообщения о Кавказе в российских газетах приобретают регулярный характер⁶⁵. В конце 1850-х гг. число местных газет и журналов на Кавказе достигло 30 наименований, в которых публиковались материалы по истории и культуре горцев⁶⁶.

С 1845 г. в Тифлисе ежегодно стал выходить «Кавказский календарь». На его страницах помещались работы по истории кавказского края. С января 1846 г. началось издание в Тифлисе политической и литературной газеты «Кавказ». Своей целью она ставила знакомство читателей «с любопытнейшим краем, еще находящимся почти в младенческом состоянии и малоизвестным». На ее страницах также помещались статьи и заметки об истории российско-кавказских отношений⁶⁷. Так, первоначально известный труд кабардинского историка и филолога Ш.Б. Ногмова «История адыгейского народа» был опубликован в отдельных отрывках под названием «О Кабарде» в газетах «Закавказский вестник» (1847) и «Кавказ» (1849), а в 1861 г. Ад.П. Берже опубликовал его полностью⁶⁸. Как исследователь, мировоззрение которого сформировалось под влиянием российской науки и культуры, Ш.Б. Ногмов рассматривал историю российско-адыгских политических отношений XVI–XVIII вв. с пророссийских позиций. Принятие российского подданства черкесами в 1557 г. он называл союзом, поскольку видел в нем основы закладывавшегося единства русского и адыгского народов против их внешних врагов⁶⁹.

С публикаций историко-этнографических статей в газете «Кавказ» начал свою научную деятельность другой известный адыгский историк Султан Хан-Гирей. В 1836 г. он «по высочайшему повелению» выполнял особое поручение в качестве посланника от царя к горцам с целью убедить их «принести изъявление покорности» России⁷⁰. Тогда же по заданию Военного министерства он составил сочинение «Записки о Черкесии» (ра-

бота была опубликована в 1978 г.)⁷¹. Оба историка выступали за единение с Россией, видя в ней будущие перспективы развития своих народов. Их научная деятельность заложила основы местного национального кавказоведения.

Периодические издания стали также появляться и при создаваемых филиалах научных учреждений. Еще в 1850 г. в Тифлисе был основан Кавказский отдел Императорского Русского географического общества. В 1852 г. он стал издавать свои «Записки». В издании помещались материалы не только по географии, топографии и статистике, но также и по истории⁷². В 1865 г. на страницах «Географическо-статистического словаря» в статье «Кавказ» авторы подготовили исторический экскурс присоединения горцев к России. Война географически локализовалась с территорией проживания северокавказских горцев, что представляло собой новую точку зрения в намечавшемся процессе ее выделения из массы конфликтов, происходивших на Кавказе в разное время⁷³.

В условиях, когда почти вся первая половина XIX в. прошла под знаком открытых военных действий в горах Кавказа, осмысление проблемы присоединения Северного Кавказа к России значительно обогатилось. Интенсивность, характер и направление исследований в этот период определялись как внутренней логикой развития самой исторической науки, так и внешними условиями ее существования. В работах историков делалось мало теоретических обобщений, ввиду размытости и нечеткости рамок предмета исследования ученым не удавалось создать целостную картину процесса присоединения, выявить его закономерности, основные этапы и особенности. В то же время они усиленно пытались фиксировать динамику этапов российско-кавказских отношений. В 1810–1850-е гг. работы, как правило, представляли собой результат непосредственных авторских наблюдений, имевших научно-исследовательский характер ввиду изучения и использования архивных и печатных материалов. Характерной особенностью изложения был показ истории российского наступления на Кавказ в контексте решения империей ее внешнеполитических задач.

Таким образом, в первой половине XIX в. процесс складывания историографической традиции продолжался, что нашло свое выражение в деятельности академических экспедиций, научно-исследовательской работе военных офицеров и историков-

любителей. Это позволило прочно включить историю Северного Кавказа в круг научных интересов и расширить проблематику российской исторической науки в целом.

Примечания

1. Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из Путешествия г-на академика И.А. Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб.: Имп. Акад. наук, 1809; Шишкевич Ф. Историографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским, содержащие новейшие подробные описания живущих в оных народов, и достопамятности древнего и нынешнего тех земель местоописания. СПб.: Тип. Шнора, 1810.
2. Орбели Р.Р. Кавказоведение // Азиатский музей – Ленинград. отд. Ин-та востоковедения Акад. наук СССР. М.: Наука, 1972. С. 469.
3. Глиноецкий Н.П. История Русского генерального штаба. В 2 т. СПб.: Тип. Штаба войск Гвардии и Петерб. воен. окр., 1894. Т. 2. С. 202–205.
4. Броневский С.М. Новейшие известия о Кавказе / Подгот. текста к изд., предисл., примеч., слов. малоупотреб. слов, указ. И.К. Павловой. СПб.: Петерб. востоковедение, 2004.
5. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. В 2 ч. М.: Тип. С. Селивановского, 1823.
6. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия... Ч. 1. С. 21.
7. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия... Ч. 1. С. 19.
8. Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах по приказанию русского правительства / Пер. с англ. К.А. Мальбахов. Нальчик: Эль-Фа, 2008.
9. Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии... С. 39.
10. Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война: Публич. лекции, чит. в зале Пассажа в 1860 г. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1860. С. 27.
11. А.П.К. Кавказские войны // Военный энциклопедический лексикон. В 14 т. СПб., 1854. Т. 6. С. 601–653; Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / Пер. с фр., предисл., коммент. И.М. Назаровой. Нальчик: Эль-фа, 1999; Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель; в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. В 4 ч. СПб.: Тип. К. Вингебера, 1834–1835; Материалы по истории Дагестана и Чечни.

Махачкала: Даггиз, 1940. Т. 3. Ч. 1. С. 298–329; Милютин Д.А. Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. СПб.: Тип. воен.-учеб. заведений, 1850; Неверовский А.А. Краткий исторический взгляд на северный и средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1847; Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: [Сборник] в 2 т. / Сост. Х.М. Думанов. Нальчик: Эль-Фа, 2001; Сорокин А.Ф. Руководство к расположению и построению временных укреплений на Кавказе. СПб.: Тип. К. Крайя, 1844.

12. Глиноецкий Н.П. История Русского генерального штаба. В 2 т. СПб.: Тип. Штаба войск Гвардии и Петерб. воен. окр., 1894. Т. 2. С. 203; Мусукаев А.И. Выдающийся ученый-кавказовед Иван Федорович Благрамберг // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 2. С. 29; Соснина Е.Л. Генерал – исследователь Кавказа. К 210-летию со дня рождения И.Ф. Благрамберга // ВИЖ. 2010. № 12. С. 66.

13. Благрамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа... 1999.

14. Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала: Даггиз, 1940. Т. 3. Ч. 1. С. 298–329.

15. Материалы по истории Дагестана... С. 315.

16. Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год / Вступ. ст. и коммент. А.Н. Лукирского. Журн. «Звезда», 2003.

17. Материал, составленный капитаном Ольшевским «Общий взгляд на Чечню в военно-географическом и статистическом отношении» // ЦИА Грузии. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 290. Л. 9 об.

18. Материал, составленный капитаном Ольшевским... Л. 10-10 об.

19. Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год... С. 65.

20. Казбек Г.Н. Военно-статистическое описание Терской обл. В 2 ч. Тифлис: Тип. А.А. Михельсона, 1888. Ч. 1. С. III.

21. Михайловский-Данилевский А.И. Описание турецкой войны в царствование императора Александра с 1806 до 1812 года. В 2 ч. СПб.: Тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1843.

22. Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. С. 140.

23. Парова Л.М. Создание и деятельность Военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа // ВИЖ. 1988. № 5. С. 87.

24. Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России... С. 140–141; Осипова М. Обзор военно-научных трудов Д.А. Милютина // ВИЖ. 1972. № 9. С. 105.

25. Милютин Д.А. Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. СПб.: Тип. воен.-учеб. заведений, 1850.

26. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. В 6 т. СПб.: Тип. Деп. уделов, 1871–1888.

27. Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // КС. 1900. Т. XXI. С. 53–173.

28. Там же. С. 101–102.

29. Там же. С. 105.

30. *Берже Ад.* Краткий обзор горских племен на Кавказе // КК на 1858 год. Тифлис, 1857. С. 281; *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа... С. 75; *Константинов О.* Путеводитель по Черномории, Кавказскому и Закавказскому краю, от Тамани до Тифлиса и потом до Кутаиса, Эривани, Шемахи, Дербента // КК на 1851 год. Тифлис, 1850. С. 46.

31. Воззвание к народам Кавказских гор о мире и верноподданстве в целях сохранения спокойствия и благоденствия страны // РГИА. Ф. 1018. Оп. 3. Д. 223. Л. 3.

32. *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа... С. 118–119.

33. *Николай I.* Памятная записка А.И. Нейдгарту / [Публ. и примеч. М.В. Сидоровой] // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. 2003. Т. XII. С. 376.

34. Документальная история образования многонационального государства Российского. В 4 кн. М.: НОРМА: MERISSA, 1998. Кн. 1: Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX веках / [Сост. Г.В. Осипов и др.]. 1998. С. 490–497.

35. Восстание декабристов: Материалы [по истории восстания декабристов]. В 8 т. / Под общ. ред. и с предисл. М.Н. Покровского. М.; Л.: Гос. изд., 1925–1958. Т. 7. С. 167.

36. *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа... С. 270–271, 354; *Данилевский Н.* Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении: С объясн. истории, религии, яз., облика, одежды, строений, воспитания, правления, законов, коренных обычаев, нравов, образа жизни, пищи, образования и торговли, хищ. горцев Кавказа. М.: Унив. тип., 1846. С. 8, 11–13.

37. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX века: Сборник документов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. С. 100.

38. *Милютин Д.А.* Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. СПб.: Тип. воен. учеб. заведений, 1850. С. 8.

39. Представление кн. Цицианова гр. Воронцову от 8 января 1803 г. // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. (кн. 1–15) / Под ред. Ад. Берже. Тифлис: Тип. Главного упр. наместника Кавказского, 1866–1904. Т. 2. С. 757; *Федоров М.Ф.* Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год // КС. 1879. Т. III. С. 216.

40. *Берже Ад.П.* Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859. С. 104; *Данилевский Н.* Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении... С. 8, 13; *Зубов П.* Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель; в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. В 4 ч. СПб.: Тип.

К. Вингебера, 1834–1835. Ч. 3. С. 89, 170; Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность: начало XIX – начало XX вв.: [Сб. / Сост.: Я.А. Гордин и др.; подгот. текстов и коммент. Б.П. Миловидова]. СПб.: Журн. «Звезда», 2005. С. 154–155; *Клапрот* Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах по приказанию русского правительства / Пер. с англ. К.А. Мальбахов. Нальчик: Эль-Фа, 2008. С. 212; *Костенецкий Я.И.* Записки об Аварской экспедиции на Кавказе 1837 года. В 3 ч. СПб.: Тип. Э. Праца, 1851. С. 6; М. Горские народы, состоящие в ведении Черноморской Кордонной линии, которые принесли покорность России до 1838 г. // Кавказ. 1858. 7 дек. С. 2; Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала: Даггиз, 1940. Т. 3. Ч. 1. С. 380, 383; *Н.Ш.* Генерал Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны // КС. 1883. Т. VII. С. 52; Отношение гр. Гудовича к кн. Куракину от 30 января 1809 г. // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. (кн. 1–15) / Под ред. Ад. Берже. Тифлис: Тип. Главного упр. наместника Кавказского, 1866–1904. Т. 4. С. 4; Отрывки из статьи неизвестного автора о покорении Осетии // ЦГИА Грузии. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 1198. Л. 1; Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. В 2 т. / Сост. Х.М. Думанов. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 1. С. 16.

41. *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа...; *Данилевский Н.* Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении...; *Зубов П.* Картина Кавказского края...; *Иванов С.* О сближении горцев с русскими на Кавказе // Военный сборник. 1859. № 6. С. 541–549.

42. *Зубов П.* Картина Кавказского края... Ч. 3. С. 90.

43. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. В 6 кн. М.: Книжный сад, 1993. Кн. 4. С. 258.

44. Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала: Даггиз, 1940. С. 385.

45. *Соллогуб В.А.* Кавказ в восточном вопросе. Тифлис, 1856. С. 30.

46. Там же. С. 47.

47. *Клапрот Ю.* Описание поездок по Кавказу и Грузии... С. 213.

48. *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа... С. 31; Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность: начало XIX – начало XX вв.: [Сб. / Сост.: Я.А. Гордин и др.; подгот. текстов и коммент. Б.П. Миловидова]. Журн. «Звезда», 2005. С. 144–153.

49. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность: начало XIX – начало XX вв.: [Сб. / сост.: Я.А. Гордин и др.; подгот. текстов и коммент. Б.П. Миловидова]. СПб.: Журн. «Звезда», 2005. С. 144.

50. *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965. С. 234–235; *Иванов С.* О сближении горцев с русскими на Кавказе // Военный сборник. 1859. № 6. С. 541–549; *Мордвинов Н.С.* Мнение о спо-

собах, коими России удобнее можно привить к себе Кавказских жителей // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1858. Т. 4. С. 109–112; «Надо, чтобы кавказец находил для себя столько же пользы принадлежать нам, сколько и мы в его удержании»: Князь Г.Г. Гагарин о политике России на Кавказе. 1844 г. / Публ. С.В. Солдатов, А.Л. Худобородов // Исторический архив. 2004. № 1. С. 207–216; Письмо и докладная записка командира 2-го Кубанского казачьего полка султана Казы-Гирея главнокомандующему Отдельным кавказским корпусом М.С. Воронцову о мероприятиях, необходимых для привлечения местного населения Кавказа на сторону России мирным путем // РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 88. Л. 1-1об.; Сивков К.В. О проектах окончания Кавказской войны в середине XIX в. // История СССР. 1958. № 3. С. 191.

51. *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа... С. 33.

52. *Н.Ш.* Генерал Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны // КС. 1883. Т. VII. С. 56.

53. Копии материалов Кубанского войскового архива // ЦГИА Грузии. Ф. 416. Оп. 5. Д. 18. Л. 16.

54. Кавказская линия // Справочный энцикл. слов. В 12 т. СПб.: Изд. К. Крайя, 1847. Т. 5. С. 370–371; Кавказский край // Справочный энцикл. слов.: в 12 т. / Изд. К. Крайя, СПб., 1847. Т. 5. С. 371–373.

55. Кавказская линия // Справочный энцикл. слов. В 12 т. СПб.: Изд. К. Крайя, 1847. Т. 5. С. 370–371.

56. *Сорокин А.Ф.* Руководство к расположению и построению временных укреплений на Кавказе. СПб.: Тип. К. Крайя, 1844. С. 3.

57. Кавказский край // Справочный энцикл. слов. В 12 т. СПб.: Изд. К. Крайя, 1847. Т. 5. С. 372.

58. Кавказский край // Справочный энцикл. слов. В 12 т. СПб.: Изд. К. Крайя, 1847. Т. 5. С. 373.

59. Атлас Российской Империи, содержащий в себе 51 губернию, 4 области, Царство Польское и Княжество Финляндское [Карты]. СПб.: Воен.-топограф. депо, 1835.

60. А.П.К. Кавказские войны // Военный энциклопедический лексикон. В 14 т. СПб., 1854. Т. 6. С. 601–653.

61. А.П.К. С. 621.

62. *Константинов О.* Путеводитель по Черномории, Кавказскому и Закавказскому краю, от Тамани до Тифлиса и потом до Кутаиса, Эривани, Шемахи, Дербента // КК на 1851 год. Тифлис, 1850. С. 51

63. Жизнь Шамиля, имама Чечни и Дагестана на Кавказе: Извлеч. из достовер. источников. М.: Тип. М. Смирновой, 1860. С. 41.

64. *Берже Ад.* Краткий обзор горских племен на Кавказе // КК на 1858 год. Тифлис, 1857. С. 281.

65. *Ватейшвили Д.Д.* Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX века. М.: Наука, 1973. С. 10.

66. *Дамена И.Х.* Историография истории народов Кавказа XIX – начала XX в. СПб.: С.-Петербург. орг.-ва «Знание» России, 1996. С. 15.

67. М. Горские народы, состоящие в ведении Черноморской Кордонной линии, которые принесли покорность России до 1838 г. // Кавказ. 1858. 7 дек. С. 2; *Хицуков П.* Сношения России с северной частью Кавказа // Кавказ. 1846. 20 апр. С. 2.

68. История адыгейского народа / Сост. по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым; Напеч. с подлинной, испр. рукописи и доп. предисл., биограф. авт., примеч. и прил. Ад. Берже. Тифлис: Тип. Глав. упр. наместника кавказского, 1861 // КК на 1862 год. Тифлис, 1861.

69. История адыгейского народа... С. 108.

70. «Старайтесь убедить их, что сии агенты суть бродяги». Неизвестные документы Хан-Гирея / Публ. В. Захарова // Источник. Документы русской истории. 2003. № 2. С. 37.

71. *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии / Вступ. ст. и подгот. текста к печ. В.К. Гарданова и Г.Х. Мамбетова. Нальчик: Эльбрус, 1978.

72. *Венюков М.И.* Население Северо-Западного Кавказа в три эпохи его колонизации русскими в 1841, 1860 и 1863 гг. // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. 1864. Кн. I. С. 1–95; *Свечин Д.* Очерк народонаселения, нравов и обычаев дагестанцев // Записки Кавказского отдела... 1853. Кн. 2. С. 59–67.

73. Кавказ // Географическо-статистический словарь Российской империи / Сост. по поручению Рус. геогр. о-ва П. Семенов при содействии В. Эверинского, Н. Филиппова и Р. Мака. В 5 т. СПб., 1865. Т. II. С. 405.

ВИЖ – Военно-исторический журнал

КК – Кавказский календарь

КС – Кавказский сборник

РГИА – Российский государственный исторический архив

ЦГИА Грузии – Центральный государственный исторический архив Грузии

A.N. MAKSIMCHICK

THE STUDYING OF HISTORY OF THE RUSSIAN-NORTH CAUCASIAN RELATIONSHIP DURING THE CAUCASIAN WAR

The article is devoted to the analysis of the works of the researchers who were engaged in collecting, processing and the analysis of primary and analytical information on the history of the Russian-North Caucasian relationship during the Caucasian War. In the text numerous examples of absence of unity among authors

on a number of the questions mentioning time of accession of the North Caucasus to Russia, the terminology used in their works, concepts within which they built the narration are given and analysed.

Keywords: Historiography, Caucasian War, accession of the North Caucasus to Russia, Russian-Caucasian relations, terminology.

С.Г. Мирзоева
(г. Нальчик)

ПОСЛЕДСТВИЯ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ: ЧЕРКЕСЫ НА БАЛКАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В 60-Е ГГ. XIX в.

В статье рассмотрен процесс переселения черкесов во владения Османской империи – на Балканский полуостров. Султанское правительство, проводя такую политику, стремилось обеспечить безопасность своих границ и подавить освободительное движение славянских народов Балканского полуострова.

Ключевые слова: *международные отношения, Крымская война, Кавказская война, Балканы, Болгария, черкесы.*

Нельзя считать целостной историю адыгского народа без исследования ее части, которая оказалась по ту сторону Черного моря – в Османской империи, а также расселилась в других странах Ближнего Востока, входивших в состав Османской империи.

С 1858 г. вопрос о выселении адыгов стал предметом «весьма деятельной» дипломатической переписки между правительствами царской России и Османской империи. Но официальное выселение адыгов началось после состоявшегося 10 мая 1862 г. «Высочайшего утверждения» «Постановления Кавказского комитета о переселении горцев»¹.

Переселение горцев приняло массовый характер после Крымской войны. Турецкое правительство, активно поддерживая переселенческое движение кавказских горцев, преследовало далеко идущие цели: оно стремилось колонизировать переселенцами пустые, малозаселенные места империи, получить в их лице дешевую рабочую силу, а также использовать часть переселенцев в осуществлении военно-политических задач, расселив их в стратегически важных пунктах Османской империи. В случае войны с Россией они должны были служить в качестве боевой силы.

Газета «Одесский вестник» отмечала, что Порты думала «найти в черкесах цемент для сплочения своей распадающейся им-

перии»², т.е. использовать их в борьбе с центробежными силами, а также увеличить удельный вес мусульман среди угнетенных христианских народов и, опираясь на черкесов, покончить с движением, развивавшимся среди национальных меньшинств. По этому поводу Султан Довлет-Гирей писал: «Турецкое правительство охотно принимало к себе кавказских переселенцев. Они нужны были для заселения пустынных земель в европейской и азиатской губерниях³». Народонаселение Турции в то время, сильно уменьшилось после двухвековой борьбы с народами на Балканах и в Аравии. Турция совсем опустела, теряя каждый год, как показывают статистические данные, относящиеся к тому времени, более 100 тыс. своих сыновей в непрерывных войнах. Турция не ошиблась, ей выгодно было получить новый народ – народ здоровый, воинственный, воспитанный на традициях мужества, благородства и беззаветной преданности долгу. Но турецкие правящие круги, всячески содействуя переселенческому движению, явно не рассчитали свои возможности.

Если до 1864 г. выселялись более состоятельные горцы в сравнительно небольшом количестве, то в 1864–1865 гг. выселение приняло массовый характер, и на турецком берегу оказались сотни тысяч обездоленных и изнуренных переселенцев. В письме главнокомандующего Кавказской армией указывалось, что: «Порта ... постоянно жалуется на затруднения, в которые ставит ее прибытие их (переселенцев) большими массами. Турецкое правительство неоднократно обращалось через нашего посланника и к нашему министру иностранных дел остановить это переселение»⁴.

Но жаловаться на затруднения было уже поздно. Переселенцы не перенесли трудностей тяжелого пути и массами погибали от болезней и лишений. О том, в каком количестве гибли переселенцы, свидетельствует, например, письмо русского консула в Трапезунде А.Н. Мошнина: «С начала выселения в Трапезунде и окрестностях пребывало до 247 тыс. душ: умерло 19 тыс. душ, теперь осталось 63 290 человек. Средняя смертность 180–250 человек в день... В Самсуне и окрестностях с лишком 100 тыс. душ. Смертность около 200 человек в день. Свиристствует сильный тиф...»⁵. «Вместо того, чтобы разместить их в хорошем загородном месте, переселенцев помещают в дырявых палатках на главной площади, где они буквально тонут в грязи... Отсюда и та

ужасная болезнь... Зарытие трупов происходит с такой страшной небрежностью, что во всяком другом государстве местные власти были бы уличены в уголовном преступлении»⁶. О трагическом положении говорит и следующий документ: «11 декабря 1863 г. пароход привез в Варну – 850, а другой 180 человек. Турецкие власти приняли переселенцев сначала очень ласково. Когда прибыл другой пароход, турки по случаю бывшей холодной погоды развели огонь на пристани, но когда лодочники начали высаживать голых, слабых и больных и до 46 трупов умерших за одну ночь, они перепугались заразы и не хотели принимать переселенцев»⁷.

Когда сотни тысяч переселенцев оказались на турецком берегу, стало очевидным, что у турок не было ни средств для содержания такой массы людей, ни умения более или менее сносно устроить их. Черкесы высаживались на турецкий берег и не встречали ни материальной помощи, ни указаний, куда идти и где поселиться. Большей частью они становились лагерем на том самом месте, где высаживались, и бедствовали.

Инал Кануков, который был в числе переселенцев, позднее вспоминал: «Какое разочарование постигло этих поистине несчастных переселенцев, и сколько раз слышались слова проклятий на головы тех, которые их увлекали, когда трудности дороги и действительность предстали им воочию и раскрыли им глаза, и тогда-то, забыв недавние розовые мечты, они поняли, что обмануты, что они сделались жертвами... теперь гибнут»⁸.

Пособия, выделяемые турецким правительством для нужд переселенцев, были крайне недостаточны и не всегда доходили до переселенцев, число которых никому не было известно и постепенно увеличивалось. Средства, отпущенные для нужд переселенцев, разворовывались. Так, например, турецкое правительство отпустило для нужд переселенцев в Диаберкирском вилайете определенную сумму, большая часть которой была присвоена генерал-губернатором вилайета⁹. По этому поводу была обнаружена еще одна запись: «Благодаря полной деморализации в управлении средства, отпущенные правительством на устройство мухаджиров, беспощадно разворовывались, и несчастные тысячами гибли... ожидая милости от глупого и надменного чиновника»¹⁰.

Врач французского посольства Бароцци отмечал, что «распределение рационов не достигает цели, так как личности, более

влиятельные и состоящие при них свиты, потребляют почти все, а наиболее нуждающиеся нередко остаются по несколько дней даже без этой ничтожной помощи и вынуждены питаться кореньями, травой и редкими крошками, падающими от чужого хлеба»¹¹.

Боясь распространения по стране эпидемии тифа и оспы, турецкие власти создавали для переселенцев специальные лагеря, которые, по существу, являлись лагерями смерти. Такими лагерями были: Ачка-Кала, Сари-Дере, Караунде, Синоп, Самсун и др. В Ачка-Кале, расположенном недалеко от Трапезунда, с группой переселенцев находился А. Фонвиль, который писал: «Нуждаясь в пище, изнуренные переездами и болезнями, они принесли с собой в Трапезунд тиф и оспу, так легко зарождающиеся от нищеты и лишений, и население этого города подвергалось смерти. В этом лагере было 15 000 переселенцев, которые несмотря на суровость сезона... были расположены под защитой жалких листьев оливковых деревьев: не имея никакой провизии, они существовали только теми ничтожными, если не сказать более, средствами, которыми снабжало их турецкое правительство»¹². Тот же Фонвиль свидетельствовал о высокой смертности среди переселенцев: «После молитвы хоронили мертвых; четыре человека несли их на своих плечах, и за каждым умершим следовало его семейство; женщины при этом шли несколько позади, испуская страшные крики. Это, что называется, они оплакивали умерших. Я слышал это оплакивание на Кавказе, но в Ачка-Кале было столько умерших, что раздражающие душу вопли отдавались эхом по окрестным горам»¹³.

В конце концов возник вопрос об уничтожении лагеря в Ачка-Кале, так как там нельзя было жить от нечистот и трупного разложения; чтобы воспользоваться порциями, люди не убирали своих мертвецов из палаток и часто скрывали их, зарывая их в своих палатках¹⁴.

Самсунский санитарный инспектор совершенно откровенно высказывался о неспособности турецких властей оказать помощь горским переселенцам: «Я прибыл в Самсун шесть дней тому назад. Не нахожу слов для изображения положения, в котором я нашел город и несчастных эмигрантов. Черкесы от 8–10 тыс. человек помещены в зонах (постоялые дворы), разрушенных зданиях и городских хлевах. Они постоянно прибывают с Ирмама и Дербенда, наполняют скверы, улицы; расположились насильно

в огороженных землях, проникают всюду и удаляются только с восхождением солнца. На каждом шагу встречаются больные и трупы – у городских ворот, перед лагерем, посреди улиц, в скверах, в садах под деревьями. Всякий дом, всякий угол улицы, всякий шаг, занятый эмигрантами, стал гнездилищем заразы. Кладовая у морского берега, небольшие помещения карантинного дома, с трудом могущие вместить в себя 30 человек, были наполнены до 17 числа 207 человеками – все больше больными и умершими. Я приказал очистить зараженные места. Так как носильщики отказались войти во внутренность этой ужасной ямы, то я со своим почтенным товарищем Али-эфенди вытащил несколько трупов. Но виданное мною в Трапезунде не может сравниться с городом Самсуном. Лагерное расположение представляет не менее ужасный вид. От 40–50 тыс. человек в самой крайней нищете, изнуренных голодом, поражаемых смертью, остаются там без крова и без погребения»¹⁵.

Султанское правительство, в свою очередь, стремилось решить свои внутригосударственные проблемы путем расселения части переселенцев в европейских владениях империи, а именно на Балканском полуострове. Хотя русское правительство и противилось такой политике расселения адыгов-переселенцев, все-таки немалая часть черкесов была поселена на Балканском полуострове, главным образом в Болгарии.

Таким образом, Османское правительство надеялось увеличить мусульманское население в среде христианских народов империи. Русский консул в Варне Нягин отмечал, что «подобным выселением горцев в Болгарию турецкое правительство стремилось, с одной стороны, парализовать всякое движение славян к их освобождению и независимости, противопоставив им турецкий элемент, а с другой, – составить равенство, а если возможно – и большинство голосов мусульманского населения против христианского на тот случай, если державы станут требовать от Турции автономических прав для христианского населения Европейской Турции»¹⁶.

О причинах, побуждавших Османское правительство расселять адыгов-переселенцев в среде христианского населения империи, свидетельствуют некоторые документы архива премьер-министра Турции. «В Муданье, Гем-лике, Бандырме и Вардеке из-за преобладания христианского населения, – подчеркивалось

в одном из них, – заместителей глав администраций поселков приходится назначать из христиан. Немедленно необходимо заселить эти территории черкесами-мухаджирами»¹⁷. Другой документ гласил, что из районов Малазгирт, Муш, где проживают армяне, поступают жалобы на беспорядки ... Чтобы увеличить там численность мусульман, необходимо черкесских мухаджиров селить в местности Самсун, на пересечении дорог, идущих из армянских поселений¹⁸.

В результате политики, проводимой Россией и Османской империей, адыги-переселенцы оказались расселенными в пределах Турции, в странах Балканского полуострова, а также в Сирии, Иордании, Ливане, Иране, Ираке, Египте. Как правило, им выделялись места, малопригодные для жизни, губительные по своим климатическим и другим условиям. Очевидцы событий сообщали о фактах нечеловеческих страданий кавказских переселенцев.

В 1864 г. Феликс Канитц в связи со своими научными исследованиями оказался в центре черкесской колонии на Балканах. Им было дано очень интересное описание жизни и географии расселения черкесских колоний в Балканских странах. «Там, в Болгарии, между сербскою пограничною рекою Ти-моком и турецким Ломом, тянется вдоль дунайского берега полоса бугристой земли, поднимающаяся над уровнем воды на сотню футов. Она покрыта прелестными дубовыми и буковыми рощами, осеняющими своею тенью ее плодородную, черноземную почву, покрыта виноградниками, фруктовыми, табачными и шелковичными плантациями... Одно черное пятно выдавалось на этой светлой картине – пятно, которое не может до сих пор изгладиться из моего воспоминания и которое мешало мне наслаждаться очаровательным ландшафтам и природой. Пятно это составляли свежие черкесские могилы, тянущиеся рядами с правой и левой стороны дороги между группами деревьев или разбросанные на низких холмах в количестве 2–3 до 20. Эти могилы, окаймленные вместо цветов голышами или обломками скал, громко свидетельствовали о бедствиях великого черкесского похода, тянувшегося незадолго перед тем по новой дороге, которую по справедливости можно назвать «могильною»¹⁹.

«С тех пор, как существуют народы, борьба за существование в этнографических областях не прекращалась; процесс поглоще-

ния слабейших наций более сильными повторяется беспрестанно и во всем мире. Сколько племен на наших глазах подвергалось в Америке, Австралии и далее в Европе такому превращению или истреблению! Как исчезнувшие материки, они всплывали в виде островов из народных волн, поглотивших их; но всплывают они обыкновенно ненадолго и затем исчезают навеки. Эти волны чуждого им народа, бушующие вокруг них, рано или поздно затопляют их, и остается только предание о том, что они некогда существовали на земле»²⁰, – эти слова Ф. Канитца достаточно ярко характеризуют судьбу горцев, выселенных с Кавказа.

Переселенцы были расселены по всей Османской империи. Турецкое правительство старалось при этом не селить их сплошными массами для предупреждения могущей произойти от того опасности для общественного порядка и для государственной власти. Именно в результате такой политики кавказские переселенцы оказались в пределах собственно Турции и в странах Балканского полуострова, а также в Сирии, Иордании, Ливане, Месопотамии и Египте. В частности, значительные массы мухаджиров-адыгов оказались в Балканских владениях Турецкой империи и прежде всего – в Болгарии.

В 60-е гг. XIX в. султанским генерал-губернатором (вали) Дунайского вилайета, или Болгарии, был известный турецкий государственный и политический деятель, сторонник конституции и реформ, но ярый враг национально-освободительного движения угнетенных народов Османской империи Ахмед Мидхат-паша. В своей монографии А.Г. Дзидзария приводит данные, свидетельствующие о том, что по проекту Мидхат-паши «черкесами было заселено все пространство от устья Дуная до Боснии и Герцеговины. В этих местах были созданы военные колонии, вроде казачьих станиц, из которых формировалась черкесская «милиция» для защиты пограничных линий»²¹.

В это же время Ф. Канитц указывал, что «правительство Порты не имело в виду поселять черкесские колонии на Дунае; где она имела уже сильную опору в турецком населении многочисленных портовых городов, а хотела водворить их именно там, где турецкого населения совсем не было, – на болгаро-тимокской границе, которой еще в 1862 г. угрожали воинственные сербы, и в среде болгарского населения, составлявшего плотные массы. Черкесским колониям, как и татарским переселенцам, прибыв-

шим несколько лет тому назад, было назначено населять клин, идущий с Востока на Запад, в противоположном направлении магометанско-албанскому элементу, которому они, в случае нужды, могли бы подать руку и таким образом составить живую пограничную изгородь между христианскими болгарскими массами и их единоверцами сербами»²².

Ф. Канитц также отмечал, что по другую сторону Балкан в Червенобре-ге, близ Бела-Поланки, он встретил первое черкесское село. «Позднее я видел новые их поселения в Нише, потом в Мраморе, на Болгарском мраморе, далее колонии, названные именами достославных султанов, как-то: Меджи-дег, Османиег, Махмудиег и др. В области, описываемой мною, было расположено 14 черкесских колоний, из которых 6 выпало на долю Кули, 3 – на долю округа Белоградчика, 1 – на долю Ломского округа, 1 – на долю Теротского и 3 – на долю Ниша»²³.

Интересные сведения о расселении мухаджиров в Болгарии приводят авторы «Истории Болгарии»: «...заселение черкесов на болгарские земли осуществлялось в нескольких направлениях: 6 тысяч семейств были переброшены через Бургас и обосновались во Фракии, 13 тыс. семейств – в Софию и Ниш, остальные 10 тыс. семейств размещены в Свиетовской, Никопольской, Ореховской и др.». Таким образом, количество переселившихся в Дунайский вилайет семейств определяется в 41 тыс. При этом следует учесть, что приведенные данные охватывают лишь 1861–62 гг.²⁴

Султанская Турция, распахнувшая свои ворота перед изгнанниками с Кавказа так широко, что вскоре вынуждена была пожалеть об этом, руководствовалась отнюдь не гуманными соображениями. Планы османского правительства по использованию мухаджиров преследовали далеко идущие цели. В частности, блистательная Порта весьма благосклонно смотрела на прилив горцев в свои европейские владения, так как, во-первых, это доставляло ей прекрасные боевые силы в один из самых взрывоопасных регионов империи, а, во-вторых, увеличивало преобладание мусульманского населения в среде христианских народов Балканского полуострова. Черкесы должны были стать, с одной стороны, щитом, который оградил бы османов от гнева непокорных народов и продлил бы их господство над ними, а с другой, – горцам отводилась незавидная роль меча, который разрубит в случае необходимости все нити взаимосвязей национально-осво-

бодительного движения, прежде всего болгарского и сербского народов. Порта самым циничным образом собиралась эксплуатировать выработанные веками борьбы за собственную свободу воинские умения и навыки черкесов в борьбе против свободы других народов. Черкесам суждено было сыграть одиозную роль душителей свободы болгарского народа в дни восстания (1876) в Болгарии против турецкого ига и последовавшей после его подавления Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Политика клинообразного расселения горцев среди христианского населения Балкан и их содержания за счет последнего способствовала разжиганию национальной и религиозной вражды между аборигенами-христианами и переселенцами-мусульманами. «Горцы водворялись везде силою, – писал Ад. Берже, – и так как турецкие власти не всегда могли справиться с противодействием жителей, то переселенцам оставалось одно, расправляться с ним самим, но и такая задача совершенно противоречила всем надеждам их на счастливую, безмятежную жизнь в Турции»²⁵.

Все это с самого начала вызвало стремление мухаджиров вернуться на Кавказ. Однако оно немедленно натолкнулось на жесткие меры как со стороны царских властей, так и турецкого правительства против реэмиграции.

Черкесы думали, что могут поселиться в любом месте этой очаровательной земли, которая на них произвела такое же магическое действие, как много столетий назад испытывали на себе римляне, византийцы, славяне и булгары. Но все оказалось не так просто. У Османской империи имелись далеко идущие планы относительно переселенцев-адыгов. Султанским генерал-губернатором (вали) Ахмед Мидхат-пашой, известным турецким государственным и политическим деятелем, ярким врагом национально-освободительного движения угнетенных народов Османской империи, был разработан проект, по которому черкесами было заселено все пространство от устья Дуная до Боснии и Герцеговины. В этих местах создавались военные колонии, вроде казачьих станиц, Если черкесы пытались уклониться от таких мест поселения, остаться в облюбованных ими районах, как, например, на дунайском берегу, то их принуждали силой оружия»²⁶. Представляют интерес приемы и методы заселения адыгами разных регионов тогдашней Османской империи. К лету 1864 г. в Стам-

буле скопилось такое количество адыгов, что их уже негде было поселять. Тем не менее переселенцы продолжали прибывать, и султанское правительство стало переправлять их в страны Балканского полуострова. Расселяемых на Балканах горцев доставляли в порты Констанцы, Варны, Бургуса. Некоторые прибыли сюда прямо с Кавказа. Затем они отправлялись в Адрианополь, Шумну, Черноводы, и только оттуда распределялись в места их окончательного жительства. Кроме того, для окончательного расселения вдоль северных границ Болгарии черкесы направлялись в Софию, Никополь, Рушук, Добруджу, Косово. К 1864 г. уже существовало 49 распределительных пунктов в Косово, куда к тому времени было направлено 20 тыс. черкесов²⁷.

Эти данные охватывают только 1861–1862 гг. и в общей сложности составляют 61 тыс. семейств. По более поздним сведениям других источников, на Балканском полуострове в эти годы было поселено свыше 50 тыс. семейств²⁸.

Поселения черкесов были расселены по всей Болгарии малыми группами, попеременно с болгарскими деревнями. Находясь на определенном расстоянии друг от друга, они своим расположением образовали линию, прорезывающую страну в различных направлениях. Русский консул в Варне отмечал, что турецкое правительство старается отводить черкесам земли по прямой линии между Дунаем и Балканами, вероятно, с целью образовать военную цепь между крепостями Дуная и природными твердынями гор. Эта военная цепь тянулась от Добруджи, где находились поселения крымских татар, до границ Сербии и Черногории. На Косовом Поле, например, было 23 черкесских поселения²⁹.

В местах своих поселений переселенцы испытывали нечеловеческие страдания. Отсутствие элементарных условий для существования приводило к распространению инфекционных заболеваний. Синоп, Самсун, Варна и другие города превратились в настоящие лагеря смерти. До 40–50 тыс. человек в самой крайней нищете, изнуренные голодом, пораженные смертью, оставались там без хлеба, без крова и без погребения. Вот такая обстановка сложилась в Варне. В то время там 70–80 тыс. человек были без хлеба. В течение нескольких дней это число удваивалось³⁰. Такое положение было весьма опасным, не было сильнее бедствия и более плачевной катастрофы, как эта эмиграция людей, предоставленных сами себе.

Первое время местное население оказывало переселенцам помощь. Однако, когда с кораблей стали выгружать больных и даже мертвых, помощь прекратилась и даже стали предприниматься попытки препятствовать приему переселенцев.

О бедствиях и страданиях горцев во время переселения пишут многие очевидцы и историки. Вот что рассказывает А. Фон-виль, находившийся на Западном Кавказе в 1863–1864 гг.: «... Суда обыкновенно нагружались, что называется, доверху; триста или четыреста человек наполняли пространство, на котором в обыкновенное время помещалось 50–60 человек. Вся провизия, которую горцы брали с собою, состояла из нескольких горстей пшеницы и нескольких бочонков воды; плавание открытым морем иногда продолжалось от пяти до шести дней, и в таком-то положении и с таким запасом провизии этим несчастным приходилось совершать переезд столь гибельный и столь опасный»³¹.

Необходимо также учесть, что переселение горцев шло в страну, более отсталую в социально-экономическом и культурном отношении, чем Россия. Переселенцы попадали в еще более тяжелые условия проживания, что не могло не вызвать определенную озлобленность в среде мухаджиров.

Таким образом, объективно истолковать сложные процессы взаимоотношения между мухаджирами и местным христианским населением Балканского полуострова, прежде всего болгар, можно лишь на базе обобщенного подхода, диалектического рассмотрения всех сторон этого явления во взаимосвязи друг с другом. Формированию негативного образа черкеса-мухаджира способствовала следующая обстановка:

во-первых, мухаджиры были навязаны местному населению и принудительно расселены в его среде;

во-вторых, расселение мухаджиров легло тяжелым бременем на местное население и в материальном плане, так как Порта обязала его оказывать переселенцам материальную помощь;

в-третьих, определенная озлобленность в среде мухаджиров, обусловленная бедами и трагедией переселения, вызвала ответную реакцию у местного населения;

в-четвертых, имело значение и взаимное неприятие мухаджирами болгар и наоборот, вследствие религиозной нетерпимости и фанатизма. Мухаджиры воспринимали болгар как единомышленников русских, являвшихся причиной всех их несчастий.

Болгары имели все основания воспринимать мухаджиров как единоверцев турок, мобилизованных для укрепления и продления турецкого владычества в Болгарии³².

Часть переселившихся с Балкан была доставлена в Самсун и поселена в окрестностях этого города, а остальные были направлены в Сивас и Анкару, а также на побережье Мраморного моря, где поселились между Адапазаром и Бандырмой. Другая группа черкесов была вывезена в район Измира и поселена между Манисой и Айрыном. Некоторые попали в Адан, Анталию, Мерсин, а также в ливийские города Траблус-Гарб, Бенгази и Дерна.

Османское правительство, принимая в таком количестве адыгов-переселенцев, расселяло их в соответствии со своими политическими и экономическими целями, при этом совершенно не учитывая желания самих переселенцев. Историки подтверждают, что черкесы оказались разбросанными по всем странам Османской империи.

По мнению Ад.П. Берже за период с 1858-го по 1865 г. в пределах Османской империи поселилось 493 194 человека³³.

Бэрзэдж приводит данные из архива премьер-министра Турции, что в период с 1864-го по 1877 г. на Балканах поселилось примерно 250 тыс. человек³⁴.

В результате анализа и сравнения существующих статистических данных можно ориентировочно назвать число адыгов, переселившихся с Северо-Западного Кавказа в пределы Османской империи за период с 1857-го по 1877 г. – 1 млн 400 тыс. человек.

Можно утверждать, что турецкое правительство имело достаточно четко разработанные планы расселения адыгских переселенцев. Выбор мест поселений определялся политическими причинами, связанными с проблемами кризиса ее целостности. Наряду с этим, определяющее значение имело введение в экономический оборот, с использованием их труда и хозяйственного опыта, в сложных по климатическим условиям и недостаточно освоенных районах империи.

Однако эти планы не были реализованы в основной своей идее, так как изменения в международной обстановке и национально-освободительная борьба народов Балкан внесла в них коррективы, породив новую переселенческую волну с Балканского полуострова в другие страны, входившие в Османскую империю, с целью использования переселенцев для решения

внутренних проблем этих территорий непосредственно не связанных с сохранением целостности этой этнической группы.

Примечания

1. Постановления Кавказского комитета о переселении горцев // Балканские народы и европейские правительства в XVIII – начале XX в.: Документы и исследования. М., 1982. С. 204–206.
2. *Дзидзария Г.А.* Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982. С. 198.
3. Записка султана Довлет Гирея // Современное состояние Оттоманской империи / Сост. А. Убичини, П. де-Куртейль. СПб., 1877. С. 94–95.
4. *Бушуев С.К.* Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20–70-е гг. XIX в.). М., 1955. С. 184.
5. Там же. С. 187.
6. Там же. С. 191.
7. *Касумов А.Х.* Вопросы мухаджирства в трудах профессора М.С. Тотоева // Проблемы истории и культуры народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1985. С. 35.
8. Там же. С. 36.
9. *Берже Ад.П.* Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. Т. XXXIII. С. 347–369. *Берже А.П.* Указ. соч. С. 349.
10. Там же. С. 350.
11. *Лайпанов Х.И.* К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию. Ставрополь, 1966. С. 202.
12. *Фонвиль А.* Последний год войны Черкесии за независимость 1863–1864 гг. Из записок участника-иностранца. Нальчик, 1991. С. 40.
13. Там же. С. 44.
14. *Берже Ад.П.* Указ. соч. С. 351.
15. *Касумов А.Х.* Вопросы мухаджирства в трудах профессора М.С. Тотоева... С. 37.
16. Записка русского консула в Варне Нягина // Россия и национально-освободительное движение на Балканах, 1875–1878: Сборник документов. М., 1978. С. 194.
17. *Кудаева С.Г., Хут Л.Р.* Адыгские мухаджирсы на Балканах // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1991. С. 187–188.
18. Там же. С. 190.
19. *Кудаева С.Г.* Огнем и железом. Вынужденное переселение адыгов в Османскую империю (20–70 гг. XIX в.). Майкоп, 1998. С. 77.
20. Там же. С. 79.
21. *Касумов А.Х.* Черкесы на Балканах // Советская молодежь. 1992. № 13. С. 56.

22. Кудиева С.Г. Указ. соч. С. 81.
23. Там же. С. 84.
24. История Болгарии. Т. 6. 1856–1878 гг. София, 1987. С. 135.
25. Берже Ад.П. Указ. соч. С. 356.
26. Бэрэдж Н. Изгнание черкесов. Майкоп, 1996. С. 132–133.
27. Там же. С. 135.
28. Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. Нальчик, 1992. С. 162.
29. Записка русского консула в Варне Нягина... С. 207–208.
30. Там же. С. 209.
31. Фонвиль А. Указ. соч. С. 62.
32. Касумов А.Х., Касумов Х.А. Указ. соч. С. 170.
33. Берже А.П. Указ. соч. С. 359.
34. Бэрэдж Н. Указ. соч. С. 141.

S.G. MIRZOEVA

REPERCUSSION OF CAUCASIAN WAR:
THE CIRCASSIANS ON THE BALKANS IN
THE 60-S YEARS OF THE XIX CENTURY

The article describes the process of resettlement of Circassians in possession of the Ottoman Empire – the Balkan Peninsula. The sultan's government, conducting such a policy has sought to secure its borders and suppress the liberation movement of the Slavic peoples of the Balkans.

Keywords: international relations, the Crimean War, Caucasian War, the Balkans, Bulgaria, Circassians.

ПЕРВЫЕ ЭТАПЫ И ПЕРВЫЕ УРОКИ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

В данной статье рассматривается начальный период Кавказской войны, то кардинальное изменение русско-кабардинских отношений; описывается внешнеполитический фактор, повлиявший на статус Кабарды. На основе примера завоевания Кабарды можно проследить приоритет того или иного фактора при том, что вместе представляли собой часть концепции национально-государственных интересов Российского государства.

Ключевые слова: *Кавказская война, Екатерина II, Кабарда, князья, Турция, Крым.*

В силу территориальной близости пограничная с Россией Кабарда первой из черкесских владений испытала на себе резкое изменение российской политики на Кавказе. Тем более что княжеские раздоры в Кабарде позволяли царским властям всегда находить повод для активного вмешательства в ее внутренние дела.

Благоприятные условия для строительства крепости в урочище Моздок были предоставлены самими кабардинцами. В 1762 г. один из князей Джиялхстановых – Кургоко Канчокин – обратился к российскому правительству с просьбой о покровительстве и позволении переселиться со своими подвластными в числе 40 дворов на левый берег Терека в урочище Моздок. Князь Канчокин мотивировал свое обращение стремлением найти защиту от притеснений со стороны владельцев Большой Кабарды.

Желание кабардинского князя принять крещение и перейти со своими людьми в российское подданство нашло в Петербурге понимание и поддержку. Кургоко Канчокин (в крещении Андрей Иванов) был принят в столице на высоком правительственном уровне, дал присягу на верность России, получил чин подполковника, а также денежную субсидию на всех желающих

переселиться в Моздок и принять православие. В Петербурге придавали большое значение акту перехода Кургоко Канчокина в российское подданство. Под предлогом его защиты в урочище Моздок в 1763 г. была заложена одноименная крепость.

Моздок должен был стать новым форпостом российского проникновения на Северный Кавказ и центром притяжения для всех ориентирующихся на Россию сил. Часть осетинских и ингушских старшин, стремившихся освободиться от власти кабардинских владельцев, пыталась опереться на поддержку российского правительства, которое еще с середины 40-х гг. XVIII в. активизировало миссионерскую деятельность среди горцев Осетии и Ингушетии¹.

Кабардинская аристократия ревностно относилась к своим владельческим правам и была готова всеми силами отстаивать суверенитет Кабарды. Постройку Моздока в Кабарде однозначно расценили как недружественный акт и аннексию кабардинской территории. Притеречные земли до казачьих гребенских станиц кабардинские владельцы рассматривали как свою неотъемлемую собственность и беспрепятственно использовали их в качестве зимних пастбищ. Основание Моздока существенно ограничивало землепользование кабардинцев, наносило удар по суверенитету феодальных владений Большой и Малой Кабарды. Возникла угроза потери доминирующих позиций кабардинской аристократии на Центральном Кавказе.

Одновременно усилились пророссийские настроения среди владетелей в Осетии и Ингушетии, связанные с надеждами на освобождение от зависимости от кабардинских князей и освоение контролируемых ими равнинных земель. Участились побег из Кабарды в российские владения крепостных крестьян, которые, в случае принятия христианства, не возвращались бывшим владельцам.

В 1764 г. в Петербург было отправлено посольство во главе с князем Кайтуко Кайсиновым (род Бекмурзиных) и тлякотлешем Шабаз-Гиреем Кундетовым с просьбой приостановить постройку крепости, запретить Кургоко Канчокину переселение с подвластными в урочище Моздок и не принимать беглых холопов из Кабарды. Одновременно в связи с этим кабардинские владельцы созвали за Кубанью, на р. Зеленчуке, Хасу (собрание, совет) для проведения переговоров с бесленеевскими, темиргоевскими и

ногайскими князьями. Летом 1764 г. ими было принято решение в случае отклонения требований кабардинского посольства перейти к совместным военным действиям и произвести ряд нападений на Моздок и другие российские укрепления².

Правительство Екатерины II отклонило все требования кабардинцев. Оно заявило об исконной принадлежности урочища Моздок к владениям России и своем праве принимать в российское подданство всех желающих, в том числе и беглых крепостных³.

Внутренние противоречия мешали владельцам Большой и Малой Кабарды выработать в сложившейся ситуации согласованную и эффективную политику. Кроме того, значительная часть зависимых крестьян в 1767 г. вышла из повиновения своих владельцев, отказалась переселяться с Баксана в верховья Кумы и угрожала переходом в подданство России. Лидеры восставших, численность которых достигала 10 тыс., установили связи с кизлярским комендантом Н.А. Потаповым, который обещал им свою помощь. Кабардинские владельцы были вынуждены под присягой обещать восставшим подданным не злоупотреблять своими правами и не обременять их непомерными налогами⁴.

На тот момент между Российской империей и Кабардой до вооруженных столкновений не дошло, но они уже находились в состоянии войны. Причиной тому послужили два фактора: Россия отобрала у Кабарды Моздок и вмешалась во внутренние дела. Резкое ухудшение кабардино-русских отношений происходило на фоне общего обострения международной ситуации. В сентябре 1768 г. Османская империя разорвала дипломатические отношения с Россией и объявила ей войну. Боевые действия начались в 1769 г. на широком фронте от Подолии на Украине до Грузии. В апреле 1769 г. 6-тысячный крымский корпус, в составе которого кроме татар и ногайцев были соединения закубанских черкесов, атаковал калмыцкие улусы, но был разбит русско-калмыцкими войсками на р. Калаусе. Войска Российской империи на Северном Кавказе перешли в наступление и перенесли военные действия на Кубань⁵.

В условиях начавшейся Русско-турецкой войны большая часть кабардинских владельцев предпочла придерживаться нейтралитета. Наиболее упорные сторонники борьбы за независимость Кабарды были разбиты в верховьях Кумы в урочище

Эшкакон частями генерала де Медема. Все кабардинские поселения были переведены с гор на старые места, ближе к Моздоку. Владельцы Большой и Малой Кабарды не возражали против вступления под покровительство Российской империи, но ставили непременным условием сохранение Кабардой особого политического статуса и внутренней автономии. Было решено отправить в Петербург посольство во главе с князьями Джанхотом Сидаковым (род Мисостовых) и Кургоко Татархановым (род Бекмурзиных) для урегулирования всех спорных вопросов⁶.

В ходе Русско-турецкой войны армия и флот России достигли крупных успехов. На Кавказе корпус генерала Тотлебен занял Кутаиси и всю Имеретию. Корпус генерала де Медема успешно действовал на Кубани. Представители абазин-тапанта и башилтаевцев, следуя примеру своих кабардинских сюзеренов, принесли присягу на верность России. В 1771 г. российские войска заняли Крымский полуостров и возвели на ханский престол своего ставленника Сахиб-Гирея, который признал покровительство Российской империи⁷.

Однако на Северном Кавказе произошли неожиданные осложнения. Калмыцкий наместник Убаши в ответ на резкий выговор де Медема за самовольные действия увел свои войска на Волгу. Общее недовольство калмыков ужесточением контроля со стороны российских властей привело к тому, что в начале 1771 г. Убаши с большей частью подданных откочевал в Китай, а Калмыцкое ханство, сыгравшее заметную роль в покорении Крыма, указом Екатерины II от 19 октября 1771 г. было упразднено⁸. Лишившись в лице калмыков мощной военной силы, генерал де Медем на Северном Кавказе был вынужден перейти к оборонительным действиям, а его противники активизировались. В результате в 1771 г. ногайский владетель Сокур-Аджи Росламбеков с кубанскими ногайцами дошел до Дона и разорил станицу Романовскую⁹.

В новых условиях российское правительство пошло на ряд уступок кабардинским князьям с тем, чтобы обеспечить их лояльность. 17 августа 1771 г. Джанхоту Сидакову и Кургоко Татарханову в Петербурге была вручена императорская грамота «кабардинским владельцам, узденям и всему народу» с «высочайшим» решением по спорным вопросам. Кабардинским владельцам обещали возвращать беглых крестьян, число которых уже пре-

восходило тысячу человек, или возмещать их стоимость. Но в ликвидации Моздокской крепости кабардинцам было отказано¹⁰.

Грамота 1771 г. являлась фактически договором, оформленным в духе дипломатической практики XVIII в., в котором оговаривались условия вступления Кабарды под покровительство Российской империи. Часть кабардинской элиты была недовольна подобным компромиссом. Однако в ходе Русско-турецкой войны уже явно наметился перевес Российской империи. Не считаться с этим было невозможно. 7 ноября 1772 г. между Россией и Крымским ханством был подписан договор «Вечного союза и дружбы». По этому договору все «татарские и черкесские народы» были милостиво оставлены хану, а Большая и Малая Кабарда объявлялись в подданстве Российской империи. Османы, не признавшие правительство Сахиб-Гирея в Крыму, поддерживали своего кандидата на ханский престол – Девлет-Гирея. В 1773–1774 гг. между их сторонниками в Прикубанье развернулась ожесточенная борьба. Обе стороны опирались в ней не только на крымцев и ногайцев, но и на своих союзников из числа закубанских владельцев¹¹.

Кабардинские князья Мисост Баматов (род Атажукиных), Кильчуко Кайсинов (род Бекмурзиных), Хамурза Асланбеков (род Кайтукиных) и другие активные сторонники независимости Кабарды и уничтожения Моздока также усилили свое влияние. Когда генерал де Медем в 1772 г. задержал по подозрению в нападении на российскую границу 12 знатных кабардинцев, Кабарда ответила явной демонстрацией силы. Объединенные силы кабардинцев, закубанских адыгов, чеченцев, кумыков и других союзных Кабарде горцев, в числе 25 тыс. человек, в мае 1773 г. стали лагерем на левом берегу Малки, в 30 верстах от Моздока, и потребовали освободить арестованных. Под угрозой начала ширококомасштабных военных действий на Тереке де Медем был вынужден отпустить задержанных. Кабардинские владельцы продолжили поиски союзников, в том числе среди кубанских ногайцев, вынужденных присягнуть на верность России¹².

Османы также пытались активизировать военные действия на Северном Кавказе. Девлет-Гирей с 8-тысячным османским корпусом в конце 1773 г. высадился в Суджук-Кале (Новороссийск). К нему присоединилась часть ногайцев и закубанских черкесов. С этими силами Девлет-Гирей начал наступление на

Кабарду, куда его настоятельно приглашали сторонники войны с Россией. Соединившись с кабардинцами, Девлет-Гирей в июне 1774 г. обошел Моздок и осадил станицу Наурскую, в которой собралось все население пяти станиц Моздокского казачьего полка. Двенадцатичасовой неудачный штурм Наурской стоил армии Девлет-Гирея тяжелых потерь, и она с аррьергардными боями начала отступление через территорию Кабарды. Последнее сражение османо-крымского корпуса с русскими войсками произошло на р. Гунделене в августе, когда Русско-турецкая война была уже завершена подписанием 10 (21) июля 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мирного договора¹³, который положил начало новому устройству Крыма и Северного Кавказа¹⁴.

Кючук-Кайнарджийский договор отразил резкое усиление позиций России в Северном Причерноморье. Результаты Русско-турецкой войны оказались впечатляющими. Крымское ханство переходило под протекторат России. Население всех ногайских улусов, занимавших степные пространства от устья Дуная до Кубани в числе 80 тыс. семей, в 1773–1774 гг. было переселено на земли между Кубанью и Восточным берегом Азовского моря. Освободившиеся земли от устья Дона до Южного Буга вошли в России, которая приобрела также Азов и Керчь¹⁵.

Согласно 21-й статье Кючук-Кайнарджийского договора окончательное решение вопроса о политическом статусе Кабарды предоставлялось «на волю хана крымского с советом его и со старшинами татарскими». Это означало признание условий договора 1772 г. между русским правительством и крымским ханом, по которому Большая и Малая Кабарда признавались в подданстве Российской империи¹⁶. Вопрос о принадлежности Кабарды без согласия самих кабардинцев решался в пользу России¹⁷.

По этому договору в составе России объявлялись и подвластные ей народы Центрального Предкавказья. Это стало возможным благодаря той же, 21-й статье договора, согласно которой был ликвидирован так называемый «нейтралитет» Кабарды¹⁸.

О распространении влияния России на Центральном Предкавказье свидетельствует докладная записка астраханского губернатора П.Н. Кречетникова Екатерине II от 2 декабря 1774 г., где говорилось, что «... по заключении славного нынешнего мира Большая и Малая Кабарды остались в точном подданстве Вашего императорского величества, а как последняя из них осетинский

народ, коих те руды найдены, почитают своими подвластными, то и оной, с нею соединенной, подлежит и здешней стороне»¹⁹.

Договор 1774 г. упразднил органы самоуправления Кабарды (хаса и пщышхуэ). Теперь, «хаса и пщышхуэ лишились прежних полномочий в проведении самостоятельной внешней политики и организации обороны страны»²⁰. При этом Россия целенаправленно начала ослаблять влияние Кабарды на соседние народы, находившиеся доселе в вассальной зависимости от нее. Это был важный тактический шаг в процессе покорения Кавказа. Вот что по этому поводу пишет Б.В. Виноградов: «Следует отметить, что если бы российские власти одобряли «феодалные права» и прочие притязания кабардинских феодалов к соседним народам, это неизбежно привело бы к резкому падению российских позиций в регионе, а значит, кабардинские князья получили бы дополнительные импульсы для антироссийской «фронды». Это создало бы эффект некой «двуполярности» влияния на Центральном Кавказе. При условии, что Турция и Иран не отказались от своих претензий на северокавказские народы, ситуация для России сложилась бы неуправляемая, хаотичная»²¹.

Сразу после подписания столь выгодного договора Коллегия иностранных дел отмечала, что «во время настоящее, когда кабардинцы по переменившимся обстоятельствам всего тамошнего края, и сами принадлежат действительно к подданству здешнего императорского скипетра, всякие в рассуждение их новые меры, свободы уже от зависимости соглашения с Портой и Крымом»²².

Несмотря на включение в Кючук-Кайнарджийский мирный договор специальной статьи, по которой Большая и Малая Кабарда формально «отдавались» на волю крымского хана, а он «согласился» на включение Кабарды в состав России, Турция продолжала занимать агрессивную позицию, вынашивая планы подчинения себе Кабарды. Турецкие агенты вели среди кабардинцев усиленную агитацию против России, распространяли слухи о якобы ожидаемой новой русско-турецкой войне. В своей записке «О положении на Кубани» генерал А. В. Суворов писал: «Чудно как приятели наши стамбульцы простирают руки и до Кабарды»²³.

Турецкий ставленник на ханский престол Девлет-Гирей усиленно стремился с помощью турок создать на Северном Кавказе новое владение, которое наряду с Закубанской областью включало бы западно-адыгские и кабардинские земли. На Девлет-Ги-

рея Турция возлагала задачу ликвидировать номинально провозглашенную «независимость» Крыма и вернуть его под власть турецкого султана. В силу этого она не торопилась выводить свои войска из Тамани.

Вмешаться в обстановку на Северном Кавказе Девлет-Гирею помогла ситуация в Кабарде. Несмотря на то, что русское правительство подтвердило, что присоединение Кабарды к России не приведет к ограничению ее вольности и самостоятельного общественного управления, основанного на древних обычаях, тем не менее от Кабарды были взяты аманаты(заложники), в том числе и Темирбулат – сын влиятельного князя Мисоста Боматова (Атажукинский род) .

Кабардинцы потребовали освободить аманатов, их в этом поддержал Девлет-Гирей. В сентябре 1776 г. крымский хан отправил в Кабарду и к генералу Медему своего помощника Касбулат-Агу «с объявлением о принадлежности кабардинцев к Крыму, будто по содержанию последнего мирного трактата с Портою заключенного, устрняя трактат 1772 г., и с требованием от Медема освобождения кабардинских аманатов»²⁴.

Действия Турции и Крыма встревожили императрицу Екатерину II, и она велела от имени генерала Медема направить всем кабардинским владельцам «декларацию», «в опровержение сделанных им (кабардинцам. – Б.П.) от хана крымского внушений»²⁵. Главный акцент «декларации» был сделан на нелегитимность избрания ханом Девлет-Гирея, который якобы «похитил власть ханскую насильством». Следовательно, его притязания на Кабарду, с точки зрения России, являлись совершенно необоснованными²⁶.

Кабардинцам напоминалось о том, что они «от самой древности» считали себя подданными России, и с тех пор у них царские власти брали аманатов. В «объявлении» говорилось и о том, что Девлет-Гирей захватил власть незаконным путем и, следовательно, он не вправе вмешиваться в кабардинские дела. Генерал Медем предостерегая кабардинцев требует прекращения контактов с Девлет-Гиреем, а «в противном случае может их постигнуть казнь и месть, от чего они ничем не избегнут, как то прежние опыты удостоверяют»²⁷.

В апреле 1777 г. в Кабарду был направлен майор Бушуев с отрядом войск. Сам же Медем двинулся к Тереку. Кабардинские князья вместе с Девлет-Гиреем , видя, что русские войска

концентрируются на Малке во главе с Бушуевым и приставом Тогановым и на Тереке – во главе с Медемом, просили кубанского сераскира, чтобы он с турецким войском пришел к ним на помощь. Сераскир попытался выполнить их просьбу. Однако письмо Медема с его суровым предупреждением заставило того отступить. Владельцы Большой Кабарды, оказавшись без поддержки, вынуждены были присягнуть России. Среди присягнувших были роды Атажукиных, Мисостовых и Джамбулатовых.

После этих событий русскому командованию на Кавказе стало известно, что Турция начала активную подготовку к новой войне с Россией, стремясь привлечь на свою сторону западных адыгов, кабардинцев, чеченцев, ногайцев и кумыков. По сведениям генерала А.В. Суворова, которые он сообщал в январе 1778 г. генерал-фельдмаршалу Румянцеву-Задунайскому, «горцы могут выставить до 20 тыс. человек»²⁸.

В такой обстановке царское правительство приступило к осуществлению на Северном Кавказе ряда мероприятий военно-фортификационного характера, в частности было принято решение реорганизовать и усилить военную Линию по Тереку.

23 ноября 1775 г. наместником и генерал-губернатором Новороссийским, Азовским и Астраханским назначен был генерал-аншеф Григорий Александрович Потемкин. Ему же подчинены были и все казачьи войска, находившиеся в этом наместничестве. Сам Потемкин, выдающийся государственный деятель, умелый организатор и администратор, не был на Северном Кавказе, но имел о крае ясное представление, которое он получал из докладов губернатора Астрахани П. Кречетникова. Из его информации Потемкин вынес главное: «Слабая Терская линия, опиравшаяся только на две крепости, Кизляр и Моздок, хотя и представляла собой надежный оплот, будучи населена стойкими и неустрашимыми терскими, гребенскими и моздокскими казаками, но она прикрывала незначительную часть русской границы, а все остальное пространство до Черного моря оставалось совершенно открытым»²⁹.

Потемкин решил заложить ряд новых военных укреплений, которые, по его замыслу, простираясь от Терека до Дона, оградили бы южнорусские земли и послужили бы началом планомерному завоеванию Северного Кавказа. Теперь Россия принимает практические шаги к тому, чтобы Кабарда не только де-юре считалась ее составной частью, но и де-факто³⁰.

В 1777 г. на громадном пространстве между Азовом и Моздоком, тогда еще ничем не прикрытом, было начато возведение линий военных укреплений, в которых были поселены казаки с Волги и Хопра. Из переселившихся волжских казаков был образован Волжский казачий полк, расселившийся в пяти укрепленных станицах: Екатерининской (впоследствии Екатериноградской), Павловской, Марьевской, Георгиевской и Эндереевской (Андреевской)³¹.

Хоперский полк занял пять других станиц: Александровскую, Северную, Ставропольскую, Московскую и Донецкую. Военный историк и современник – В.А. Потто, говоря о значении вновь создаваемых крепостей, отмечал: «В течение 1777-го и 1778 г. поставлены были все десять крепостей: 1) на урочище Бештамак, при слиянии Малки и Терека, имела важное стратегическое значение как пункт, удерживающий спокойствие в Малой.Кабарде и открывавший путь в горы, 2) Павловская, на р. Куре прикрывала Соляной Брод и главную дорогу из Кабарды вниз по р. Куме к соляному Етагольскому озеру и в Астрахань, 3) Марьевская на Золке служила промежуточным пунктом между крепостями Павловской и Георгиевской, 4) Георгиевская крепость считалась самой важною, которая имела на своих валах в дальнейшем до 122 пушек, отсюда, находясь в центре Кавказской линии, она могла целиком и полностью выполнить важнейшую роль сковывания, парализования возможных действий горцев против линейного войска»³².

В различных пунктах Кабарды были поставлены русские гарнизоны. Начальники этих гарнизонов одновременно выполняли функции гражданской администрации³³. Многочисленное кабардинское население стало терять свои земли, которые забирались русским командованием для постройки крепостей, станиц, раздачи земель за службу и т. д. «Кабардинцы были народ простой, воинственный; главным занятием их было коневодство и скотоводство. Для этого они нуждались в пастбищах. Постройка крепостей и поселение в них воинов-земледельцев, т.е. казаков, естественно, уменьшало и стесняло пастбищные угодья и приволье кабардинцев. Постройка крепостей нарушала прежний их уклад жизни, их торговые и соседские отношения с ближними народами»³⁴.

Понимая значение сооружения Кавказской линии, которая с каждым днем принимала все более угрожающие контуры,

кабардинцы по воле судеб оказались перед дилеммой: либо отстаивать свою независимость, либо признать подвластность своего народа³⁵.

Постройка русскими войсками крепостей Кавказской линии вызвала вооруженное сопротивление кабардинских князей. Этому способствовало и подстрекательство турецких и крымских эмиссаров, что мы уже отмечали. Сначала военные действия кабардинцев носили характер мелких нападений на небольшие воинские команды. Когда же они убедились, что царские войска строят не мелкие редуты, а закладывается целая система заселения края, по словам В.А. Потто, «грозящая их самобытности, они дали клятву уничтожить новую линию, хотя бы ценою тысячи жизней и целыми потоками крови». Далее Потто пишет: «Горцы превосходно понимали разницу между занятием страны военной силой и истинным завоеванием ее, т. е. заселением»³⁶.

В январе 1778 года кабардинский трехтысячный отряд (у В.А. Потто до 4 тыс.) намеревался напасть на Павловскую станицу. Однако, узнав о приближении генерала Якоби с драгунским полком и егерскими батальонами, отступил.

С возведением укреплений еще более острой становится проблема беглых кабардинских крестьян. Надо признать, что в отношении этого вопроса царское правительство продолжало проводить очень тонкую, двойственную политику. На этой почве происходил раскол кабардинского общества. Царское правительство, которое в целом, быть может, и развязало этот конфликт, искусно спровоцировав его, не давало разрядиться сложной внутренней противоречивой обстановке в кабардинском обществе. Кабардинские князья и дворяне не хотели терять своих подвластных. Русское же правительство, опираясь на многочисленные жалобы зависимого населения, в которых, как правило, указывалось на обременение непосильными поборами и жестоким обращением князей, принимало практические меры по урегулированию конфликта³⁷.

Такая политика носила многофункциональный характер: во-первых, это подрывало господство кабардинских князей и дворян в управлении кабардинским обществом; во-вторых, притесняемые феодалами крестьяне больше стали обращать свои взоры в сторону Российской империи; в-третьих, кабардинские князья, озабоченные внутренними распрями, должны были раз

и навсегда забыть о враждебной по отношению к России связи с Османской империей.

Царские власти всячески одобряли всевозможные разобщения внутри кабардинского общества, выделяя, что «...нужно и впредь давать пристанище бедному народу, от притеснения князьков своих убегающему. Таким образом, не только чернь будет иметь способ избавиться от порабощения, но и владельцы, лишаясь подданных, не в состоянии уже будут производить каковых-либо беспокойств, и сила прослужит надежным способом к обеспечению границ наших. Дачу земли под поселение производить им по примеру губернии Новороссийской, не воспрещается впрочем и самим владельцам переселяться на линию»³⁸.

Хотя вопрос о бегстве зависимого населения был во многом вопросом внутренних противоречий кабардинского общества, нельзя сбрасывать со счета то, что политика царского правительства послужила катализатором этого процесса, придав ему более масштабный характер. Наметившееся после 1774 г. необратимое ослабление внешнеполитической системы Кабарды кардинально меняло ее геополитическое положение на Северном Кавказе. Все эти обстоятельства подвели черту под целой эпохой политической истории Кабарды и положили начало ее подчинению Российской империи.

Примечания

1. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. С. 517; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы. В 2 т. М., 1957. Т. 2. С. 218–220. (Далее: КРО).

2. КРО. Т. 2. С. 233, 238, 239.

3. Там же. С. 239.

4. Там же. С. 269–274.

5. Бутков П.Г. Материалы... Ч. 1. С. 293.

6. Там же. С. 294, 295; КРО. Т. 2. С. 292, 297.

7. Бутков П.Г. Материалы... Ч. 1. С. 297, 298; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 440, 441.

8. Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе. Нальчик, 2001. С. 331, 332.

9. Бутков П.Г. Материалы... Ч. 1. С. 306.

10. КРО. Т. 2. С. 29–304; Бутков П.Г. Материалы... Ч. 1. С. 313–322.

11. Бутков П.Г. Материалы... Ч. 1. С. 327–331.
12. Там же. С. 493, 494.
13. Там же. С. 330–332, 494, 496.
14. Смирнов Н.Л. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVII–XVIII веков. Нальчик, 1948. С. 104.
15. История многовекового содружества: к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России / Под. ред. Б.Х. Бгажнокова. Нальчик, 2007. С. 148.
16. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1997. Т. 2. С. 265.
17. История многовекового содружества... С. 148.
18. Мальбахов Б.К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова. Нальчик, 1998. С. 90.
19. Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Орджоникидзе, 1984. С. 339.
20. Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999. С. 21.
21. Виноградов Б.В. Дискуссионные проблемы этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. // Научная мысль Кавказа. 2004. № 4. С. 67.
22. Материалы по истории Осетии. Орджоникидзе, 1933. Т. 2. С. 300.
23. Суворов А.В. Сборник документов. М., 1951. Т. 2. С. 46.
24. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 41.
25. Там же. С. 42.
26. Кажаров В.Х. Столкновение цивилизаций и первые поражения Кабарды в 60–90-х годах XVIII века // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2006. С. 238.
27. Бутков П.Г. Указ. соч. С. 42.
28. Там же. Ч. 2. С. 48.
29. Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 2. С. 123.
30. Дзамихов К.Ф. Указ. соч. С. 48.
31. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988. С. 450.
32. Потто В.А. Указ. соч. Т. 2. С. 131.
33. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958. С. 107–108.
34. Кудашев В.И. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 2001. С. 70.
35. Маремкулов А.Н. Основы геополитики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII – начале XIX века: Политико-правовой аспект. Нальчик, 2003. С. 80.
36. Потто В.А. Указ. соч. Т. 2. С. 136.
37. Маремкулов А.Н. Указ. соч. С. 81.

38. Мутенин И.Т. Русский народ и народы Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. Орджоникидзе, 1954. С. 469.

I.B. NAGOEV

THE FIRST STEPS AND FIRST LESSONS IN THE CAUCASIAN WAR

This article discusses the initial period of the Caucasian War. Radical change in Russian-Kabardian relations. Describes the foreign factor that influenced the status of Kabarda. Based on the example of the conquest of Kabarda can trace the priority of the different factors, which together represented a part of the concept of national interests of the Russian state.

Keywords: Caucasian War, Catherine II, Kabarda, princes, Turkey, Crimea.

УДК – 94 (470.6)

Ф.А. Озова
(г. Черкесск)

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПАРАДИГМЫ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ – НАЧАЛО ЗАВОЕВАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА (1762–1770-е гг.)

Имеющиеся в отечественной историографии разночтения в отношении периодизации Кавказской войны требуют дальнейших эмпирических и теоретических исследований. Изучение политики Екатерины II в регионе Центрального Кавказа в 1763–1770 гг. выявляет, что парадигма Кавказской войны сформировалась в первые десятилетия ее царствования. Анализ стратегии и тактики, набор эмпирических данных по нескольким наиболее важным аспектам кавказской политики в рассматриваемый период позволяет нам утверждать: начало Кавказской войны было связано с аннексией значительной территории между рекой Терек и урочищем Моздок в 1763 г. События 1763–1770 гг. можно рассматривать как первый этап Кавказской войны.

Ключевые слова. *Парадигма, Кавказская война, Центральный Кавказ, Кабарда, проект, Азов, Моздок, антиколонияльные выступления.*

1. 1763 год и устройство Кавказской линии

Начало Кавказской войны в отечественной историографии обозначается множеством дат (1559, 1711, 1763, 1779, 1800, 1816/1817, 1818 и др.)¹. В 1711 г. было начато строительство Терской линии (из которой развернулась позднее Кавказская линия): российская граница была передвинута от устья Волги к берегам Каспийского моря. Тогда император Петр I колонизировал гребенскими казаками (потомки бежавших за р. Сунжу из-за участия в произведенном Мариною Мнишек и Заруцким Донском бунте) небольшие территории, находившиеся до того под экстерриториальным управлением кабардинских князей Сунчалеевичей-Черкасских, род которых пресекался в начале XVIII в., и русских воевод². Император Александр II также указывал на эту дату как на дату начала Кавказской войны³.

Официозная версия связывает начало Кавказской войны с эпохой командования Кавказским корпусом А.П. Ермолова (1816–1827). Эта точка зрения аргументируется тем, что «взаимосвязанные события 1818–1864 гг. в Дагестане, Чечне и Северо-Западном Кавказе» были «детерминированы единым комплексом причин» и имели «четко выделенные субъекты военных действий»⁴. Эта хронология, на наш взгляд, связана и с тем, что в этот период окончательно утвердилась парадигма Кавказской войны. Это проявилось, прежде всего, принятием ряда юридических актов, определивших характер войны вплоть до ее конца⁵.

В черкесской историографии началом Кавказской войны считается 1763 г., когда взошедшая на престол Екатерина II (1762–1796) развернула энергичную завоевательную политику в нескольких странах, в том числе и Черкесии. Отражением этой активности стала организация российским правительством «четко осознававшим собственные интересы и цели», 5 отрядов академической экспедиции для исследования сопредельных Российской империи «малоизвестных, а то и вовсе неизвестных территорий». Из них 2 отряда под руководством С.Г. Гмелина и И.А. Гильденштедта были направлены на Кавказ. Прибывший в Кизляр в декабре 1769 г. И.А. Гильденштедт занялся сначала «политической рекогносцировкой, подразумевавшей упрочение позиций Российского государства». Другая стоявшая перед ним задача состояла в проектировании «новой пограничной линии Российской империи»⁶. Он писал, что в 1763 г. «поставлены были по Тереку только на 160 верстах вверх от устья крепостцы, из коих лежащая на западе казацкая станица Червленова была крайняя. В помянутом же году еще далее на запад на 100 верст от сей станицы подвинулись, и там заложили крепость Моздок. Вскоре по сем принято намерение – великое сие разстояние между новою сею крепостью и последней козацкою станицею населить. В 1770 г. предполагалось в разных местах по Тереку поселить 850 семей донских и волжских казаков, «но оные после по причине опасности от войны, в одно место собрались и станицу Наур основали, которая лежит по середине между Моздоком и Червленовою: при том часть из них поселились вверху вблизи крепости Моздок». Таким образом, Терек перестал быть «порубежною рекою», русская граница передвинулась от Волги в глубь Кабарды на 100 верст по линии урочища Моздок⁷. В том

же году были образованы станицы: Калиновская, Мекенская, Ищорская и Колюгаевская. Все они получили название Моздокского полка⁸. Описанная экспансия привела к трансформации дружественных и союзных русско-кабардинских отношений во враждебные. Кабардинская аристократия требовала не строить город при Моздоке, оставить лишь форпост. В 1764 г. кабардинские князья заключили союзнические договоры с закубанскими владетелями о взаимопомощи в случае нападения на них «от Крымской или Российской стороны»⁹. В 1764, 1766 гг. были предприняты безуспешные попытки по уничтожению Моздока. В 1767 г. население Большой Кабарды было передвинуто в Пятигорье, Малой – в горы¹⁰.

В 1773 г. Гильденштедт предпринял исследование территории между Моздоком и Азовом. Он писал, что «сочинил по компасу и по часам езды оной карту, положил на оной начертание для продолжения порубежной Линии от Терека до Азовского моря и переслал в Императорскую академию наук в одном отправленном рапорте». Вслед за ним в 1775 г. эта территория подверглась рекогносцировке обер-квартирмейстером подполковником Германом, чтобы «места для крепостей точно назначить»¹¹.

В 1776 г. князь Потемкин принял звание Астраханского, Азовского и Новороссийского генерал-губернатора и царского наместника. Князь, никогда не видевший Кавказа, управлял на тот момент в значительной мере виртуальными губерниями из Петербурга.

В 1776 г. астраханским генерал-губернатором и командиром Кавказского корпуса был назначен И.В. Якоби (1776–1780). Последнему были вверены подчинявшиеся прежде генерал-поручику де Медему войска Кизлярского края¹². Он же возглавил проектирование и строительство протянувшейся по всей территории Черкесии от Моздока до Азова фланга Кавказской линии¹³. 24 апреля 1777 г. проект строительства Азово-Моздокской линии был утвержден Г.А. Потемкиным и представлен Екатерине II. Главное предназначение этой линии состояло, как и основанной Петром I в начале XVIII в. и оставленной в связи со строительством Кавказской линии Царицинской линии (1720–1776), в постепенном выдавливании обитавших в этих местах народов на юг и восток. Потемкин подчеркивал, что строительство новой

линии между Терекком и Доном, названной впоследствии Кавказской, соединит в единое пространство «Азовскую губернию с Астраханскою», а также станет плацдармом для дальнейшей экспансии «в Крыму и протчих местах», в числе которых были Кабарда и Осетия. Предполагалось построить в стратегически важных районах региона 10 крепостей. Территории вокруг них, богатые лесом, хорошей водой, пастбищами и пашенными землями, принадлежавшие и активно использовавшиеся кабардинскими князьями, предназначались для колонизации их казаками Волгского (Волжского) войска и Хоперского полка Донского казачьего войска (приказ Екатерины II Потемкину об этом был дан в 1776 г.). Так как Кавказская линия должна была стать результатом экспансии, то Потемкин писал Екатерине о необходимости подключения к обоснованию ее строительства Министерства иностранных дел: «А как заложение сей линии имеет связь с делами заграничными, то не благоугодно ли Высочайше указать о всем касающемся до того снести мне с Министром первого класса, Его Сиятельством графом Никитою Ивановичем Паниным»¹⁴. И.В. Якоби получил на реализацию проекта 50 000 руб., из которых было израсходовано 23 764 руб.

В 1777 г. под прикрытием регулярных войск, волжских и хоперских казаков началось строительство линии. На 250 верстах на запад-северо-запад от Моздока было заложено семь крепостей (Екатеринградская – на р. Малка, Павловская – на р. Кура, Марьинская – на р. Золка, Георгиевская – на р. Малая Кума или Подкумок, Андреевская – на р. Чечора, Александровская на р. Томузловка, Ставропольская на р. Чла) со множеством редутов между ними¹⁵. В 1779–1780 гг. были построены крепости Московская и Донская на р. Ташлу. Для изоляции кабардинцев от закубанских черкесов в 1780–1783 гг. была построена в сердце Кабарды на р. Малая Кума станица Константиногорская, которая стала контролировать значительную часть района Пятигорья (Кавказских Минеральных Вод)¹⁶.

Крепости получили по тому времени первоклассное артиллерийское вооружение. Ключевое место среди них занимала Георгиевская крепость, контролировавшая долины Кумы, Подкумка, верховья Малки и Баксана: «крепость Святого Георгия стояла среди поселений горцев и смотрела жерлами своих пушек и на Большую и Малую Кабарду». В 1778 г. на ее вооруже-

нии находилось 24 пушки, 10 мортир и 4 гаубицы; здесь была расположена штаб-квартира командующего Кавказской линией генерала Якоби. При крепостях были построены станицы, носившие те же наименования, что и крепости; их заселили в знак наказания участвовавшими в Пугачевском восстании казаками¹⁷. Таким образом, сформировался левый фланг Кавказской линии спустя более 50 лет после ее основания Петром I¹⁸.

В это же время на противоположной стороне, несмотря на то, «что ни по каким договорам с турками и крымцами еще тогда России не принадлежащей», строительство линии от Кубани до Азова осуществлял командир Кубанского корпуса генерал-поручик А.В. Суворов (1777–1778). Весь правый берег Кубани был занят 4 укреплениями (при впадении Лабы в Кубань – Александровская, при устье Конура – Марьинская, Копыл, Новотроицкая), 20 редутами и одним фельдшанцем. Войсками взяты Копыл, Темрюк, Ачуев, Керпели. «Созданию сих укреплений, хотя черкесы и делали препятствия, но маловажные; а от войск российских частые были за Кубань поиски, чтоб сей новой линии доставить должное уважение». В 1780 г. эта линия была довершена генералом Якоби¹⁹.

2. Проекты завоевания Кабарды

В соответствии с екатерининской доктриной восточного вопроса «территориального урезывания» и «раздробления соседа»²⁰, одним из аспектов которого в 1760-е гг. был черкесский вопрос, т.е. вопрос по захвату территории Черкесии, стало планироваться «присоединение» отдельных территорий Черкесии. Несмотря на то, что в этот период ее восточная часть (Кабарда) согласно Белградскому договору имела статус независимой страны, по поручению правительства российскими чиновниками были подготовлены проекты по аннексии в первую очередь ее территории, занимавшей ключевое стратегическое положение на Кавказе. Впоследствии эти планы стали фундаментальной основой парадигмы Кавказской войны. Из документов, подготовленных в 1760–1770-е гг., наиважнейшими являются:

1) Рапорт кизлярского коменданта генерал-майора Н.А. Потапова в Коллегию иностранных дел с изложением мер «по при-

ведению в покорность» кавказских народов в условиях войны с Турцией (2 декабря 1768).

2) «Представление капитана М. Гастотти в коллегия иностранных дел о поведении кабардинских феодалов в период Русско-турецкой войны с изложением его мнения о той политике, которую следует проводить царскому правительству в Кабарде» (ранее 15 октября 1770 г.).

3) «Представление астраханского губернатора П. Кречетникова о Малой Кабарде...» от 24 апреля 1775 г.

В связи с развернувшейся в 1768 г. очередной Русско-турецкой войной кизлярский комендант докладывал в коллегия иностранных дел, что кабардинцев «весьма надобно обратить на прежнюю к России усердность»²¹, удовлетворив некоторые их требования к русской стороне, как, например, возвращение беглых крепостных мусульманского вероисповедания, которого кабардинские князья добивались со времен Петра I. Но в то же время Потапов рекомендовал: «Первоначально, кажется, надлежит кабардинцов и кубанцов оголодить. Отогнать их скотские и конские табуны з здешней и донской стороны лехкими войсками и калмыками, отдавая оные в награждение употребленным войскам или как приказано будет. Весною ж истребить их хлеб, о котором оне начнут пещись, и потому останутся оне голодны и негодны будут ко всем предприятиям, тем больше, что не имеячи скота и хлеба, совсем обнищают, а без лошадей что могут предпринимать? Да хотя б и имели последних, известно сие воины без хлеба в степи дикие войти не в состоянии. Следовательно, и завозить с собою, как бывают распоряжки в европейских державах немного могут, а от сожительствоющих далее за ними, которым будет самим до себя, что получают? Равным образом и Крым, кажется, не в состоянии им будет супсистенцию доставить, будучи отдален, и може в другую сторону обращен»²².

Потапов сразу же воплотил предложенную тактику в жизнь. 10 декабря 1768 г. он самовольно захватил 24 тыс. овец, принадлежавших кабардинским князьям Наврузу, Мыкыл Али и Куртали Исламовым (род Мисостовых), Кыльчуке Кайсинову (род Джамбулатовых) и тлякотлешам Тамбиевым, заявив, что скот взят в баранту за пропавших в дороге казаков²³. Действия Потапова вызвали негодование в Кабарде и возмущение в Петербурге. Российское правительство признало их несвоевременными

(шла Русско-турецкая война и строились планы аннексии всей Черкесии путем политической консолидации ее князей вокруг кабардинских Иналидов). Кабардинские князья с протестом обратились как к самому Потапову, так и к астраханскому губернатору. «А баранту изволили захватить без всяких притчин, чего вовсе не подлежало, о чем и вам довольно известно», – писали они кизлярскому коменданту²⁴. В письме к астраханскому губернатору Н.А. Бекетову они отмечали (было получено адресатом 9 февраля 1769 г.); (приводим его практически полностью):

«По обыкновенном комплименте Вашему превосходительству во известие о оказываемой ее императорскому величеству от Кабардинского народа службе и услугах сообщаем: во-первых, в жизнь покойного Кургук бека (пшыщхуэ Кабарды Кургоко (1695–1712). – О.Ф.) наши кабардинцы с отчаянием своего живота и со всею ревностью сорок тысяч крымского войска встреча при горе называемой Канжак при помощи всемогущего господа и высоким императорским счастьем получе совершенную победу оное предали посечению, но хотя нам самим себя возносить похвалами неследственно и неприлично, но по причине чинимых нам обид и утеснения и за неприятие приносимых от нас жалоб за вместно почитаем сим хвалиться.

Второе – султан Бахты Гирей троекратно собирав свои войски чинил на нас нападение, но милостию всевышнего господа Бога, мы его победа совсем разбили и разсеяли его силы.

Третье – Бахты Гирей султан когда обитающих по реке Волге народов имянуемых едисанцами и Джанбулугцами выгонял тогда мы все ево войско разбив и разогнав, а самого убили, о чем оставшиеся от них, которые ныне называются каравальцы (то есть ногайцы) жительствоуют в Астрахане и в калмыках могут достоверно засвидетельствовать.

Четвертое – донское войско подле речки Кумы в местечке имянуемом Чанак Перек Крымским войском осажено и приближалось к смерти и неуповая ни с которой стороны получить себе помощи во отчаянии были в крайнее изнурение и изнеможение пришло, то в самое то время покойный Мутамед бек, с Касай беком (Бамат Кургокин и Касай Атажукин (Хатокшоко), 1769 г. – О.Ф.), собрав свои силы и противу их отправясь со всею неустрашимостию на них напад и все Крымское войско разогнали и таким образом Черкасск (который был совсем в отчаянии) от неприятельских рук освободили, причем означенные Мутамед бек и Касай бек премногие получили раны и жестокие претерпели труды, потом Крымское войско пришед на реку Кубань в местечке называемое Учъ Куль с намерением, чтоб взять к себе российских подданных около гор сидящих народов, а притом оне то свое предприятие на наших глазах хотели произвести в действо, то мы рассуждая, чтоб нам сие пред ее императорским величеством во ответе не остаться, в таком случае по-

ложась на Бога училили с ними сражение и самого храбрейшего убили и потом помощью всевышнего господя Бога над ними действительную одержали победу и столь их побили, что Кубань река протекла кровию.

Напоследок нынешнею осенью Сокур Арслан бек Хаджа с четырьмя тысячами военных подкочевал уже близь нас в намерении таком, чтоб взять Кизлярскую крепость, хотя в сем как вам так и калмыкам ни малейшего известия не было, однако мы, помышляя, что наша злоба против ее величества незначущая ничего, но паче уповая паки от ее императорского величества милостию пользоваться, то мы войско то возвратили и токо просим и сию оказанную ее императорскому величеству службу причислить к прочим знатным заслугам.

Если же Вашему превосходительству представляем, что елико мы выхваляя чинимые ее императорскому величеству заслуги здесь описали да и сколько от нас уже приносимо жалоб было, то сие произошло от нижеследующей причины, ибо по милосердию и щедротам ее императорского величества мы по примеру прочих жалованных народов на реке Тереке местечко именуемое Моздок имели скотским выгоном и пашенными угодьями и своим прибежищем, в котором по милости ее императорского величества мы препроводили свое время и прохладном избыточестве, но ныне Кизлярской комендант в вышеоглавленном Моздоке – зданием крепости пресек все наши прежние довольства, притом столько наших властных служителей отшедших от нас удержал, что о числе оных Бог известен, чего ради мы неоднократно к ее императорскому величеству с жалобою нарочных посылали но нимало оной непринели, почему ныне мы будучи развращенными думали, что **вы намерены нас вовсе истребить, ибо презрев все наши услуги преклонились ко удержанию наших служителей, а может еще предприятие имели и с нами поступить теми же мерами** (выделено нами. – О.Ф.), коим образом мы опасаясь таких случаев перешед поселились в местечке БешТуде, но ее императорское величество показала б свое милосердие и нас искреннейших рабов помиловала происходимое между нами великое между усобие и мятеж причинившийся по Моздотской крепости через разорение оной благоволила прекратить, и тем нас вернейших рабов возстановить на верх нашего благополучия, а мы б по древнему обычаю в случае какого либо в здешних областях приключения касающегося до наших услуг со совершенною ревностию.

В заключение сего имеем честь Вашему превосходительству еще следующее сообщить, мы Кизлярскому коменданту словесно представляли, чтоб он нас среди стороны Моздоцкой не ссылал, что между нами и российскими селениями в порожних яко от верстных местах партии разбойнически размножаться и чинить будут грабительствы и огорчения, а именно ногайцы беслиненцы, и кемиргуйцы подбегая, как коней, так и людей принадлежащих к вашей стороне красть и отгонять будут, и с каким домогательством мы его ни проси-

ли. Чтоб тот Моздок разорил, но нимало он наших предложением не принял, и ныне по предсказанию нашему появясь партии разбойничьи уже до несколько человек людей так же и коней украв отогнали, а со стороны вашей за учиненной бислинейцами и темиргуйцами сей грабеж захватили у нас в баранту двадцать четыре тысячи баранов и несколько человек людей, при том же никогда изстари таких поведением не бывало, чтоб через нападение в степи на наш кош, что ныне последовало, захватя дву наших человек и при них пят ружей, шесть лошадей и одну само лучшей доброты саблю увезли и таким то образы причиняют нам обиды и притеснения, чего ради Вашего превосходительства просим явить с нами Ваше милосердное о всех выше изображенных наших представлениях и жалобах, кои уже Вам известными учинились донеся ее императорскому величеству к какому бы способом ни есть благоволили учинить нам ваше вспомоществование...»²⁵.

Это письмо дошло до Санкт-Петербурга 15 февраля. 11 марта 1769 г. последовал указ Коллегии иностранных дел кизлярскому коменданту Потапову, в котором было высказано «удивление и неудовольствие» захватом 24 000 баранов и приказано их вернуть: «Но когда ищется поколебать в верности Порте и те горские народы, которые поныне в ее подданстве считались, то не странно ли долженствует казаться, что Вы, напротив того, такой народ, который издревле держался Всероссийской империи, который, несмотря на бывший с Портой Оттоманской последний трактат, однако же, из здешнего подданства себя не исключил. Хотя и свободным был оставлен, и который теперь, когда война настала, заботиться удостоверять, что еще доброжелателен, - изыскивая к тому способы то через наместника ханства калмыцкого, то через губернатора астраханского, - привели строгим Вашим поступком в отчаяние»²⁶.

Кабардинские дела в 1769 г. были переданы из ведения кизлярского коменданта в ведение командующего войсками на Кавказе генерал-майора де Медема. По данной ему из Петербурга инструкции генерал должен был продемонстрировать максимально силу русского оружия, испытать его на противниках; разжигать огонь междоусобий; добиваться, чтобы кабардинцы «навсегда остались в российской стороне, и для того внушить кабардинцам, чтоб они данников своих из-за Кубани выводили на свою действительную землю в продолжении еще войны»²⁷.

Большая часть кабардинских князей приняла покровительство Екатерины II в 1768 г. Часть же их во главе с очень влиятельным князем Мисостом Баматовым, отказавшись от покровительства императрицы, удалилась в урочище р. Ешкакон впадающей в Подкумок (Малая Кума). Медом впервые с 1641 г. применил против кабардинцев оружие русских регулярных войск. Против нескольких сотен кабардинцев был направлен отряд из гусарского эскадрона, 800 казаков и 3000 калмыков при двух орудиях под предводительством князя Ратиева. «Кабардинцы оборонялись с отчаянием, имея притом и места выгодность; со всем тем в такое приведены были утеснение, что наступившая только ночь совершенно истребить их в тот день воспрепятствовала, а на другой день отвратили они угрожающую им погибель принятием покорности»²⁸. Вследствие – все кабардинские поселения были переведены из верховьев Кумы на Баксан, покровительство русской императрицы было принято и владельцами Малой Кабарды²⁹.

Вот как были представлены эти события в письме Екатерины Вольтеру от 22 сентября 1769 г. из Петербурга: «Дѣйствительно черкесы-горцы присягнули мнѣ в вѣрности. Это тѣ, которые населяют страну называемую Кабардой, что произошло вслѣдствіе победы, одержанной нашими калмыками, при поддержке регулярных войск, над кубанскими татарами – подданными Мустафы, живущими в странѣ, пересѣкаемой рекою Кубанью по ту сторону Дона»³⁰.

Изменившийся расклад сил в кавказском регионе в результате захвата войсками генерал-аншефа В. М. Долгорукого Перекопской линии, Кафы, Керчи, Еникале и всего Таманского полуострова в июне 1771 г. лишил придерживавшихся крымской ориентации кабардинских феодалов точки опоры. По Карасубазарскому договору (1772) между русским и крымским двором Кабарда была «уступлена» крымским ханом Екатерине II³¹. Царское правительство сменило тактику в отношении кабардинских князей: использовавшийся с петровских времен предлог дипломатического посредничества в междоусобных спорах кабардинских князей был оставлен. Было заявлено о «невмешательстве» российской стороны в кабардинские межкняжеские междоусобицы. Эта политика была наиболее отчетливо обоснована в представлениях капитана Гастотти в Коллегию иностранных

дел (1770)³². Многие из его предложений определили принципы кавказской политики царского правительства на десятилетия вперед. Стратегию России на Кавказе Гастотти сформулировал так: «Как небезизвестно, что под защищением России, да и в независимости живущие горские народы во всем следуют Великой Кабарде, то нужно кажется привести ныне Кабарду в такое состояние, чтоб впредь а особливо в продолжение нынешней войны, можно было некоторым образом ее принудить ко всему, что нам угодно и потребно, и чтоб для переду не надобно было опасаться каких либо с ее стороны хлопот и беспокойств на границах»³³. Для этого он рекомендовал:

1) продолжать практику дипломатического заложничества-аманатства, забирая в аманаты сыновей наиболее «сильнейших владельцев»;

2) «всегда возбуждать распри и несогласия между кабардинцами, и всячески не допускать, чтоб обе партии примирились прежде нежели то потребно будет»;

3) «уговорить посланного от первой партии (на тот момент русофильской Баксанской. – О.Ф.) депутата, чтоб он для большей безопасности и для решения случающихся между ними споров, выпросил одного офицера с командою. <...> Он останется при них под видом примирителя несогласий их, но в самом деле всегдашнем бичем, коего и тени они довольно страшиться будут»;

4) шантажировать кабардинцев реквизицией имущества;

5) «ослушников» принуждать военной силой;

6) удовлетворить просьбу кабардинской аристократии в возвращении беглых крепостных или вознаграждать их за них в 60–70 % от их цены (60–70 руб. за человека в среднем)³⁴.

В связи с необходимостью заручиться лояльностью кабардинских князей в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. было решено удовлетворить некоторые из их требований к русскому правительству. 12 сентября 1770 г. императрице было представлено кабардинское посольство Кургоко Татарханова и Джанхота Сидакова. Ответом на их миссию стала «Граммата к кабардинским владельцам» Екатерины II от 9 августа 1771 г. Императрица признала прежние «усердие и верность кабардинских владельцев», которые «столько были надежны как бы самые россияне». Строительство Моздока и аннексия 100-верстной полосы кабардинской земли, вмещавшей в себя транскавказские магистраль-

ные пути, вокруг которых шла борьба между Турцией, Россией и Персией на протяжении конца XVI – 60-х гг. XVIII в., было названо ею «предлогом маловажным». Екатерина сетовала, что этот «маловажный предлог» способствовал изменению отношения кабардинской аристократии к русскому двору «учинились подозрительными»³⁵. В итоге она, удовлетворив второстепенные требования о том, чтобы все владельцы, кто решился бы принять крещение и перейти в русские пределы, оставляли бы свои земли в Кабарде «в пользу вашего общества и никакого на то притязания не производили»; о выплате за беглых холопов христианского вероисповедания половину их стоимости, и в возвращении «все природныя кабардинския холопи», отказала в первом и главном требовании – от аннексии имевшей стратегическое значение для защиты и развития Кабарды территории³⁶. Было подтверждено сохранение в русско-кабардинских отношениях института аманатства: «аманаты содержаны будут по древнему обыкновению в нашей стороне от таких из вас владельцев, которых дети действительными аманатами почтены быть могли б...»³⁷. Кабардинские князья продемонстрировали свое отношение к «Граммате...» отказом от выплаченных в это время за их службу в предыдущие годы денег. Надо сказать, что обязательства императрицы не всегда выполнялись и после 1771 г. и использовались зачастую как средство давления на отдельных непокорных кабардинских феодалов³⁸. В Кабарду был «по просьбе кабардинцев» назначен приставом ногайский мурза на русской службе секунд-майор Дмитрий Таганов (1769–1783).

В 1775 г. Екатерине II было направлено «Представление астраханского губернатора П. Кречетникова о Малой Кабарде с изложением его мнения о политике по освоению этого края». Здесь были широко освещены вопросы о методах кавказской политики царского правительства. Кречетников обращал внимание на природное богатство Кабарды, где места «преизобильные как плодородием земли, так и лесами, лугами, вообще всем произрастанием и к поселению наилучшая». Его интересуют и «горы с их сокровищами», и организация добычи руды с наибольшими выгодами для государства, для чего использовать местное население, заставляя подвозить руду за самую низкую плату, «дабы тем не зделать вдруг прибытка, коего они по сие время еще не знают»³⁹. Не исключая мер военного характера для укрепления

власти царского правительства на Кавказе (писал о необходимости содержания войск в крае), Кречетников делает упор на иные средства влияния и, прежде всего, на ассимиляцию.

1) Ассимиляция через христианизацию, для чего предполагалось усилить миссионерскую деятельность православного духовенства среди кавказских народов: «К тому ж некоторые из сих народов так же как и первые, не имея ни книг ни грамоты, и будучи ни магометанами или только одним словом и склонностью владельцев магометанский закон носят, то легко ожидать должно, что все примут христианскую веру, да и нетрудно посредством сообщения нашего народа совсем их язык, яко не имеющий своего основания, то ж и обычаи истребить»⁴⁰.

2) Ассимиляция через русско-кавказские браки: «Затем к сильнейшему воздержанию и ко опровержению их языка и обычаев нужным почитаю, те гарнизоны сделать поселенными, между сими выходцами из гор, и дать волю как им на солдатских дочерях, так и солдатам у них жетнитца, и тем нечувствительно язык и обычаи их выводить, а их распределять по сотням и ведомство наших служилых людей, под видом нечаянных набегов ко обороне, к чему оне и обязаны сами защищать свои жительства, и скот, что из них по их склонности кажетца и нетрудно сделать, а тем самым и будут привыкать к повиновению и нашему военному обряду»⁴¹.

3) Ассимиляция через совместные поселения кавказцев и казаков⁴².

4) Ассимиляция через устройство школ «для их владельческих детей с пристойным учением, воспитывать их благородно и потом старатца их вводить в службу регулярную и нерегулярную, в какую чья склонность будет, не касаясь на первый случай ни до веры, ни до платья и дозволить владельцам при детях своих по их нынешнему обычаю посылать дядек и мамок, без коих оне ни под каким видом никуда не отпускают. <...> А сие самое и сходствовать будет с указом в. и. в. из государственной Коллегии иностранных дел апреля от 8-го 1763-го года, коим повелено содержащихся в Кизляре горских аманатчиков старатца склонять ко обучению российской грамоте и приводить в людкость...»⁴³.

5) Колонизация также должна была вестись «под претекстом веры и возобновления разоренных церквей»⁴⁴.

6) Казачья колонизация⁴⁵.

7) Въезд русских купцов в Кабарду для развития обоюдовыгодной торговли⁴⁶.

3. Антиколониальные выступления в Кабарде

В 1777–1780 гг. попытки осуществления вышеизложенных планов, прежде всего, через аннексию кабардинских земель (в нарушение российским двором международных договоров) под Кавказскую линию привели к новой волне антиколониальных выступлений кабардинцев. Их причины очень хорошо осознавались в Коллегии иностранных дел (1775⁴⁷): «ныне же, как построен город Моздок, лишились они всего того изобилия и богатства, особливо когда открылась линия Кавказская, и все прежние места их отошли под слободы и селения россиян»⁴⁸. Протесты кабардинских князей против колониальной политики Екатерины II были проигнорированы.

Тогда они решились «препятствовать продолжению постройки крепостей силою оружия, несмотря на то, что в Кизляре содержались их заложники»⁴⁹. Другой существенной причиной антиколониальных выступлений был произвол царских чиновников Кавказской линии⁵⁰. Антиколониальные выступления достигли своего апогея в 1779 г., кабардинцы требовали срытия всех крепостей Моздокской линии, кроме Екатеринограда, старались пресечь сообщение между крепостями Марьинской и Екатериноградом, пытались уничтожить Андреевскую крепость. Вместе с кабардинцами в этих выступлениях принимали участие и закубанские черкесы – бесленей и кемиргой⁵¹. Выступления в Кабарде и закубанской Черкесии были согласованы: «черкесы в значительных силах под начальством Дулак-Султана, в последних числах мая 1779 г. <...> ринулись на русские крепости», главной их мишенью была Ставропольская крепость.

Объединенные силы кабардинцев и закубанских черкесов и чеченцев (до 15 000 чел.) в июне 1779 г. тщетно осаждали Марьинскую и Павловскую крепости, при этом траншеи на удивление царских офицеров были вырыты довольно профессионально только при помощи кинжалов и деревянных лопаток, был построен из брусьев щит на 6 колесах⁵². После поражения в этих боях «кабардинцы просили прощения». Они обещали кав-

казскому командованию возмездие причиненные убытки вдвое, только бы крепости Павловская⁵³, Марьинская и Георгиевская, находившиеся в гуще кабардинского населения были уничтожены. Занятие земель под эти крепости на ключевых в военно-стратегическом отношении территориях не только дестабилизировало социально-политическую ситуацию в Кабарде, но и привело ее фактически к хозяйственно-экономическому коллапсу, так как свои многочисленные стада кабардинцы стали вынуждены содержать «в пределах <...> жилищ в крайней тесноте...». Отказ кабардинцам на срытие крепостей дал новый импульс антиколониальным выступлениям, нападениям на команды, сопровождавшие русские провиантские транспорты по линии⁵⁴.

Якоби пришлось вызвать подкрепление: в сентябре на линию прибыл генерал-майор Фабрициан. Состоялись бои на реках Малка и Малая Кума (Подкумок). «Несмотря на многочисленность и мужество горцев, Фабрициан разбил их в двух сражениях на речках Малке и Покумке. <...> Наконец, 29 сентября, за Малкою произошло третье упорное сражение русских с кабардинцами, кончившееся совершенным поражением последних»⁵⁵. Кабардинские войска стояли на правом берегу р. Малка, лагерь князей и уорков находился у Соленого брода, основное войско – в 6 верстах от него. 2 батальона Томского и I Кабардинского пехотного полков, 10 эскадронов Владимирского драгунского полка, Моздокский казачий полк Якоби и 2 батальона егерей, 2 роты полевого моздокского батальона, 1000 казаков, 1000 калмыков Фабрициана с соответствующим количеством артиллерии окружили княжеский лагерь, где находилось порядка 300 молодых князей и уорков. Попытка последних прорвать окружение войск и скрыться в горах была пресечена: «Якоби преследовал их и, остановясь на левом берегу Малки, производил пушечную пальбу; потом, отрядя от себя 2 эскадрона на противную сторону Малки, принудил их с великим уроном возвратиться в лагерь». «Кабардинцы, будучи в осаде 5 часов, выдерживали огонь со всех сторон, и так остервенились, что никак не сдались, и Фабрициан принужден был принять их на штыки и вырезать без остатку, чем и кончилось сражение. Немногие уйти успели. Тут были одни князья и уздени, а народ, в 6 верстах оттуда, который и бежал; найдено панцирей более 100, весь их лагерь с багажом; пушка и ее принадлежности возвращены. У нас убито 16, ранено 34; их убито до 300 молодых князей и дворян».

Всего в сражениях с войсками генерала Якоби и Фабрициана погибло в 1779 г. 3000 человек. В декабре 1779 г. кабардинцы вынуждены были признать свое поражение, выдать аманатов и согласиться с выплатой значительной контрибуции: «денег 10 000 руб.; лошадей 2150; рогатого скота 4759 голов и овец 4539». Однако Якоби, подозревая, что кабардинцы «притворным смирением и раскаянием хотят только выиграть безопасность на следующую зиму», 28 ноября «вступил в пределы жилищ Большой Кабарды и столько устроил их, что они, а вслед за ними – и Малая Кабарда чистосердечно уже умоляли о пощаде»⁵⁶. В черкесском фольклоре сохранилась песня-плач (гыбзэ) об этом сражении «Жэцтеуэ» («Ночное нападение»), которая дает представление о трагичности того дня для Кабарды, потерявшей тогда цвет своей аристократии⁵⁷.

Кабардинские князья «...с клятвою признали над собою власть России <...> и с тех пор оставались верными своей клятве»⁵⁸. Если Иналиды Кабарды в 1777 г. подчеркивали, что «они никогда российскими подданными не были и если со времен Иоанна Васильевича имели сношения с этим государством (Россией. – О.Ф.), то не как подданные и покорные царю, а лишь как конаки (союзники, партнеры. – О.Ф.)»⁵⁹, то после поражения в антиколониальных выступлениях 1777–1779 гг. они были вынуждены признать себя подданными императрицы. Согласно принятым на себя обязательствам, они признали границей Большой Кабарды и России р. Малка, а Малой – р. Терек. Кабардинцам запрещалось использовать левые берега этих рек для земледелия и скотоводства. Таким образом, вновь были аннексированы значительные территории Кабарды: земли по Куме, Зольские пастбища, районы Пятигорья и озера Тамбукан. На месте Малкинского сражения 1779 г. через год возникли укрепленные посты и редуты: Соленобродский, Пробежной, Беломечетский и др. С 1779 г. кабардинцам было запрещено въезжать на линию без билетов российского пристава при кабардинцах и без поручительства пщышхуэ Кабарды. Им запрещалось входить в крепости без особого разрешения, связь с западными черкесами стала квалифицироваться как уголовное преступление: кабардинцы не должны были «входить ни в совещание, ни в защищение их»⁶⁰. Политика социального раскола, и ранее проводившаяся в отношении Кабарды, приняла новые обороты. Постановления

российского правительства в отношении Кабарды были направлены в соответствии с рекомендациями вышеизложенных проектов не только на «ослабление кабардинских владельцев» пресечением связей их с соседними народами, но и изменением системы воспитания, «отнятием доходов, приобретаемых от иноплеменных народов» и, «наконец, что всего важнее, преподаванием способов черному народу мало уважать своих господ и всегда находить от них у нас убежище»⁶¹.

В июле–начале августа 1782 г. кабардинские князья вновь обратились к Екатерине II («Письмо кабардинских владельцев Джанхота Татарханова и других Екатерине II...»), пытаясь в очередной раз донести до императрицы всю тяжесть своего положения, в которое они были поставлены ее «политикой». Они писали: «Е. и. в. всемилостивейшей великой государыне. В. и. в. довольно известны весьма нужнейшие наши обстоятельства, в которых мы теперь находимся; но будучи уверены о высокомогущей вашей ко всем подданным милости и прощениях, подвергаем себя высокой вашей власти и, несумненно ласкаясь воспользоваться таковым же уважением, за нужное поставляем сим донести следующее: «Всему причиняемому от нас в границах российских беспокойству и набегам главная есть притчина – новопостроенные по Моздокской линии крепости, которыми мы всегда, будучи угнетаемы, довольное имели намерение, донеся о том в. и. в., просить о показании милостивого нам защищения, но не получа к тому никакого удобства, а терпя денно и ночно немалые беспокойства и уроны в людях, принужденными нашлись защищать себя по возможности, против нашего желания, и для того, чиня на некоторые новопостроенные крепости и протчие места набегу, делали оным вред не для иного чего, как только для того, чтобы сим самим подать в. и. в. о злостастиях своих известие, в чем обращаясь, поныне чувствовали и сами несравненно большие напасти и разорении, которые ныне против прежнего гораздо удвоились; чего ради мы, усмотревши таперь бесполезность сих наших дел, все единодушно согласились, подвергнув себя высочайшему в. и. в. покровительству, рабски просить во изъясненных выше сего наших виновностях, милостивого прощения, которое чрез сие всенижайше испрашивая, включаем себя в число верноподданных наших рабов, чтобы мы, находясь под благоразумным нашим руководством, имели удобной слу-

чай заслужить свой проступок по возможности нелицемерно, ибо мы, хотя еще и до сего все сии беспокойные дела наши прекратили, но теперь сами видим, что тем никакой себе выгоды не получили, поелику российские войскичинять теперь отгоны табунам нашим, грабление и убийствы людям, вдвое против прожняго большие, чрез что, наконец, принуждены мы будем чувствовать на себя немалую крайность, которую и снести надеемся не в состоянии, а тем подвергнем себя жестокому падению. <...>⁶². Однако это обращение, как и многие другие до и после него осталось без ответа...

Выводы

1) Стратегия и тактика правительства Екатерины II в черкесском вопросе, ставшем при ней одним из аспектов восточного вопроса, были развиты в подготовленных российскими военными чиновниками проектах по завоеванию Кабарды в 1760–1770-е гг., ставших впоследствии основой парадигмы завоевания Кавказа.

2) Проводившаяся здесь с петровских времен политика социального раскола была дополнена в екатерининский период политикой территориального «раздробления» Черкесии. Если в петровские времена главным элементом политики социального раскола было поддержание княжеских междоусобий, то в период правления Екатерины II был сделан упор на развитие антагонизма между правящими и податными сословиями Кабарды, что привело к межнациональному и социальному напряжению в обществе.

3) В соответствии с обозначенной стратегией «раздробления», несмотря на Белградский договор (1739–1774), согласно которому Кабарда имела независимый статус, было осуществлено в 1763 г. (с третьей попытки после 1744, 1750–1753 гг.) передвижение российской границы на 100 верст западнее Терека и аннексия кабардинских земель до урочища Моздок.

4) В 1777 г. было продолжено начатое еще Петром I строительство Кавказской линии, состоявшей первоначально из 10 крепостей. Оно привело к выводу из-под юрисдикции черкесских князей как на востоке страны (Кабарда), так и на ее западе обширных территорий, имевших большое значение для

ее экономического развития: пашен, пастбищ, транскавказских магистралей. Был перекрыт доступ кабардинцев к источникам соли, необходимой не только для нормального питания, но и в больших количествах использовавшейся ими в скотоводстве и коневодстве. Более того, Павловская, Марьинская и Георгиевская крепости были расположены в гуще кабардинского населения. Все эти акты российского правительства, а также произвол колониальных властей, положили начало не только антиколониальной борьбе кабардинцев, но и, как оказалось позже, всей Кавказской войне 1763–1864 гг.

5) В 1779 г. в ходе одного из самых значительных столкновений кабардинского ополчения с российской регулярной армией погиб цвет кабардинской аристократии. Результатом военного поражения кабардинцев в 1779 г. стали новые аннексии обширных земель в центре Кабарды: Прикумья, районов Пятигорья и озера Тамбукан, Зольских пастбищ. В результате этого поражения кабардинские князья были вынуждены признать себя не конаками (союзник, позднее – протекторат. – О.Ф.) русских монархов, а их подданными.

6) Несмотря на то, что кабардинцы признали себя подданными Екатерины II, с 1779 г. в отношении их стала вестись дискриминационная политика, выражавшаяся в так называемой «билетной системе», связи с западными черкесами стали квалифицироваться как уголовные преступления.

7) Строительство Азово-Моздокской, или Кавказской линии, выработка проектов завоевания Центрального Кавказа, развернувшаяся здесь антиколониальная борьба позволяют говорить о том, что начало Кавказской войны связано со строительством Моздока, 1763–1770 гг. можно выделить как ее первый этап.

Примечания

1. Исторический обзор войны России на Кавказе с самого ее начала до наших дней с царствования Ивана Васильевича IV до 1840 г. // Рукопись генерала Менда. Российский архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1406. Оп. 1. Д. 311. Дата 1559 г. называется генералом Мендом как дата завоевания Прикаспийской Тамани, или Тюмени в Кабарде, где была основана русская крепость Терки; *Думанов Х.М.* К вопросу о периодизации Кавказской войны // Черкесия в XIX веке: Материалы I Ко-

шехабльского форума «История – достояние народа»). Майкоп, 1991. С. 37–41.

2. [Гильденштедт И. А.] Географические и исторические известия о новой пограничной линии Российской империи, проведенной между Терекем и Азовским морем // *Озерецковский Н.Я. Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы.* СПб., 1790. Ч. IV. С. 150, 151; РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 311. Л. 4. 4 об.

3. Эсадзе С.С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Майкоп, 1993. С. 114.

4. Патракова В.Ф., Черноус В.В. Историография Кавказской войны: в поиске научной парадигмы // *Наука о Кавказе: проблемы и перспективы: Материалы I съезда ученых-кавказоведов.* Ростов-н/Д., 2000. С. 111.

5. Озова Ф.А. «Ермоловская» эпоха – становление парадигмы Кавказской войны // Доклад на международной конференции «Черкесы (адыги): история и современность» (26 апреля 2014 г. в г. Нальчике, КБГУ).

6. Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002. С. 12–14.

7. [Гильденштедт И.А.] Географические и исторические известия о новой пограничной линии... С. 151, 152.

8. РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 311. Л. 6 об.

9. Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (далее – АИГИ КБНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 42.

10. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год // Извлечения. Нальчик, 2001. С. 162, 163.

11. [Гильденштедт И.А.] Географические и исторические известия о новой пограничной линии... С. 154.

12. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год // Извлечения... С. 170.

13. О кавказских правителях // *Русский архив.* 1873. Кн. 1. Вып. 5. С. 741–744.

14. Полное собрание законов Российской империи – Собр. I-е (далее – ПСЗРИ-I). СПб., 1830. Т. XX. (1775–1780). № 14.607. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 30.08.2014).

15. [Гильденштедт И.А.] Географические и исторические известия о новой пограничной линии... С. 154.

16. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год // Извлечения... С. 171, 172, 183; Гранкин Ю.Ю. Торгово-экономические связи России с народами Западного и Центрального Кавказа (конец XVIII – первая половина XIX в.). Пятигорск, 2002. С. 61, 62; Крепости Азово-Моздокской линии... С. 34.

17. Крепости Азово-Моздокской линии. Пятигорск, 2003. С. 6, 7, 12, 31.

18. РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 311. Л. 6 об.

19. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год // Извлечения... С. 168.

20. Ключевский В.О. Сочинения. В IX т. Курс русской истории. Т. V. Ч. V / Под ред. В.А. Янина; посл. и коммент. составили В.А. Александров, В.Г. Зимин. М., 1989. С. 180.

21. Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. Т. I. 1763–1774 гг. // Сост. Р.У. Туганов. Нальчик, 1996. С. 263.

22. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в двух томах. Т. II. XVIII в. Сост.: В.М. Букалова Ред.: Н.А. Смирнов, У.А. Улигов. М., 1957. С. 283.

23. КРО. Т. II. С. 285, 286, 287.

24. Там же. С. 287.

25. АИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Лл. 64, 65, 66, 67.

26. Черкесы... Т. I. С. 282; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год // Извлечения... С. 71.

27. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год // Извлечения... С. 71–73.

28. КРО. Т. II. С. 292.

29. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год // Извлечения... С. 74.

30. Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. 1. Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX вв. // М., 1998. С. 177.

31. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год // Извлечения... С. 97; Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе / К 300-летию дома Романовых: Репринтное воспроизведение. Нальчик, 1990. С. 67.

32. КРО. Т. II. С. 295–299, 386.

33. Там же. С. 297.

34. Там же. С. 297–299.

35. Там же. С. 300.

36. Там же. С. 301, 302.

37. Там же. С. 303.

38. КРО. Т. II. С. 382; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год // Извлечения... С. 75 (прим. 1).

39. КРО. Т. II. С. 313.

40. Там же. С. 312.

41. Там же. С. 313.

42. Там же. С. 315.

43. КРО. Т. II. С. 315, 316. Указ Коллегии иностранных дел 1763 г. касался воспитания и обучения русской грамоте кабардинских и кумыкских аманатов (Указ в материалах Коллегии не обнаружен). КРО. Т. II. С. 389.

44. КРО. Т. II. С. 314.

45. Там же. С. 314.

46. Там же. С. 313, 314.

47. По мнению Р.У. Туганова, этот документ был подготовлен не ранее 1780 г., когда было завершено строительство Моздокской линии. Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. Т. II. 1775–1780 гг. Нальчик, 1998. С. 78.

48. КРО. Т. II. С. 318. Черкесы... Т. II. С. 78.

49. *Грабовский Н.Ф.* Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость. Нальчик, 2008. С. 102.

50. *Гарданов Б.А.* Описание кабардинского народа, составленное в 1784 году П.С. Потемкиным // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1956. Вып. V. С. 124.

51. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год // Извлечения... С. 174, 175; *Грабовский Н.Ф.* Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость... С. 103.

52. Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. 1781–1786 гг. // Сост. Р.У. Туганов. Нальчик, 2000. Т. III. С. 257, 258; *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год // Извлечения... С. 175–177.

53. «Кр. Павловская на р. Куре прикрывала Солёный брод и главную дорогу из Кабарды вниз по реке Куме к солёным озерам и в Астрахань». Таким образом, был перекрыт доступ кабардинцев к источникам соли, необходимой не только для нормального питания, но и в больших количествах использовавшейся ими в скотоводстве и коневодстве – основе экономики Кабарды // Крепости Азово-Моздокской линии. Пятигорск, 2003. С. 13, 18.

54. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год // Извлечения... С. 177, 178.

55. Черкесы... Т. III. С. 259.

56. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год // Извлечения... С. 178–180; *Кажаров В.Х.* Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны // Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик, 2005. С. 40.

57. Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик, 2005. С. 89–94.

58. Черкесы ... Т. III. С. 259.

59. *Грабовский Н.Ф.* Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость... С. 162.

60. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год // Извлечения... С. 180, 181; *Думанов Х.М.* К вопросу о периодизации Кавказской войны... С. 40; Крепости Азово-Моздокской линии... С. 14.

61. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год // Извлечения... С. 182.

62. КРО. Т. II. С. 339, 340.

F.A. OZOVA

**THE EMERGENCE OF THE PARADIGM
OF THE CAUCASIAN WAR – THE BEGINNING
OF THE CONQUEST OF THE CENTRAL CAUCASUS (1762–1770'S)**

Available in Russian historiography discrepancies regarding the periodization of the Caucasian War require further empirical and theoretical research. The analysis of the policy of Catherine II in the region of the Central Caucasus in 1763–1770 years reveals that the paradigm of the Caucasian War was formed in the first decades of her reign. Analysis of strategy and tactics, complex of empirical data several of the most important aspects of the Caucasian policy in the period under consideration allows us to assert that the beginning of the Caucasian War was associated with the annexation the territory between the river Terek and UrochishchyeMozdok in 1763. Events 1763–1770 years of can be regarded as the first stage of the Caucasian War.

Keywords: Paradigm, Caucasian War, the Central Caucasus, Kabarda, design, Azov, Mozdok, anti-colonial performances.

УДК – 398(=352.3)

М.М. Паитова
(г. Майкоп)

**КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА
В «КЛАССИЧЕСКИХ» ФОРМАХ ФОЛЬКЛОРА
И СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСЕ
ЧЕРКЕССКОЙ ДИАСПОРЫ**

В работе исследуется связь стереотипных нарративных и поэтических текстов о Кавказской войне, бытующих в фольклорном поле черкесской диаспоры, и современного социокультурного (общественно-политического) дискурса.

Ключевые слова: *Кавказская война, Русско-Кавказская война, черкесы, адыги, фольклор, диаспора, Узун-Яйла, нарратив, дискурс.*

Подводя итоги трех экспедиций (2009, 2011 и 2014 гг.) в среде черкесской диаспоры Турции, а также опираясь на работы наших коллег: Р.Б. Унароковой, А.М. Гутова, А.А. Ципинова, Б.Ч. Бижоева, М.А. Табишева¹, – мы можем отметить, что регионы компактного проживания черкесов за рубежом – уникальное по своим условиям фольклорное поле. Исследование его пространственно-временных границ, качественных характеристик, корреляции с общей информационно-коммуникативной средой адыгской диаспоры в странах проживания требует комплексного методологического подхода, использования нескольких научно-фольклористических методов. В настоящей работе мы хотели бы обратить внимание на возможности, которые открывает метод дискурс-анализа в исследовании бытующих в диаспорной среде фольклорных текстов о Кавказской (или Русско-Кавказской) войне, на выявление их социально-прагматических функций.

При самом общем взгляде мы эмпирически можем выделить два блока фольклорных текстов: увезенные с родины и сочиненные на чужбине. Первый блок текстов обозначается информантами как *Хэку хьыбар*, *Хэку уэрэд* и маркируется как особо «престижный», а носители этого репертуара – как «высо-

костатусные» информанты. Внутри этого блока текстов рельефно выделяются предания, старинные песни и контекстные нарративы о Кавказской войне, ее героях и антигероях: «Военная [походная] песня», «Кабардинское ночное нападение», «Песня о князе Кучуке Аджигирееве», предания о нем и о Магомет-Аше Атажукине, Айтэче Канокоче, Шумахо Шогенове, Али Хирцыжеве, «Песня о Магамете Шеретлукове», «Песня о Магамете Коджебердуко», цикл «хаджиретских» песен и стереотипных текстов (о них мы скажем подробнее) и др. Как мы видим, это тексты, широко представленные в фольклорном репертуаре² «метрополии»³ периода Кавказской войны. Обозначим их как «классические».

Актуальной для фольклориста-антрополога задачей, как мы сказали выше, представляется выявление дискурсивного потенциала этих самых «классических» фольклорных форм в современном общественном быту черкесской диаспоры. Нам интересно определение понятия «дискурс» как совокупности текстов, возникшей в результате динамического коммуникативного процесса, происходящего в определенном социокультурном контексте⁴. По известному выражению Н.Д. Арутюновой, дискурс есть «речь, погруженная в жизнь»⁵. Наряду с тем, что важным остается, прежде всего, речевой (вербально-фольклористический) аспект исследования, мы постараемся обратить внимание на целый ряд социологических нюансов, присущих избранным в качестве предмета исследования блокам нарративных текстов⁶. По выражению С. Адоньевой, «как фольклор может определяться сама практика воспроизведения символических форм культуры. Выделяя в качестве объекта традицию и способы ее экспликации, ее можно определить как знание, воспроизведение которого в текстах фольклора обуславливает стабильность коллективных представлений»⁷.

Подобный подход к дискурсивным практикам, рождающимся в процессе воспроизведения стереотипных нарративов о событиях 150-летней давности, помогает решить очень важную научную проблему: получение достоверного знания о стереотипных представлениях черкесов диаспоры о своей исторической родине – Черкесии; выявление структурных элементов фольклорной памяти о событиях Кавказской войны; определение способности этих дискурсивных практик структурировать

социальную реальность, влиять на направления общественного развития в диаспоре.

Как мы сказали выше, нарративы, структурируемые вокруг «классических» жанров фольклора о Кавказской войне, информанты маркируют как «привезенные с Родины» (*Хэку хъыбар*). Статус сообщаемого текста тесно привязан к практике «сидения-говорения» в кунацких (хачешах), к языковым и вообще социальным компетенциям говорящего, ассоциирован с мужской аристократической культурой. Навыки репрезентации фольклорных знаний о событиях 150-летней давности тесно сопряжены с этнической (цивилизационной) идентичностью черкесов в диаспоре:

«Хъатыжъыкьо Іащэр щэхьид зыщыхъугъэ трафэр къызыпІокІэ – зы, сІуагъэ, – Хэкум шгузесым шгуздэщысыгъэ чІыпІэр къызыпІокІэ – тІу, – сІуагъэ – о узакъоц, зэрэчылэу ар ялажь, – сІуагъэ, – Саусырыкьоди Іухъагъэу, «чэмы<хъ>жъыкърэлъф, хъамэ къылыфгытэр кыигъэкІ!» къезыІуагъэр къапІомэ – щы, шгукъыздежъэгъэ тарихъыр – мипІэр къызыпІоджэ, – сІуагъэ, – къызэрэпІорэм фэдэу шгуадыг»⁸.

«Если ты скажешь, в какой стороне Хатажуко Колчерукий [Аше] стал шахидом – <это> первое, – я сказал, – если сможешь назвать место, где вы <ваше селение> располагались, когда жили на Родине, – <это> второе, – не тебя одного, это всех <адыгов> долг, – я сказал, – если скажешь, кто, подъехав к <воротам> Саусырыко, <осмелился> крикнуть ему «старого пастуха потомок, собакой рожденный, выходи!» – <это> третье, откуда идет вашего <рода> история – эти четыре <ответа> если дашь, – я сказал, – если скажешь, тогда ты адыг».

Подобные нарративы и диалоги, став предметом специального исследования, могут оказаться источником для выявления структур не только этнической, но и других видов идентичности: например, локально-групповой, социально-классовой, конфессиональной.

Приведем в качестве иллюстрации примеры диалогов, выявляющих символическую оппозицию двух локально-групповых идентичностей внутри кабардинского субэтноса – «*тІуащІэдэс / хъэжрэт*». Названием *хъэжрэт* (хаджиреты), как известно, стали обозначать так наз. «беглых кабардинцев», ушедших в 1820-е гг. под предводительством князей Магомет-Аше Атажукина, Кучука Аджигиреева, Али Карамурзина и др. за Кубань. Термином *тІуащІэдэс* (букв. *жители междуречья*) в диаспоре обозначают ту

часть кабардинцев, которая не покинула Кабарду после установления в ней колониального режима. Иногда эта оппозиция вербализуется как «*тIуащIэдэс / хуэдздэс*» или «*тIуащIэдэс / лабэдэс*» (междуреченцы / ходзинцы или междуреченцы / лабинцы, т.е. переселившиеся на Ходзь или Лабу).

В местах компактного проживания кабардинцев в диаспоре, а именно в анклав Узун-Яйла (Кайсери), фольклорно-историческая память сохраняет сведения о селениях и об отдельных фамилиях как о «хаджиретских» или, наоборот, «междуреченских». Так, в одном из селений, где междуреченцы и хаджиреты проживают бок о бок, будучи разделенными лишь протекающей между ними речкой, историческая групповая идентичность сохраняла свою актуальность до недавнего времени. Она проявлялась преимущественно в детском быту, а именно в стереотипных дразнилках, призванных ритуально спровоцировать драку: «*ТIуащIэдэсыр кхъуэсурэти, хъэжрэтыр жэнэтибзус!*» («Междуреченец – свиноподобный, хаджирет – райская птичка!»). При этом старики, как вспоминают наши информанты, с усмешкой говорили: «Ну что, побили они вас? Уалеи, мужеством с хаджиретами сравниться нелегко – во время Войны на передовой воевали хаджиреты!»⁹ По сведениям другого информанта, приведенная выше формула-дразнилка – это фраза из старинной песни, текст которой утрачен, и которую, по его словам, он слышал в детстве от своего дяди.

Примечательно, что в ситуации текстопорождения, когда рассказывается о том, «как разделились хаджиреты и междуреченцы», в одном случае из нашей полевой практики воспроизводился сюжет о нападении войска крымского хана на Кабарду, с заменой «крымцев» на «русских»¹⁰. Или, например, в одной из переданных нам любительских аудиозаписей¹¹ под названием «Къэбэрдей хъэжрэтхэм я уэрэд» («Песня кабардинцев-хаджиретов») причины Стамбульского Исхода привязаны к большевистскому перевороту и вынужденной эмиграции вследствие его. Понятно, что здесь мы имеем дело с фактами фольклорными, нежели историческими, это естественные для фольклорной памяти механизмы «замены». Основную причину «разделения», «раздора» фольклорное сознание видит в выборе: «покинуть колонизированную Кабарду или остаться в Кабарде», а также в том, что между хаджиретами и междуреченцами была внесена вражда извне, «путем обмана»:

– Адыг'эм фэ фанэлъэщынк'ым, к'урназлык'э евыщ'эмэ.

– Ло тлэ етиц'энур?

– Епиц'энур араси, зы шу зых'эвг'эк'и Хуэдздэсым дыг'ээр цык'тубх'эм блэк'ыу, абы к'эк'луэж шухэм яхуэзэрэ «Хуэдздэсым сых'тубх'бар?» жа'луу к'ыщепуиц'иК'э, «Хуэдздэсым я мах'сымэ п'лаиц'эр куэдс, я лы пиэрыр г'эж'яс. Мах'сымэ п'лаиц'эм йофэ, лы пиэрыр яшх, к'офэ-мэу'ри зэх'эст. Уэлей, я тетыг'уэм!» – жыф'э. Ар цызэх'ах'К'э абы я зэхуакум низых' к'ти-хуэнс, зэнык'тубх'у х'тунси...Ерым сых'эт к'эгувэмэ, ерым сых'этК'и фэ хуэдздэсыр х'эл фиц'ымэ, абы адэк'и к'энаи зыри к'ываиц'эжыфын'ым.» – жери унафэ к'бахуеиц'ыр станицэм¹².

– С адыгами вы не справитесь, разве что только обманом.

– Что же нам с ними сделать?

– А то сделать... Пошлите одного всадника, на закате солнца когда будет проезжать мимо возвращающихся в Ходз всадников, если они спросят «Какие на Ходзе новости?», скажет пусть: «У ходзинцев мах'сымы [бузы] прозрачной много, их жирное мясо – жареное. Мах'сыму прозрачную попивают, мясо жирное едят, танцуют-пляшут. Уалей, у них славные времена!» – скажите. Когда <междуреченцы> это услышат, непонимание между ними встанет, станут соперничать...На полчаса если задержатся, за полчаса вы с ходзинцами если расправитесь, после этого оставшиеся с вами ничего сделать уже не смогут», – сказал и такое распоряжение дал им Станица¹³.

Дискурсивные структуры, актуализирующие оппозицию «т'луаиц'эдэс/х'эжрэт» сопряжены также с памятью об очередности заселения новых территорий, важной с выстраивания групповых иерархий в Узун-Яйле. Этот аспект требует дополнительных полевых исследований, но очевидной на первый взгляд является демонстрация междуреченцами преимущественного права на территорию, как заселившимися в Узун-Яйлу раньше, чем хаджиреты. В целом нужно отметить, что об особых ментальных различиях между двумя этими субгруппами можно говорить очень условно, и они постепенно утрачивают свою актуальность, вытесняясь в пассивную память¹⁴.

Важное понятие – тема (или, по Чейфу¹⁵, «топик») фольклорного дискурса. Более или менее активные темы формируются комплексами взаимосвязанных элементов. Так, условно скажем, «хаджиретский» топик актуализирует историческую трансформацию семантического наполнения самого термина «х'эжрэт». Первоначально он имел религиозное значение («переселившийся из-за веры, газавата»), позже наполнился новым смыслом («вояка», «наездник», «абрек», «сопротивленец»)¹⁶. Наблюдение

Гейнса также подтверждает постепенное утверждение этого значения: «Джигит – принесенное солдатами с левого фланга и из Дагестана, оно мало знакомо здешним горцам, у которых есть слово «хаджирет», так же, как и «джигит», означавшее наездника, молодца»¹⁷.

Это второе значение закрепилось настолько, что сейчас является основным как в среде лабинских кабардинцев, так и в Узун-Яйле. В «классических» фольклорных текстах слово атрибутируется суффиксальным эпитетом -жь (*хъэжрэтыжь*) с целым рядом оттенков значений: «бывалый», «грозный», «надежный», «несчастный» и т.п.

Говоря о том, каким образом дискурс Кавказской войны актуализирует локально-групповую идентичность, необходимо сказать два слова о методологии выстраивания диалога антрополога и респондента¹⁸. К собирателю, приехавшему с Кавказа, в диаспоре относятся, конечно, как к дорожному гостю, но и в то же время – как к принадлежащему к особой, с точки зрения информанта, группе адыгов – «хэкурыс». Как участник диалога информант активизирует элементы своей семиосферы, сложившихся стереотипных представлений о России, о соотечественниках, живущих на Кавказе. В условиях диаспорного поля антропологу необходимо помнить, что «высказывания – это не просто слова или речевые акты, это кирпичики, из которых складываются социальные отношения, образы «себя» и «других»¹⁹, и что дискурсы не так безобидны, как это может показаться, они не просто отражают представления людей о мире, но и создают новую символическую реальность со своими социальными законами и правилами поведения.

В дискурсе о Кавказской войне и Стамбульском Исходе одной из самых активированных является тема утраченной родины. Этот топик насыщен элементами мифологизации: мотивы «золотой век», «утраченное былое изобилие», высокая частотность исторической топонимической лексики. Так, фольклорная память сохранила предания, связанные с высокосемиотичным топонимом – *Ахъмэтыбг* (гора в долине реки Лаба): «Когда мед с Ахмет-горы падал в реку Хуэдз, она текла сладкой целую неделю!»²⁰.

В отдельно взятой локальной традиции мы можем наблюдать попытку символического «моделирования» новой малой роди-

ны: «Узун-Яйлэр Хэку ЦыкIус» (Узун-Яйла – это Маленькая Родина). Отгонные пастбища *Шокъурэ* (район Адана) – своеобразный культурный аналог кавказских горных пастбищ (*Къущхьэхъу*), со своим корпусом стереотипных устных текстов – рассказов из пастушеского быта, баек, анекдотов, фольклоризировавшимися образами табунщиков и т.д.

Статус личности, так же как и статус группы, соотнесен с памятью о Черкесии и Стамбульском Исходе. В меморатах репрезентируется почтительное отношение к первому поколению черкесов, поселившихся на чужбине; привезенным с родины предметам (оружие, одежда, утварь и т.п.). Например, рассказ о том, как группа кабардинских всадников из разных селений Узун-Яйлы церемониально почтила память старой хатукайской женщины, последней из поколения переселенцев-мухаджиров²¹.

Дискурс Кавказской войны включает в себя, помимо описанных выше, еще несколько нарративных структур и привязанных к ним символических элементов, мотивов. Например, диалоги о возвращении / невозвращении черкесов на историческую родину, особенно активизировавшиеся в последние годы, в т.ч. в социальных сетях. Эти диалоги и рефлексивы актуализируют стереотипы о России, российских (кавказских) черкесах, о бытовых и политических реалиях, часто апеллируя к таким оппозициям как «правда / ложь», «доверие / недоверие», «честь / бесчестье», «благородный / неблагородный», «истинный / поддельный», «сильный / слабый» и др.

В рамках антропологии обмана (антропологии лжи) может исследоваться не только современный общественно-политический дискурс, но и «классические» фольклорные тексты: предания о героях и антигероях войны, стереотипные рассуждения об «истинных причинах» Стамбульского Исхода, рефлексивы в стиле «сослагательного наклонения» в истории.

Итак, насколько жива и каким образом поддерживается историческая память о Кавказской войне в коммуникативном пространстве черкесской диаспоры и какова роль «классических» фольклорных форм в поддержании этой памяти?

Память о Войне – неотъемлемый элемент фольклорного нарратива о заселении черкесами диаспоры новых территорий. Т.е. когда черкес задается вопросом «кто я, откуда, чем я отличаюсь от турок и арабов?», непременно артикулируется вопрос о Кав-

казской войне и Стамбульском Исходе. Сказать шире – она лежит в основе этнокультурной и цивилизационной идентичности черкесов диаспоры. И в этом смысле говорить, что «кто-то со стороны искусственно реанимирует память о Кавказской войне» не приходится.

Также нужно понимать, что в диаспоре, где нет профессиональных учреждений образования и культуры, стереотипный устный нарратив, передающийся из поколения в поколение в рамках неформальной коммуникации, лежит в основе духовной культуры. Социальный статус различных этнических групп черкесов диаспоры сопряжен с памятью о войне, статус личности напрямую связан с его компетенциями в вопросах исторической памяти (знание имен героев войны, кавказских топонимических названий («откуда выселились твои прадеды» и пр.).

Фольклорно-исторический нарратив о Кавказской войне лежит в основе современного общественно-политического дискурса оценок событий 150-летней давности и перспектив этнокультурного развития черкесской диаспоры, ее сохранности как таковой и, самое главное – в основе прогнозирования этнического будущего черкесов.

Как было отмечено в статье, нарративы и диалоги о репатриации, включенные в общий дискурс Кавказской войны, оперируют преимущественно этическими категориями, во вторую очередь – политическими, юридическими и пр. С представлениями о возможности или невозможности возвращения черкесов на историческую родину связан целый комплекс явлений длительного свойства: чувство этнической обиды и неудовлетворенности, тщетное ожидание каких-либо эффективных шагов со стороны официальных структур РФ в признании трагедии черкесского народа. Каким образом артикулируется «дискурс жертвы» в турецкоязычном черкесском пространстве – тоже необходимо отдельно изучать.

Примечания

1. Унарокова Р.Б. Фольклор адыгов Турции (вступительная статья) // Фольклор адыгов Турции (на адыг. яз.). Майкоп, 2004. С. 15–24; Ципинов А.А. Фольклор зарубежных адыгов // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. Нальчик, 2000. С. 167–

200; Гуттов А.М. Проблема этнической самоидентификации зарубежных адыгов // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. Нальчик, 2000. С. 51–69; Бижоев Б.Ч. Язык кабардино-черкесской диаспоры в Турции и на Ближнем Востоке // Кабардино-черкесский язык. Том II. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2006. 308–338; Табишев М.А. Адыги Узун-Яйлы: фольклор и этнография // Журнал «Псалъ» (на адыг. яз.). Майкоп, 2010. № 6 (9). С. 228–242; Паштова М.М. Фольклор в черкесской диаспоре Турции: функциональные и регионально-локальные особенности // Фольклористика и культурная антропология сегодня: Тезисы и материалы международной школы-конференции. М.: РГГУ, 2012. С. 418–425. <http://www.ruthenia.ru/folklore/may2012proceedings.pdf>; Паштова М.М. К проблеме описания локальных фольклорных традиций: черкесы Узун-Яйлы (Турция) // Вопросы кавказской филологии и истории. Вып. 8 (Материалы региональной научной конференции «Творческое наследие Али Шогенцукова: теоретические аспекты изучения». К 110-летию А.А. Шогенцукова. 17 декабря 2010 г., КБИГИ). Нальчик, 2011. С. 113–123; Паштова М.М. Институт джегуако в фольклорной культуре адыгов (черкесов) Турции // Истоки национальной литературы (Бекмурза Пачев и авторское устное творчество): Сборник научных статей. Нальчик, 2011. С. 131–148.

2. Адыгские песни времен Кавказской войны. Изд. 2-е, доп. Нальчик: Печатный двор, 2014; Немеркнувшие звезды («МыкӀосэрэ жъуагъохэр»). Майкоп, 1994; Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. М.: Советский композитор. Т. 3. Ч. I (1986), Ч. II (1990); Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1898. Вып. 25. Отд. 3.

3. Поскольку единого, численно преобладающего над диаспорой государственного образования на исторической родине нет, термин «метрополия» употребляется условно: мы имеем в виду черкесское население Северного Кавказа и территорию, занимаемую им.

4. М.В. Йоргенсен и Л. Дж. Филлипс выделяют в своей книге три центральных методологических подхода: теория дискурса Лакло и Муффа, критический дискурс-анализ и дискурсивная психология // Марианне В. Йоргенсен, Луиза Дж. Филлипс. Дискурс-анализ: Теория и метод. Харьков, 2008.

5. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 137.

6. Этот аспект фольклорной речи отмечается как в ранних, так и в новейших теоретических работах по фольклору. Так, Б.Н. Путилов отмечал: «Фольклор выступает – в определенных условиях и обстоятельствах – равноценным участником прагматических действий, функционирующих социальных институтов, бытовых ситуаций» (Путилов В.Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1993. С. 50). Или у Богданова: «Фольклорные тексты – не только некие объекты «фольклорного дискурса», но и те средства, благодаря которым реализуются социативные

(контактоустанавливающие), эмотивные, волюнтаривные, аппелятив-ные, репрезентативные и другие возможности речевого общения» (Богданов К. Повседневность и мифология. СПб., 2001. С. 51).

7. Адоньева С. Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; ЗАО ТИД «Амфора», 2004. С. 276.

8. Фольклор адыгов Турции (на адыг. яз.). Майкоп, 2004. С. 338.

9. Архив автора: Материалы экспедиции 2011 г. (Кабак-тебе-Узун-Яйла-Кайсери).

10. Архив автора: Материалы экспедиции 2014 г. (Кайсери-Пинар-баши).

11. Инф. Шахин Тлуп (Шежхабле, Узун-Яйла – Эскишехир). Соб. Сельчук Балкар. Запись передана нам участником ансамбля народной песни г. Кайсери Хаканом Шак и позже выставлена в интернет: <http://www.facebook.com/l.php?u=http%3A%2F%2Fwww.youtube.com%2Fwatch%3Fv%3DyXbZN4IVSOY&h=4d9f1>

12. Там же...

13. Слово «станция» первоначально обозначало живущего в каза-чьей станице или крепости российского военачальника. В данном тек-сте информант сообщает о некоем предателе – офицере из числа са-мих черкесов.

14. Наши информанты называли также некоторые языковые и ритуальные отличия (например, «мы говорим *гъуҕ'э* (зеркало. – М.П.), а хаджиреты говорят *гъунг'э*» и т.п.), подчеркивая при этом их незна-чительность. Попутно скажем, что оппозиция «*тӀуацӀэдэс/хъэжрэт*» на этнической территории утратила свою историческую семантику. Кол-лективная память зеленчукских и лабинских кабардинцев сохраняет скорее лишь формальное обозначение, достаточное для актуализации локальной идентичности, слившейся со временем с идентичностью в рамках советского административного деления на «кабардинцев», «черкесов» и «адыгейцев».

15. Chafe W.L. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics and points of view // Subject.

and topic / Ed. by Ch.N. Li. New York: Academic Press, 1976. P. 25–55.

16. В словаре кабардино-черкесского языка (М.: Дигора, 1999) значе-ние слова *хъэжрэт* толкуется как «переселенец; эмигрант».

17. Гейнс К. Пшехский отряд (с октября 1862-го по ноябрь 1864 года) // Материалы для истории покорения Западного Кавказа. Нальчик, 2013. С. 280.

18. Йоргенсен М.В., Л.Дж. Филлипс. Указ. соч. С. 11.

19. Йоргенсен М.В., Л.Дж. Филлипс. Указ. соч. С. 18. (Примеч. научн. ред.).

20. Архив автора: Экспедиция 2014 г. Инф. Джеудет Мазак (Шиге-бахой – Узун-Яйла).

21. Архив автора: Инф. М. Чермит (Узун-Яйла – Майкоп).

M.M. PASHTOVA

**THE CAUCASIAN WAR IN THE 'CLASSICAL' FORMS
OF THE FOLKLORE AND IN THE CONTEMPORANEOUS SOCIAL AND
CULTURAL DISCOURSES
OF THE CIRCASSIAN DIASPORA**

This work represents the exploring of the connection between the stereotyped narrative and poetical texts about the Caucasian War in the field of the Circassian Diaspora folklore and the contemporaneous social, cultural and political discourses.

Keywords: the Caucasian War, the Russian-Caucasian War, Circassians, Adygas, folklore, Diaspora, Uzun-Yayla, narrative, discourse.

А.Т. Урушадзе
(г. Ростов)

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА В «ПРОДЕЛКАХ НА КАВКАЗЕ»: РАЗНЫЕ ГЕРОИ ОДНОЙ ИСТОРИИ

Статья посвящена анализу известного романа «Прodelки на Кавказе». Выделены портреты основных героев произведения, образы которых рассмотрены в историческом контексте эпохи.

Ключевые слова: Кавказская война, «Прodelки на Кавказе», Российская империя, Кавказ.

Роман Е.П. Лачиновой «Прodelки на Кавказе», изданный ею под псевдонимом Е. Хамар-Дабанов в Санкт-Петербурге в начале 1844 г., мгновенно стал предметом всеобщего внимания и официального запрета. За невинным сюжетом, повествующем о жизни и службе командира казачьей сотни на Кавказской линии, скрывалась сокрушительная критика имперского опыта методов присоединения, присвоения и управления Кавказом. В отличие от других антиимперских литературных произведений (яркий пример – «Мертвые души» Н.В. Гоголя), произведение Е.П. Лачиновой абсолютно чуждо выдуманных фабул или художественных гиперболов, а представляет собой пересказ впечатлений от увиденного и услышанного. «Документальность» романа высоко оценил военный министр А.И. Чернышев, который, указав на книгу начальнику третьего отделения СЕИВК Л.В. Дубельту, заметил: «Книга эта тем вреднее, что в ней – что строчка, то – правда»¹. А.И. Чернышев, долгие годы участвовавший в работе профильных комитетов по делам Кавказского края, был прекрасно осведомлен о тамошних событиях, что делает его характеристику «Прodelок» еще более ценной и значимой. Словно маскируя содержание книги, ее автор избрал эпиграфом к ней поговорку: «Не любо не слушай, а лгать не мешай».

На страницах романа действует множество героев, представляющих разные стороны противостояния, известного как Кавказская война. Люди с разными мотивами, судьбами, взглядами на происходящее и способами примирения с действительностью. Героями первого плана, глазами которых читатель взирает на военные столкновения и быт казаков и русских солдат на правом фланге Кавказской линии, город Ставрополь и Кавказские Минеральные Воды, являются братья Пустогородовы – Александр и Николай. Жизнь развела братьев Пустогородовых по разным дорогам, которые пересеклись на Кавказе. Александр Петрович Пустогородов – это яркий пример «настоящего кавказца», который «в Азии уважает азиатские обычаи, и от того изучил их»². Разжалованный и сосланный на Кавказ за участие в политическом заговоре, Александр Пустогородов способностями, храбростью и охотно приобретаемыми знаниями края возвращает себе офицерский чин и завоевывает уважение сослуживцев и противников. Его брат Николай – почти полная ему противоположность. Любимец матери, рано вышедший в отставку, от праздности и желая развеять скуку, он предпринимает путешествие в Персию, но оказавшись на Кавказе, встречает брата.

Описанные в романе события вероятнее всего относятся к 1838–1842 гг.³ Это время тяжелых неудач российской администрации и сомнительных успехов войск Отдельного Кавказского корпуса. Отсутствие единоначалия в гражданской и военной администрации парализовало управление краем. Е.А. Головин, возглавлявший имперскую администрацию на Кавказе, тяжело переживал провал реформ сенатора П.В. Гана (1840–1841). Последнего спустя годы вспоминали как сановника, «накинувшего черную тень на все отрасли управления за Кавказом»⁴. Неудачная реформа пагубно сказалась и на авторитете Е.А. Головина. Войска Кавказской линии, находящиеся под командованием П.Х. Граббе, фактически были выведены из-под опеки Тифлиса. Командующий войсками на линии имел право самостоятельного обращения в столицу империи. Расширяли пространство административной автономии и другие военные начальники. Выйти из непосредственного подчинения и Е.А. Головина, и П.Х. Граббе с успехом удалось командующему Черноморской береговой линии Н.Н. Раевскому, который не

без гордости писал адмиралу М.П. Лазареву: «Я все принятые системы опровергнул, и мое мнение взяло верх; почему мне высочайше разрешено усмирять горцев связями торговыми, а не бесполезными опустошениями»⁵.

Так на Кавказе в это время сложилось положение, когда едва ли не каждый генерал проводил свою политику и вел свою войну. Все это благоприятствовало развитию движения Шамиля. Военные неудачи империи на Северо-Восточном Кавказе дополнились осложнением обстановки на северо-западе края. В воспоминаниях М.Я. Ольшевского о событиях 1842 г. на правом фланге Кавказской линии читаем: «Закубанцы сделались как будто бы еще предприимчивее. Они начали нападать смелее и безнаказаннее на станицы и укрепления. Так подверглись нападению станицы Высюринская, Татарская и Темнолесская. Было покушение на Абинь, и даже Екатеринодар был однажды в опасности. Тревоги и хищничества по Кубани были почти повсеместные и ежедневные»⁶.

Братья Пустогородовы встречаются в одной из станиц, расположенных на правом фланге Кавказской линии. Казаки станицы обеспечивают защиту укреплений линии и поселений местного населения от военных экспедиций горцев. В «Проделках на Кавказе» подробно описано, в чем состоит «тревога» на Кавказской линии, о которой упоминают М.Я. Ольшевский и другие мемуаристы участники событий Кавказской войны без дополнительных пояснений. Автор романа отмечает: «Впрочем, каждый год временно воспрещается ночная езда по большей дороге: *такое время называется на линии тревогою* (курсив мой. – А.У.) и продолжается иногда недели две. Тревога состоит в следующем. Лазутчики (военные шпионы) уведомляют, что горцы в таком-то числе собрались в известном месте и намерены вторгнуться в наши пределы: здесь делаются распоряжения для прикрытия пространства, грозимого прорывом, и принимаются меры предосторожности, пока начальник участка, который называется еще кордонным, не сосредоточит легкого отряда и не нападет внезапно на скопище. Меры предосторожности всегда одни и те же: всех казаков, служащих и не служащих, расположенных внутри линии, высылают в пограничные станицы. Эти последние запирают, то есть жителей не выпускают из них на полевые работы, а скот выгоняют на пастбище, лишь когда нет

тумана и солнце уже довольно высоко на небе; проезжающих задерживают по ночам и рано утром»⁷.

В ходе отражения набега горцев Александр Пустогородов получает ранение. Его рану лечит не полковой лекарь Кутья, а черкесский знахарь из мирного аула. Это незначительное обстоятельство подчеркивает пограничную идентичность Пустогородова и других ветеранов Кавказской войны – «настоящих кавказцев», охотно приобщающихся к медицинским и другим познаниям горцев⁸. В уста сотенного командира казаков автор романа вложил такие размышления: «Черкесов укоряют в невежестве; но взгляните на их садоводство, ремесла, особенно в тех местах, где наша образованность не накладывала просвещенной руки своей, и вы согласитесь со мною, что они не такие звери, какими привыкли мы их почитать»⁹. Отмечая незамечаемые имперской администрацией качества горцев, Пустогородов с сожалением вынужден признать, что на пути развития мирных отношений с горцами стоят труднопреодолимые препятствия: «Первое из этих препятствий – различие веры, нравов и понятий; мы не понимаем этих людей, и они нас не понимают в самых лучших намерениях наших»¹⁰. Это замечание созвучно широко принятому в современном кавказоведении тезису: «Кавказская война – это война взаимного непонимания»¹¹.

Кордонный начальник в повести показан как недоброжелатель Александра Пустогородова и противник всяких «особых» отношений с горцами. В образе кордонного легко угадываются черты командира правого фланга Кавказской линии Г.Х. Засса: «Кордонный, приезжавший в станицу, поручил сделать выговор Александру за то, что он не представил ему неприятельских голов после последнего дела и тем лишил своего начальника средства получить значительный выкуп, весьма бы кстати случившийся по скудности казенной суммы на экстраординарные расходы, и он приказал еще сказать капитану Пустогородову, что он раскается, но поздно, в своем труполобии»¹².

Как известно, местом пребывания Г.Х. Засса было укрепление Прочный окоп. В романе оно названо Немецким окопом, но остается узнаваемым, а кроме того, видоизмененная номинация намекает на известную склонность Г.Х. Засса отдавать предпочтение по службе своим курляндским землякам. При этом отдельно отмечается, что «в деле» начальник правого фланга «выезжал всегда на коренных кавказцах»¹³.

Один из таких «коренных кавказцев» майор Камбула – храбрый и честный офицер, вздыхающий о временах А.П. Ермолова: «Окружающие великое дело, когда хороши! Тому пример Алексей Петрович Ермолов. У него начальником штаба был благороднейший, умнейший, образованный Алексей Александрович Вельяминов; гражданские секретари были также люди достойные, и, наконец, окружающие были все люди благородные и благонамеренные. <...> Тогда не было у нас этих огромных, всепоглощающих штабов, а дела шли своим чередом без каверз и прочего»¹⁴. Офицеры-ветераны Кавказской войны ермоловской службы составляли в российских войсках в крае особую когорту, всякий раз подчеркивая свой статус «первопроходцев» славы Отдельного Кавказского (до 1820 г. – Грузинского) корпуса: «Да, я еще ермоловский офицер. Надобно заметить, что кавказцы старого времени имеют замашку похвастаться таким титулом, считая себя первоначальниками славы этого корпуса, и ни за что не назовут его теперь армией; хотя подвигов и храбрости так много было потрачено нашими войсками на Кавказе и прежде, и после, что первенство тем или другим присваивать себе не следует»¹⁵.

Особой категорией русских офицеров на Кавказе являлись «фазаны» — прикомандированные из столиц молодые офицеры, желающие быстрого продвижения по службе, но не имеющие достаточных познаний в «кавказском способе войны»¹⁶. Эти новички становятся настоящим проклятием для офицеров-ветеранов. Еще один из «настоящих кавказцев» «Проделок на Кавказе» — пехотный капитан — предается грустным размышлениям: «По милости этих новичков мы и терпим уроны: смотрите, пожалуйста, только с неделю приехал он сюда, сроду не слышал свиста пуль, ему двадцать восемь лет – а кричит уже, что никто здесь ничего не смыслит, учит, как взяться, чтобы покорить черкесов, как вести войну, и не слушает меня, сорокалетнего старика, меня, который преждевременно поседел в походах и двадцать два года слушаю свист горских пуль! Он считает меня еще трусом! Придется опять лезть не щадя себя. Жаль моих старых солдат: их и то уже осталось мало; а что с рекрутами? Еще осрамишься с ними и – к черту долголетняя, испытанная служба! <...> Давно ли по милости другого новичка потерял я сорок человек моей роты, да каких молодцов, моих сослуживцев! Правда, он сам не рад был, что завел нас бог весть куда. Где ему

водить людей на горную брань! Он весь век книжки читал, воевал по ландкартам, а о горах и горцах и не слыхивал: ох уж эти мне книжки, стратегии!...»¹⁷. Кроме вреда, причиняемого неумелыми распоряжениями в беспрестанных стычках с горцами, «фазаны» почти всегда обходят заслуженных ветеранов при получении наград. У обойденных вниманием начальства «настоящих кавказцев» это вызывает чувство служебной безысходности и обреченности: «Без службы жить не могу; в полковые командиры и думать нечего; в батальонные также не попаду, туда переводят из России, присылают все людей образованных, ученых: что нашему брату? Вакансии штаб-офицерской почти не бывает!»¹⁸.

Близким другом Александра Пустогородова был его сослуживец Пшемаф — «молодой человек красивой наружности, с выражением благородным, одетый в простую черкеску. Это был молодой горец, воспитанный в одном из кадетских корпусов и выпущенный в офицеры с прикомандированием к Кавказскому казачьему линейному войску»¹⁹. Образ Пшемафа в романе вызывает наибольшее сочувствие. Как и другие офицеры-горцы на русской службе, Пшемаф вынужден выбирать между долгом службы «белому царю» и чувством этнической солидарности со своими соотечественниками. Этот тяжелый морально-нравственный выбор необходимо подтверждать, манифестировать ежедневно. Отвечая на вопрос об отношении к русским и мотивах своей службы империи, Пшемаф произносит: «Русские для меня более чем родные: они меня воспитали, они меня кормят и не делают различия между мною и природными русскими. Я клялся служить русскому царю верно — этого достаточно!»²⁰. За этими словами, сказанными с нарочитой однозначностью и внешне не оставляющей сомнений лаконичностью, трудно разглядеть нравственные терзания. Однако многочисленные примеры того, как делающие успешную карьеру на русской службе горцы, совершенно неожиданно для сослуживцев и начальства изменяли присяге, и переходили на противоположную сторону фронта Кавказской войны²¹, заставляют воспринимать эти слова литературного героя не столь однозначно.

Это впечатление только усиливается после слов капитана Пустогородова, сказанных о смерти Пшемафа: «Счастливец, он сошел в могилу, хоть без громкой славы, но зато и без угрызений совести. Жизнь для него была довольно тягостна:

он любил единоземцев; но узами благодарности был связан с их противниками. И тут, однако ж, Пшемаф умел оставаться благородным человеком; он был верен своей присяге, не изменяя любви к отчизне и не торгуя земляками для личных выгод. Кто знает, что ожидало его? Богатство и власть или бедствия, позор и гонение? По крайней мере, теперь он избежал, что, по моему мнению, хуже всего – разочарования в жизни»²². Смерть окончила для Пшемафа процесс внутренней борьбы, который происходил в сознании офицеров-горцев Отдельного Кавказского корпуса. В известных мемуарах яркого представителя этой группы участников Кавказской войны М.А. Кундухова²³ перед читателем разворачивается трагедия личности, связанная с разочарованием в собственной многолетней деятельности на Кавказе в качестве офицера русской армии. Но попытка выхода из этого тупика: измена присяге и переселение в Турцию – не избавляет автора воспоминаний от новых моральных противоречий. В исторической памяти осетинского народа образу М.А. Кундухова присущи в большей степени негативные коннотации как человеку, устроившему себе и своей семье комфортную жизнь в Османской империи, но обрекшего множество соотечественников, последовавших вслед за ним, на многочисленные лишения.

Обрисованные пунктиром портреты некоторых героев романа «Прodelки на Кавказе», на наш взгляд, являются символической иллюстрацией Кавказской войны как военного столкновения, имеющего социокультурное содержание и значение. В Кавказской войне столкнулись не только представители различных культурных традиций, следующих различным императивам поведения, но сам конфликт оказался пространством формирования новых, гибридных форм социальной жизни. Корпоративная идентичность «настоящих кавказцев», двойственность мировоззрения офицеров-горцев на русской службе, откровенно карьеристские устремления чиновников имперской администрации и офицеров-«фазанов», решимость «немирных» горцев отстаивать традиционный образ жизни, социальные и религиозные мотивы участников движения Шамиля – все это многообразие взаимодействующих исторических феноменов и составило пеструю палитру Кавказской войны – исторического явления, объединившего самобытных героев сюжетом одной истории.

Примечания

1. *Вейденбаум Е.Г.* Кавказские этюды: Исследования и заметки. Тифлис, 1901. С. 308.
2. *Хамар-Дабанов Е.* Проделки на Кавказе. Ставрополь, 1986. С. 133.
3. *Вейденбаум Е.Г.* Указ. соч. С. 312.
4. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 165. Л. 46 об.
5. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. Краснодар, 1996. С. 250.
6. *Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб., 2003. С. 30–31.
7. *Хамар-Дабанов Е.* Указ. соч. С. 71.
8. Подробнее о горской народной медицине в XIX в. см.: *Манышев С.Б.* Из истории взаимовлияния народной медицины и государственной системы здравоохранения на Северном Кавказе в первой половине XIX века // Известия вузов. Северокавказский регион. Общественные науки. 2013. № 6. С. 29–33.
9. *Хамар-Дабанов Е.* Указ. соч. С. 131.
10. Там же.
11. Подробнее см.: *Лапин В.В.* Кавказская война – война взаимного непонимания // Россия и Кавказ. СПб., 2003. С. 5–16.
12. *Хамар-Дабанов Е.* Указ. соч. С. 109.
13. Там же.
14. Там же. С. 177.
15. *Андреев В.* Воспоминания из Кавказской старины // Кавказский сборник. Тифлис, 1876. Т. I. С. 3.
16. Мемуары графа де Рощешуара, адъютанта императора Александра I (Революция, Реставрация, Империя) // Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы. СПб., 2002. С. 340–341.
17. *Хамар-Дабанов Е.* Указ. соч. С. 161.
18. Там же. С. 162.
19. Там же. С. 77.
20. Там же. С. 144.
21. Наиболее известные из подобных случаев связаны с именами М.А. Кундухова и Омар-бека Касымханова.
22. Там же. С. 160.
23. Мемуары генерала Муса-паши Кундухова (1837–1865) // Звезда. 2001. № 8. С. 100–130.

A.T. URUSHADZE

CAUCASIAN WAR IN «TRICKS IN THE CAUCASUS»:
DIFFERENT CHARACTERS OF ONE STORY

This article analyzes the well-known novel «Tricks in the Caucasus». Portraits of the main characters are highlighted in the work, the images of which are considered in the historical context of the era.

Keywords: Caucasian War, «Tricks in the Caucasus», Russian Empire, Caucasus.

УДК – 904(470.6)

В.А. Фоменко
(г. Нальчик)

ОБ АДЫГО-АБАЗИНСКОМ И НОГАЙСКОМ НАСЕЛЕНИИ ПЯТИГОРЬЯ В ПЕРИОД КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена истории коренного населения Пятигорья (Кавказских Минеральных Вод) в период Кавказской войны. Обобщаются данные о старинных селениях кабардинцев, абазин и ногайцев. Настоящая работа опирается на ранее опубликованные материалы, данные археологии, некрополистики и топонимики. Более конкретно рассмотрены процессы изменения этнического и конфессионального состава населения до начала XX в.

Ключевые слова и фразы: *Пятигорье, Кабарда, черкесы, абазины, ногайцы, Кавказская война, динамика этнического и конфессионального состава населения, последняя четверть XVIII – начало XX в., историческая память.*

Одной из особенностей развития отечественной исторической науки на современном этапе является повышенный интерес к дискуссионным военно-политическим аспектам истории включения Северного Кавказа в состав Российской империи, истории развития национальных отношений в условиях сильного инокультурного давления¹. Этот интерес обусловлен и сложностью нынешней этнополитической ситуации в Кавказском регионе.

В настоящей работе рассматривается изменение этнического и конфессионального состава населения региона Пятигорья² или Кавказских Минеральных Вод на протяжении последней четверти XVIII – начала XX в., анализируются причины и последствия этих процессов. Комплексный подход к изучению исторических памятников XVIII–XIX вв., дополненный данными этнологии, топонимики, некрополистики и отчасти – археологии, позволяет более полно воссоздать картину исторических событий далекого прошлого³.

Население Пятигорья издревле было многонациональным. В XV–XVIII вв. соседями пятигорских адыгов были равнинные абазины (тапанта) и ногайцы⁴. Однако основным населением Пятигорья вплоть до начала XIX в. следует считать кабардинцев. Территория региона наряду с частью Верхнего Прикубанья являлась западной частью Большой Кабарды. В XVIII–XIX вв. западные территории Кабарды местным населением воспринимались как Атажукей – владения князей Атажукиных (ХьэтПохьущокьуэ)⁵. Северной границей своих владений кабардинские князья считали р. Томузловку⁶, западной – долину Большой Лабы⁷. В XV – середине XVIII в. Кабарда являлась крупнейшим феодальным социумом Северного Кавказа и активнейшим участником регионального исторического процесса⁸.

В кабардинских преданиях и легендах наибольшая вершина Пятигорья – гора Бештау (по-кабардински Ёуашхьитху или более позднее Бешто) – выступает как главная гора, известная кабардинцам. С ней связано предание о гибели нарта Сосруко и князя Лавристана⁹.

В истории кабардинского этноса XV–XIX вв. можно выделить два крупных этапа: старокабардинский, или языческий и кабардинский, или исламский. Первому периоду соответствует старокабардинская археологическая культура XV–XVII вв. Памятники ее в районе Пятигорья представлены многочисленными курганными группами в верховьях Кумы и в долине Подкумка. Сочетание курганного и бескурганного обряда, вероятно, связано со сложным (адыго-абазинским) этническим составом населения Пятигорья. Бескурганный обряд в ряде случаев, возможно, отражает поздний этап функционирования старокабардинских некрополей и постепенный переход местного населения к исламским ритуальным традициям¹⁰. Археологические и исторические данные позволяют выявить относительно широкое использование курганного обряда погребения в XVIII стол.¹¹ и эпизодическое бытование этого обряда до 30-х гг. XIX в.¹² Общее число сохранившихся и утраченных старокабардинских курганных могильников на сегодняшний день составляет 55. Значительное количество учтенных в Пятигорье курганных групп XV–XVII вв., а также их высокая здесь концентрация¹³, вполне сопоставимая с районом центральной части Кабарды¹⁴, позволяют объяснить, почему одним из самых распространенных адыгских этнонимов XVI–XVII вв. был *черкасы пятигорские*¹⁵.

С XVII стол. с усилением влияния Крымского ханства в Центральном Предкавказье¹⁶ укрепляются и позиции ислама¹⁷. Уже в XVIII в. значительная часть населения Кабарды исповедовала эту религию. На смену языческим курганным некрополям пришли мусульманские кладбища. Относительно Пятигорья известный кавказовед Н.Г. Волкова отмечала, что крымская экспансия в первой половине XVIII стол. привела к отсутствию стабильного местного населения в изучаемом регионе¹⁸. Однако долина Подкумка и другие части Пятигорья продолжает восприниматься кабадинцами и абазинами как земля предков.

В своих заметках путешественник П.С. Паллас, посетивший этот район в конце XVIII стол., пишет: «Дорога простиралась на юг вдоль берега Подкумка у подножия гор. Здесь мы видели несколько могил абазин и черкесов на возвышенностях вдоль долины: все они были из камня, сложенного в виде полого куба, и все они имели на каждом из углов широкие столбы, увенчанные изображением человеческой головы»¹⁹.

А.И. Лавров опубликовал рисунки двух мавзолеев, зафиксированных в 20-х гг. XIX в. архитектором Джузеппе Бернардацци, хранившиеся в архиве известного ученого П.И. Кеппена. Эти каменные постройки, находившиеся ранее в долине Подкумка между современными Ессентуками и Кисловодском, вполне аналогичны адыгским и абазинским намогильным памятникам, описанным П.С. Палласом. Судя по арабским надписям здесь были погребены Анзор Махуков (в надписи фамилия искажена – Башук) (1155 г.х. (1742–1743) и Исмаил Ашабов (1212 г.х. (1797–1798)²⁰. Интересно, что западная часть сел. Малка в Кабарде до сих пор носит название Ашабово (Ашэбей)²¹.

Пятигорским краеведом М.И. Рыбенко было установлено, что расположение каменных построек, зарисованных Дж. Бернардацци, совпадает с расположением в этом районе мавзолеев XIV в.²² Это совпадение не случайно. В исламе мавзолеи часто возводились над могилами святых. Эти памятники также являются святыми местами. Обычно вокруг могил святых образуются кладбища, т.к. святой "может помочь" тем, кто находится рядом с ним, попасть в рай²³. Очевидно, мусульманские святыни – мавзолеи, построенные в XIV в. в районе Пятигорья, стали ориентирами для устройства кладбища кабардинской знати в XVIII в. Наземная часть упомянутых нами мавзолеев была разобрана казаками при строительстве станицы Ессентукской после 1825 г.²⁴

Во второй половине XVIII стол. значительная часть Предкавказья вошла в состав Российской империи. За строительством Кизляр-Моздокской линии (1763–1765) и обострением отношений с Кабардой последовали походы российских войск под командованием генерала Медема²⁵ в более западные от Моздока районы, в т.ч. и в Пятигорье. В 1777–1780 гг. была создана Азово-Моздокская линия²⁶ – своеобразный военный рубеж между новыми российскими территориями и коренным (преимущественно адыгским) населением предгорий. Пятигорье стало частью этой военно-казачьей линии, а позднее (1803) – и рекреационным районом (курортом Кавказские Минеральные Воды)²⁷, что существенно изменило условия существования здесь местного (кавказского) населения.

Судя по письменным источникам, топографическим картам, устным преданиям, топонимам и археологическим данным, в Пятигорье до середины XIX в. сохранялось значительное по численности адыгское и абазинское население. Адыго-абазинские селения Абуков, Аджиев (Хаджи), Аликонов, Атажукин, Бабуков, Бекмурзин, Джантемиров, Джемурский, Кармов, Каррас, Кошев, Кумско-Лоовский, Махуков, Росламбек, Трамов и др. располагались в долинах Подкумка и Кумы²⁸. В северной части района находились ногайские селения: Ильмурзино, Калмыкаев, Канглы, Найманов, Наурузов, Султановский и др.²⁹ Общее число селений явно превышало 20. Об этих селениях (аулах) писал М.Ю. Лермонтов поэме «Измаил-бей». «Давным-давно, у чистых вод, / Где по кремням Подкумок мчится, / Где за Машуком день встает, / А за крутым Бешту садится, / Близ рубежа чужой земли / Аулы мирные цвели ...»³⁰.

К сожалению, от большей части этих селений не сохранилось даже развалин. Отдельные уцелевшие каменные надгробия с некогда обширных полей-кладбищ конца XVIII в. – середины XIX в. часто являются единственным вещественным свидетельством былого пребывания в этом районе коренного населения. Следы таких кладбищ зафиксированы у селений Атажукин, Бекмурзин, Каррас, Трамов и др. (всего известно около 10 некрополей). Только на 2 кладбищах в северо-восточной части Пятигорья были найдены сохранившиеся каменные стелы-надгробия с изображением тамги в качестве эпитафии³¹.

Историк Н. Шабловский, писал, что раньше в северной части Пятигорья находилось большое число аулов «бештаусских

ногаев», от которых в начале XX в. остались «кое-где под Бештау и Машуком характерные намогильные магометанские памятники – следы былых поселений». Уцелевшие жители некогда многочисленных здесь ногойских аулов были собраны в сел. Канглы³² у слияния рек Кума и Суркуль, существующий и в наши дни близ гор. Минеральные Воды. По сведениям Дж.Н. Кокова, часть ногойцев потомки, которых проживают в ауле Канглы, ранее жили в Кабарде, в сел. Дударуково, имевшем второе название Нэгъуэй (по-кабардински – ногоец)³³.

О многонациональном составе большей части старинных селений Пятигорья говорит история аула Каррас³⁴, который располагался у восточного подножия горы Бештау по течению ручья Гремучка. Его образование связано с переселением в Пятигорье в 1787–1790 гг. абазин и ногойцев из Закубанья. В 1802 г. в Каррасе (в одной из частей этого аула) поселились миссионеры из Шотландии, интересовавшиеся жизнью местного горского и степного населения. Согласно запискам одного из колонистов, Каррас был населен татарами (ногойцами. – В.Ф.), кабардинцами и абазинами, находившимися под властью султанов (потомков рода Гиреев). Население Карраса в 1802 г. составляло более 300 человек. Исходя из описания Карраса, видно, что он состоял из нескольких частей (поселков). Здесь отдельными «кварталами» жили абазины, кабардинцы и ногойцы. Основные источники воды находились в кабардинской и абазинской частях селения³⁵.

Строительство крепостей: Георгиевской, Павловской, Марьинской, (1777), Константиногорской (1780) и Кисловодской (1803) – вызвало большое недовольство местного населения, что привело к многочисленным военным конфликтам. Еще большее недовольство вызвало начало быстрого хозяйственного освоения земель, окружающих крепости, возникновение здесь первых казачьих станиц, крестьянских сел, слобод, населенных купечеством и отставными солдатами.

Российские власти в ряде случаев пытались решить возникавшие проблемы мирным путем. Однако в основном военное начальство предпочитало умиротворять местное население карательными акциями. Причем довольно часто страдали жители мирных селений, а отряды грабителей оставались невредимыми. Так, в 1818 г. абазинский Трамов-аул³⁶, расположенный вблизи Константиногорской крепости, «за укрывательство разбойни-

ков ... был разрушен до основания ... жителям оного позволено было вывести своих жен и детей»³⁷. Вероятно, селение это вскоре было восстановлено. Дворяне Травовы были известны как владельцы лучших на Северном Кавказе конных заводов³⁸.

Местная российская власть была сосредоточена в руках военных, и русских, и иностранцев (преимущественно немецкого происхождения), которых интересовало прежде всего спокойствие на фактической границе (линии), достигаемое усмирением недовольных и растущей казачьей колонизацией. Борьба с частыми в то время эпидемиями приводила к прекращению перемещений и обрекала многие тысячи местных жителей на гибель от голода и болезней.

В 1804–1807 гг. адыго-абазинское и ногоайское население Пятигорья значительно пострадало от эпидемий чумы, других заболеваний и военных действий³⁹. Шотландские миссионеры еще в 1806 г. предлагали создать внутри Кавказской линии особый район – «макроколонию» – между реками Кумой и Малкой (в Пятигорье), где предполагалось расселиться часть многочисленных представителей зависимых от кабардинских князей сословий. В этом случае местное население района в значительно меньшей степени пострадало бы от свирепствовавших в те времена эпидемий и голода. Однако «дело о кабардинцах, желающих быть под защитой российской» получило отрицательное решение⁴⁰.

В годы деятельности на Кавказе генерала А.П. Ермолова военное давление на Кабарду привело к ее непосредственному административному подчинению российской власти⁴¹. Во второй четверти и середине XIX в. в долинах Подкумка и Кумы были поселены нескольких станиц волгских и хоперских казаков (Кисловодская, Ессентукская, Горячеводская, Лысогорская, Боргустанская, Бекешевская, Суворовская, Александрийская)⁴², что коренным образом изменило этноконфессиональный состав населения района.

В 1829 г. Кавказская военная линия и часть казачьих станиц были отодвинуты на Малку. Однако отдельные адыго-абазинские селения вплоть до т.н. реформы по укрупнению аулов 1865 г. существовали в центральной части и на окраинах района КМВ.

К финалу 1820-х гг. российским властям стало ясно, что район Кавказских Минеральных Вод имеет не только военно-стратегическое, но и лечебное значение и появилась задача быстрого

развития инфраструктуры курортов (Горячие, Кислые, Железные, Ессентукские Воды). Стала отчетливо видна необходимость широкого сельскохозяйственного освоения района. В годы Кавказской войны российской администрацией был сделан выбор в пользу заселения Пятигорья русскими, прежде всего военно-крестьянского сословия (казацеством, отставными солдатами), и немецкими колонистами с их европейской культурой земледелия. В результате такой политики абазинское, кабардинское и ногойское население в районе Кавказских Минеральных Вод к концу XIX в. практически исчезло.

С 1809 г. в Пятигорье (Каррас) стали переселяться немцы из Сарепты Саратовской губернии⁴³. Вскоре были в центральной части Пятигорья у горы Машук основаны еще две немецкие колонии – Николаевская (1819) и Константиновская (1831)⁴⁴. В начале XX в. вторым по численности этносом в Пятигорье после русских были немцы. Кабардинское и абазинское население в это время сохранилось только на окраинах Пятигорья – в верховьях Кумы (Кумско-Лоовский – современный Красный Восток) и Подкумка (Абуков – современное Первомайское близ Кисловодска), а также на границе с Кабардой (нынешний Зольский район). По сведениям Дж.Н. Кокова, адыгами и абазинами, переселившимися в XIX в. из Пятигорья, были основаны селения Малка (Аджиево и Трамово), Каменноостское (Кармово), Куркужин (В. и Н.) и др.⁴⁵ Интенсивное переселение абазинского населения из Пятигорья в Большую Кабарду привело к практически полной ассимиляции абазин, потомки которых ныне составляют большинство населения ближайшего Зольского района Кабардино-Балкарской Республики⁴⁶.

Последними из Пятигорья в Кабарду на реку Золка переселились в 1904 г. абазины Абукова-аула, где основали сел. Залукокоаже (современный центр Зольского района)⁴⁷.

Возникшие в конце XVIII – начале XIX в. на Кавказских Минеральных Водах чисто военные поселения (Георгиевская, Константиногорская, Кисловодская крепости) после завершения Кавказской войны утратили свое прежнее значение. Вторая половина XIX и начало XX в. были временем динамичного развития местных курортов, гор. Пятигорска и их сельскохозяйственной округи. Однако история длительного противостояния не прошла бесследно. Это прежде всего коснулось Пятигорска –

центра одноименного отдела Терской области. В этом городе в прошлом не было мечети, хотя всегда было население, исповедовавшее ислам. Трудно, конечно, представить себе наличие мечети в городе, где жил и был похоронен генерал-адъютант Евдокимов Н.И. (1809–1873) участник многих боевых действий Кавказской войны, награжденный всеми орденами Российской империи и возведенный в графское достоинство.

Свидетелем особых этноконфессиональных отношений в регионе является и Пятигорское городское кладбище (некрополь), возникшее в 1824 г. и имеющее сложную структуру, включающую семейные, конфессиональные и военные участки⁴⁸. Господствующее положение занимает участок с погребениями католиков и лютеран. Чуть менее привилегированным является православная часть исторического кладбища. Участки с могилами армян, иудеев и мусульман расположены на периферии некрополя. Но это все кажется в прошлом, и события советского времени восстановили равенство и дружбу жителей Северного Кавказа.

Однако не все, как говорится, кануло в Лету. Кому-то выгодно поднять из руин прежнюю «славу» покорения Кавказа. Совсем недавно установлены памятники А.П. Ермолову в Минеральных Водах (2008 г.) и Пятигорске (2010 г.). Кто-то старательно вычеркивает из региональной истории не такие уж многочисленные эпизоды дружбы и добрососедства.

Приведу один пример. Известно, что курорт Железноводск появился благодаря тому, что летом 1810 г. Измаил-бей Атажукин показал столичному доктору Ф.П. Гаазу источник минеральной воды у горы Железной; 1810 г. до сих пор значится как год основания города, хотя городом Железноводск стал уже при советской власти⁴⁹. На бювете источника № 1 (второе название – Лермонтовский) висела табличка с информацией о том, кем был открыт источник. В 2013 г. табличка была заменена на другую, на которой об Измаил-бее не говорится.

Таким образом, создается впечатление, что история адыго-абазинских и ногайских селений Пятигорья замалчивается и в ряде случаев искажается. Остатки этих исторических памятников или мест, где они располагались, к сожалению, никак не обозначены, и большинству современных обитателей Кавказских Минеральных Вод неизвестны.

Примечания

1. Лапин В.В. Русская армия в Кавказской войне XVIII–XIX вв. // Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 2008. С. 3.
2. Пятигорье (на тюркских языках – Бишдаг, Бештау) – западная часть Центрального Предкавказья – впервые упоминается как самостоятельный историко-географический район Северного Кавказа в XIV в. арабским путешественником Ибн-Батутой (Русский вестник. 1841. Т. 1. С. 464).
3. Фоменко В.А. Адыгское население Пятигорья в XV–XIX вв. // XI Дикаревские чтения. Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа. Краснодар, 2005. С. 56–64; Фоменко В.А. Поздние погребальные памятники в археологических исследованиях // Интеграция археологических и этнографических исследований: Материалы IX международного научного семинара. Нальчик–Омск. 2001. С. 131–132.
4. Ёгоров Н. К итогам Кисловодска // Кавказский вестник. Пятигорск, 1943. 5 января; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М., 1974. С. 65–69, 80–81, 89–91; Рунич А.П. Поселения прошлого века на КМВ // Кавказская здравница. Пятигорск, 1978. 22 сен.; Фоменко В.А. Пятигорье в XV – середине XVIII в. Пятигорск, 2002. С. 25–30, 47–51.
5. Баженов Б.Х. Историческая этнография и география Черкесии // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. 12. Нальчик, 2005. С. 36.
6. Потемкин Г.А. Доклад об учреждении линии от Моздока до Азова // Полное собрание законов Российской империи. СПб.; 1830. Т. XX. С. 518.
7. Баженов Б.Х. Указ. соч. С. 25–27.
8. Кожев З.А. Кабарда в системе этносоциальных отношений на Северном Кавказе (XVIII в.) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1998.
9. Маркелов Н.В. Пятигорск. Когда Бештау был не больше кочки. Ессентуки. 2008. С. 24–28.
10. Фоменко В.А. Старокабардинская культура: этапы развития и границы распространения // Народы Северного Кавказа и Россия. Нальчик, 2007. С. 59–67.
11. Лунин Б.В. Курганные могильники близ города Пятигорска Терской области // Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. Ростов-н/Дону, 1927. Кн. 1. Вып. 2. С. 14–17.
12. Фоменко В.А. Старокабардинская культура ... С. 59–67.
13. Фоменко В.А. Пятигорье ... С. 8–18; Фоменко В.А. Дополнение к карте памятников археологии XV–XVII вв. района Пятигорья // Актуальные проблемы археологии и истории региона КМВ. Пятигорск, 2004. С. 53–54; Фоменко В.А. Адыгское население Пятигорья ... С. 56–64.
14. Нагоев А.Х. Средневековая Кабарда. Нальчик, 2000. Рис. 1 (Вклейка между С. 32–33).
15. Алексеева Е.П. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI–XVII вв. Черкесск, 1957. С. 31–32.
16. Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII в.). Нальчик, 1996. С. 220–228; См. также: Историческое обоснование притязаний крымского хана Шагин-Гирея на черкесов и абазинцев // Черкесы и другие на-

роды Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. Нальчик, 1998. Т. 2. С. 409–410.

17. Калмыков Ж.А. Ислам в истории кабардинцев // Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик, 2004. Вып. 4. С. 171–172.

18. Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 15–16, 47–51.

19. Pallas P.-S. Bemerkungen aus einer Reise in die sudlichen Statthalter des Russischen Reichs. Leipzig, 1803. Bd. 1. Частичный перевод см.: Гориславский И.А. Он выполнил указ Екатерины II // Кавказский край. Пятигорск, 1992. № 5 (31). С. 12–13.

20. Лавров А.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках (надписи X–XX вв.). М. 1968. Ч. II. С. 56–57, 230, 79–80, 236.

21. Коков Дж.Н. Кабардинские географические названия. Нальчик, 1966. С. 70–71.

22. Ртвеладзе Э.В. Два мавзолея золотоордынского времени из района Пятигорья // Советская археология. М., 1969. № 4. С. 262–265; Палимпсестова Т.Б., Рунич А.П. О эссенчукских мавзолеях и ставке Узбек-хана // Советская археология. М., 1974. № 2. С. 230; 234. Рис. 4; С. 237.

23. Ислам. Словарь атеиста. М., 1988. С. 42, 83, 200–201.

24. Палимпсестова Т.Б., Рунич А.П. Указ. соч. С. 238.

25. Рудницкий Р.Р. Российские редуты последней трети XVIII в. в районе Пятигорья // Актуальные проблемы археологии и истории региона Кавказских Минеральных Вод. Пятигорск, 2004. С. 30–32.

26. Гниловской В.Г. Азово-Моздокская оборонительная линия // Памятники Отечества (земля Ставропольская). М., 2000. Вып. 4. С. 42–47.

27. Кавказские Минеральные Воды: К 200-летию юбилею. М., 2003. С. 3.

28. Фоменко В.А. Памятники степного и горского населения Пятигорья в конце XVIII – середине XIX в. // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время. Пятигорск, 2000. С. 244–247; Фоменко В.А. Пятигорье ... С. 51–52.

29. Фоменко В.А. Археологические памятники Пятигорья и ранняя история ногайцев Предкавказья // Половецкая луна. Черкесск, 1994. С. 112–119; Керейтов Р.Х. Орда пашню пахала на Куме. Минеральные Воды. 1996. С. 60–61.

30. Лермонтов М.Ю. Сочинения. М.; Л., 1955. Т. 3. С. 156.

31. Рунич А.П. Поселения прошлого века ... ; Фоменко В.А. Памятники степного и горского населения ... С. 244–247.

32. Шабловский Н.Н. Георгиевская старина. СПб., 1914. С. 9.

33. Коков Дж.Н. Указ. соч. С. 47.

34. Название Каррас происходит от тюркского гидронима Кара су (темная или родниковая вода). См.: Топонимика района Кавказских Минеральных Вод: Материалы региональной конференции. Пятигорск, 1999. С. 41.

35. Дневник наблюдений за природой и записки Александра Патерсона. Хранится в фондах Пятигорского краеведческого музея. № 23696 о.ф.; Краснокутская Л.И. Иноземцево (1802–2002). Страницы истории. Пятигорск, 2002. С. 10, 31.

36. Абазины. Историко-этнографический очерк. Черкесск. 1989. С. 31.

37. Ермолов А.П. Записки (1798–1826). М., 1991. С. 311.

38. Klaproth von, J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien, unternommen in den Jahren 1807 und 1808. 3 Bande, Halle und Berlin, 1812. Bd. 1. S. 451.

39. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1868. Т. II. С. 924; Туганов Р.У. Шариатское движение в Кабарде против царизма в 1799–1807 гг. // Живая старина. Нальчик, 1991. № 1. С. 8–19.
40. Российский государственный исторический архив. Ф. 383. О. 29. Д. 280. Дело о кабардинцах, желающих быть под защитой Российской (16 августа 1806 – март 1807 г.).
41. Думанов Х.М. Вдали от Родины. Нальчик, 1994. С. 10.
42. Край наш Ставрополье. Ставрополь, 1999. С. 83–84.
43. Краснокутская Л.И. Шотландская миссия на Северном Кавказе. Пятигорск–М., 2005. С. 10, 54.
44. Чекунов С.А. Иностранные поселения на Ставрополье в конце XVIII и первой половине XIX в. // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1971. Вып. 12–13. С. 243–253.
45. Коков Дж.Н. Указ. соч. С. 56, 68, 71.
46. Кожев З.А. Абазины в Кабарде // Литературная Кабардино-Балкария. Нальчик, 1997. № 3. С. 108–116.
47. Коков Дж.Н. Указ. соч. С. 50.
48. Фоменко В.А. Пятигорский некрополь // Провинциальный город в XVIII–XXI вв. История, экономика, культура. Кизляр, 2008. С. 158–166.
49. Лозовенко А.З., Коваленко В.И. Железноводск. Исторический очерк. Ставрополь, 1990. С. 8–11.

V.A. FOMENKO

ABOUT ADYGHE-ABAZA AND NOGAI POPULATION OF THE REGION PYATIGORJE DURING THE CAUCASIAN WAR

Annotation. The article is devoted to the history of the indigenous population of the region Pyatigorye (Caucasian Mineral Waters) during the Caucasian War. Summarizes data about old Kabardian, Abaza and Nogai settlements. The present work is based on previously published material, archaeological, toponymy and cemetery data. Treated in more detail the processes of change in the ethnic and religious composition of the population before the start of the XX century.

Keywords: and phrases: Pyatigorye, Kabarda, Circassians, Abaza, Nogai, Caucasian War, dynamics of ethnic and religious composition of the population, the last quarter of the XVIII – beginning of XX century. historical memory.

Содержание

<i>Бгажноков Б.Х.</i> Моздок в истории Кавказской войны	3
<i>Березгов Б.Н.</i> Кавказская война в турецкой историографии	23
<i>Гапуров Ш.А.</i> Кавказская война: хронология, причины и содержание	35
<i>Дышеков М.В.</i> Кавказская война в лицах: штрихи к историческому портрету Исхака Абукова	50
<i>Калмыков Ж.А.</i> К истории Семимесячной войны кабардинцев 1779 г.	57
<i>Камбачокова М.Ю.</i> Трагедия кавказской войны в судьбе абазинского народа	69
<i>Максимчик А.Н.</i> Изучение истории российско-северокавказских взаимоотношений в период Кавказской войны	80
<i>Мирзоева С.Г.</i> Последствия Кавказской войны: черкесы на Балканском полуострове в 60-е гг. XIX в.	104
<i>Нагоев И.Б.</i> Первые этапы и первые уроки Кавказской войны ...	118
<i>Озова Ф.А.</i> Формирование парадигмы Кавказской войны (1762–1770-е гг.)	132
<i>Паиштова М.М.</i> Кавказская война в «классических» формах фольклора и современном социокультурном дискурсе черкесской диаспоры	155
<i>Урушадзе А.Т.</i> Кавказская война в «Проделках на Кавказе»: разные герои одной истории	166
<i>Фоменко В.А.</i> Об адыго-абазинском и ногайском населении Пятигорья в период Кавказской войны	175

Научное издание

**КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА:
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, УРОКИ**

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

(г. Нальчик 15–19 октября 2014 г.)

Художественное оформление
И.Х. Кушховой

Компьютерная верстка
и техническое редактирование
И.Х. Кушховой

Корректор
Л.О. Тамазова

ISBN 978-5-91766-092-9

Подписано в печать 25.12.2014 г. Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Palatino Linotype
Усл. печ. л. 10,8 . Тираж 500 экз. (1-й завод – 100). Заказ № 118

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94